

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 3/2010

К 65-летию Великой Победы

Отношения КНР
с сопредельными государствами

Теория международных отношений
с китайской спецификой

Приватизация по-бирмански

Экологические проблемы Шанхая

Размышления о причинах войны
на Корейском полуострове
(1950—1953)

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

3/2010

Май - Июнь

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

ПОЛИТИКА

- С. Лузянин.* Китай и “ближнее окружение”: региональные и двусторонние аспекты отношений.....3
Д. Майборода. Саммиты КНР—ЕС.....20

ЭКОНОМИКА

- Д. Файзуллаев.* Битва за Монголию: оправдывает ли цель средства?.....29
А. Симония. Приватизация по-бирмански.....42

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

- Е. Бирюлин.* Экологические проблемы Шанхая.....50

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

- О. Максимова.* Институт Председателя Китайской Народной Республики в политико-правовом развитии страны.....65
Чжао Мэн. Политическая наука и реформа политической системы КНР.....72
А. Габуев. Китайские националисты: штрихи к интеллектуальному портрету Ван Сяодуна.....78

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- Чжан Жуйчжуан, А. Королев.* Теория международных отношений с китайской спецификой: современное состояние и тенденции развития.....96

БИОЛОГИЧЕСКОЕ

ОТДЕЛЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН СССР

К 65-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 ГГ.

В. Антонов. Вспоминая о Великой Победе 111

ИСТОРИЯ

А. Юркевич. Китайская армия в бирманских компаниях Второй мировой (1942–1945 гг.) 118

К. Асмолов. Об “ответственности внешних сил” за начало Корейской войны 131

И. Усов. Движение за созыв Индокитайского конгресса в 1936 г. 159

РЕЦЕНЗИИ

В. Самойлов. Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура 173

А. Давыдов. Усов В.Н. Дэн Сяопин и его время 177

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

К юбилею Нины Ефимовны Боровской 183

Сергею Аркадьевичу Торопцеву — 70 лет 186

Contents 188

Summary 189

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков

Редакционная коллегия: Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), А.З. Жебин, Е.И. Зеленев, В.О. Кистанов, А.В. Ломанов, С.Г. Лузянин, А.Е. Лукьянов, А.В. Макаров, П.А. Минакир, А.В. Островский, Л.С. Переломов, С.С. Разов, И.А. Рогачев, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.Н. Усов.

Политика

Китай и "ближнее окружение": региональные и двусторонние аспекты отношений

© 2010

С. Лузянин

Проанализирована проблема приоритетов во внешнеполитическом процессе Китая. Рассмотрены отдельные аспекты региональных и двусторонних отношений КНР с Японией, КНДР, РК, РФ, Монголией, Центральной Азией, АСЕАН, Индией, Пакистаном.

Ключевые слова: Китай, внешняя политика, приоритеты, Северо-Восточная Азия, российский Дальний Восток, АСЕАН, зоны свободной торговли, Центральная Азия, двусторонние и многосторонние отношения, Южная Азия.

Общая постановка проблемы.

Рассмотрение международных аспектов такого явления как регионализм предполагает более широкую трактовку внешней политики того или иного государства, включая его двусторонние отношения с сопредельными странами. Под регионом / субрегионом понимается территория шире, чем территория одного национального государства, в отличие от "внутреннего" регионоведения, рассматривающего регионы как составную часть национального государства. В научной литературе часто вместо термина "субрегион" используется понятие "регион", что не является, на наш взгляд, принципиальной ошибкой. Как правило, субрегион по количеству стран значительно уступает региону, в который могут входить два и более субрегионов. На основе территориально-географических признаков в азиатской части мира сложилась определенная система регионов и субрегионов¹. Метод использования "расширительного" понимания регионализма как комплексного, интегрального явления апробирован в российской политологии и предполагает, что политика государства в отношении сопредельного или расположенного в данном/соседнем регионе прямо или косвенно отражает ведущие тенденции развития и безопасности данного региона/регионов. Из этого вытекает метод

Лузянин Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, зам. директора Института Дальнего Востока РАН, руководитель Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС.

одновременного анализа как ключевых региональных компонентов, так и двусторонних элементов межгосударственных отношений². Автор, не претендуя на монополию в теории и методологии данного вопроса, предлагает свою трактовку современной китайской (региональной) внешней политики.

Экспертно-теоретический дискурс

В научной литературе, посвященной внешней политике КНР, международным отношениям на Дальнем Востоке, проблемам места Китая в мировой и региональной политике уделяется большое внимание³. Регионализация мира — один из ведущих современных процессов, который просматривается в интеграционных проектах многостороннего сотрудничества — ЕС, АСЕАН, АСЕАН плюс один (КНР), АСЕАН плюс три (КНР — РК — Япония), Североамериканская зона свободной торговли (NAFTA), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и другие. Часть западных экспертов не исключает распад ряда глобальных институтов типа ВТО, МВФ на отдельные региональные “куски” — евразийский, европейский, панамериканский, восточноазиатский⁴.

В этих условиях возникает естественный вопрос о *специфике китайского регионализма* и особенностях политики КНР в тех или иных регионах мира. Можно ли говорить в настоящее время о формировании некоего нового качества этой политики, отражающей как общемировые, так и региональные тенденции? И каковы основные параметры этого “нового качества” китайской внешней политики?

В этой связи просматриваются, по крайней мере, три теоретических вопроса, на которые пока нет однозначных ответов.

Во-первых, каковы критерии и границы, определяющие собственно региональную и глобальную политики Китая? Очевидно, что критерии формируются, исходя из подходов КНР в отношении, прежде всего, сопредельных либо близких Китаю географически государств и регионов. В систему близких регионов и субрегионов входят: 1) *Северо-Восточная Азия (СВА)* — Япония, КНДР, РК, Монголия, сам Китай — и к которой условно можно отнести и российскую часть Сибири и Дальнего Востока; 2) *Юго-Восточная Азия (ЮВА)* — Индонезия, Филиппины, Малайзия, Сингапур, Вьетнам, Таиланд, Камбоджа, Мьянма, Лаос, Бруней; 3) *Центральная Азия (ЦА)* — Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и Кыргызстан; 4) *Южная Азия (ЮА)* — Индия, Непал, Бутан, Шри Ланка и другие. Существует еще географически близкий регион *Среднего Востока* с Ираном, Афганистаном, Пакистаном и другими государствами.

Что касается места Китая в мире и особенностей его глобальной политики, то в последнее время в китайской и российской научной литературе появились новые трактовки. В рамках дискуссии о приоритетных зонах ответственности Китая и о том, чем же является он сегодня — “важной региональной державой АТР”, “большим развивающимся государством” или “сверхдержавой”, идущей среди ведущих экспертов России и Китая⁵, просматривается тезис о некотором сближении и даже в отдельных случаях синтезе региональных и глобальных приоритетов Китая. Очевидно, что между китайским региональным и глобальным позиционированием имеется определенное противоречие, так же как оно имеется и в разночтениях “статуса” Китая (“развивающееся государство”, “развитое государство”)⁶. Однако можно предположить, что на этой противоречивой основе формируется новое качество китайской внешней политики, которое влияет как на региональные, так и глобальные проекты КНР.

Анализируя это качество, следует отметить подвижность “границы” между глобальными и региональными интересами и постоянное расширение регионального пространства. Так, Китай вместе с Россией и Индией, продвигая проект РИК, который имеет евразийский (региональный) характер, перевели его в более широкий формат — БРИК, подключив к трехстороннему сотрудничеству четвертого игрока, Бразилию — ведущую страну Латинской Америки. Сохранив “старую” региональную повестку, Китай и другие страны сформировали в рамках БРИК новую повестку, которая содержит не только региональные, но и глобальные вопросы, например, такие как реформа мировой финансовой системы, совместная защита интересов развивающихся стран, обеспечение продовольственной, энергетической безопасности, совместное противостояние климатическим изменениям и другие. Очевидно, что в этих вопросах просматривается, прежде всего, китайский глобальный интерес. Происходит расширение экономического и политического влияния Китая в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, регионах СНГ (Центральной Азии, Закавказье), Латинской Америке, Европе (ЕС). В этих условиях достаточно сложно определить “линию”, которая отделяет региональные интересы КНР от глобальных.

Во-вторых, проблема соотношения китайской региональной политики и вопросов безопасности. Не ведет ли выход Китая на обновленный статусный уровень к обострению его отношений с соседними странами по региону?

Данный вопрос достаточно актуален с теоретической и практической точек зрения. Утвердившийся в западной политологии взгляд, согласно которому выдвижение нового, сильного игрока в регионе автоматически обостряет региональную безопасность, меняя баланс сил, может создать для Китая не очень радужные перспективы. В рамках такого подхода КНР обречена на столкновение с Японией в СВА, с США в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), с Индией в Южной Азии и т.д. Однако эти взгляды представляются несколько искусственными и, на наш взгляд, механически проецируют модели конфликтности на восточноазиатскую региональную почву.

В случае с Китаем, скорее всего, может сработать мягкая адаптационная модель в рамках выдвигаемой сегодня в КНР концепции создания “гармоничного мира”. В условиях трансформации Китая в “ответственную великую державу” КНР будет выгодно выстраивать варианты ненасильственного подъема нации при сохранении стабильности как в сопредельных регионах, так и на глобальном уровне. Специфика китайской внешней политики, как известно, — неразрывность внешней и внутренней политики, подчиненность первой целям национального развития. В этом смысле “конфликтная стратегия” может поставить под угрозу внутренние успехи Китая, поэтому у нее мало шансов для принятия в том или ином виде высшим китайским руководством. Китайские ученые и политики делают акцент на задачах и приоритетах исключительно экономического строительства, на соподчиненности внешней политики стратегии реализации реформ⁷.

В-третьих, приоритетность тех или иных регионов мира. Какие сопредельные регионы наиболее важны для КНР с точки зрения ее экономических, энергетических, транспортных и т.д. интересов, включая сферу безопасности, а какие нет?

Приоритетные регионы могут составить следующий условный ряд: 1) Северо-Восточная Азия (СВА), включая часть РФ (российский Дальний Восток и Сибирь); 2) Юго-Восточная Азия; 3) Центральная Азия; 4) Южная Азия (ЮА). В качестве ведущего критерия здесь выступает создание Китаем регионально-интеграционных пространств на основе зон свободной торговли⁸, а также интересы

безопасности и уровень потенциальных и реальных угроз, идущих из региона. Проект Туманган (Тумэньцзян) потенциально может еще более усилить значимость СВА для Китая, став площадкой для взаимовыгодного развития северо-восточных провинций КНР, российского Дальнего Востока, КНДР и Монголии⁹.

Китайская политика в Северо-Восточной Азии. Японское направление

Анализируя итоги последних *китайско-японских* переговоров, включая визиты в Японию Председателя КНР *Ху Цзиньтао* (май 2008 г.)¹⁰ и заместителя Председателя КНР *Си Цзиньпина* (декабрь 2009 г.), следует обратить внимание на некоторые новые аспекты китайской политики в отношении Японии.

Китайское руководство, положительно оценило косвенные сигналы нового премьер-министра *Юкио Хатоямы*, указывающие на желание японского руководства проводить политику более удаленную от США и снизить политическую зависимость от Вашингтона. Не исключено, что китайское руководство рассматривает эти новые моменты как своеобразный дополнительный шанс для дальнейшего улучшения китайско-японских отношений как в региональном, так и в глобальном аспектах. Если такая “перезагрузка” в ближайшие годы состоится, то она будет означать не только ослабление японо-американского альянса, но и переход китайско-японских отношений в новое качество. Они вполне могут стать (и отчасти уже становятся) ведущими и системобразующими (особенно в интеграционно-экономических сферах) в Северо-Восточной Азии. В этой связи, суммируя различные дискуссии и высказывания китайских специалистов по Японии¹¹, следует обратить внимание на следующие проблемы.

В 2010 г. приоритетной целью двух стран становится достижение формата “стратегических и взаимовыгодных интересов”. В данной формулировке еще делается акцент не на дружественные чувства, а на прагматичные и равноправные интересы. Очевидно, что эта формула является сегодня переходной для стратегического сотрудничества КНР и Японии, к которому пока стороны не готовы. 7 февраля 2010 г. в Пекине на первом заседании Китайско-японского комитета дружбы в XXI в. 5-го созыва председатель китайской части комитета, бывший член Госсовета КНР *Тан Цзясюань* внес три предложения по развитию двусторонних отношений: “во-первых, серьезно возвращать стратегическое взаимодоверие; во-вторых, всемерно стимулировать вывод на более высокий виток торгово-экономических связей; в-третьих, непрерывно расширять людские обмены, всемерно улучшать чувства между народами”¹².

Китай хотел бы интенсифицировать процесс разрешения противоречий, сохраняющихся между странами. Проблема демаркации границы в Восточно-Китайском море и территориальный спор вокруг островов *Дяюйдао*, по мнению китайских экспертов, должны быть решены в одном блоке и в ближайшее время. Возможно, что в случае положительного разрешения территориальных вопросов, КНР будет готова на ряд небольших уступок по другим вопросам — поддержки Японии в структурах ООН¹³, предоставления экономических преференций и пр. Конфликты же, связанные с историей китайско-японских отношений, также могут быть разрешены или сглажены в процессе культурно-гуманитарного сотрудничества¹⁴.

9 января 2010 г. в Токио состоялся 9-й раунд японо-китайского стратегического диалога, который не устранил существующие разногласия двух стран в

отношении разработки месторождений газа в спорных зонах в Восточно-Китайском море. Стороны подтвердили обоюдную готовность “тесно сотрудничать в сфере экономики в период глобального финансового кризиса”. Достигнута договоренность об “углублении взаимодействия в области продовольственной безопасности”¹⁵.

КНР предлагает Японии усилить экономическую интеграцию в Восточной Азии, создавая *Восточно-азиатское сообщество*. В условиях мирового кризиса эта идея особенно актуальна для обеих сторон. Причем и Пекин, и Токио согласны с тем, что в обоюдных интересах плавно уменьшать свою зависимость от рынков США. Стороны готовы объединить свои усилия для заключения соглашения о свободной торговле и экономическом партнерстве для координации формирования пространства свободной торговли Восточно-азиатского сообщества. Объем двусторонней торговли в 2007 г. составил 236 млрд долл., в 2008 — 266,8, в 2009 г. — 228,8 млрд долл. Объем японских инвестиций в Китай на конец 2008 г. составил 64,6 млрд долл.¹⁶

В вопросах региональной безопасности китайские представители пытаются убедить японских политиков в том, что усиление комплексной мощи КНР — объективный процесс, который является для Японии не угрозой, а скорее может способствовать ее развитию. Тем не менее, формат отношений двух стран, касающийся традиционной и нетрадиционной сфер безопасности, сохраняется в рамках формулы “не друзья и не противники”. КНР, как известно, поддерживает идею создания коллективных структур и механизмов региональной безопасности в СВА с участием Японии, Южной Кореи, РФ и США, например, на основе шестисторонних переговоров по ядерной проблеме КНДР. Вместе с тем, в Китае понимают, что их создание не может происходить без учета американского фактора и сохраняющегося японо-американского военно-политического альянса. Поэтому в Пекине не исключают возможности формирования в будущем стратегического диалога “КНР — США — Япония”.

Китайско — корейские аспекты двусторонних и региональных отношений

Специфика *китайско-южнокорейских отношений* на 2010 и последующие годы связана с тем, что кроме собственно двустороннего формата (торговля, инвестиции, культурные обмены), они находятся под возрастающим влиянием сразу нескольких разнородных внешних факторов.

Во-первых, это — северокорейская проблема и процесс шестистороннего урегулирования на Корейском полуострове, который в 2009 г. зашел в очередной тупик. Причем китайская сторона в своих контактах с представителями РК всегда подчеркивает “гибкость и конструктивность позиции КНДР” по вопросам возобновления шестисторонних переговоров, выступая политическим адвокатом Пхеньяна¹⁷. Южнокорейское руководство, адекватно оценивая формальные и неформальные возможности Китая в плане его воздействия на КНДР, как правило, соглашается с подобной ролью.

Во-вторых, это реалии и перспективы развития трехстороннего интеграционного проекта КНР — РК — Япония, создания китайско-японо-южнокорейской зоны свободной торговли. Отметим, что в рамках треугольника “КНР — Япония — Южная Корея” 10 октября 2009 г. в Пекине состоялась вторая встреча руководителей этих государств, были приняты “Совместная декларация 10-й годовщины сотрудничества Китая, Японии и РК” и “Совместная декларация Китая, Японии и Южной Кореи по устойчивому развитию”, а также достигнуто сог-

лашение по 10 инициативам в области сотрудничества, подведены итоги трехстороннего сотрудничества за последние десять лет¹⁸. Очевидно, что данный проект со временем может стать серьезным конкурентом ЗСТ КНР — АСЕАН, учитывая экономические и технологические ресурсы и возможности сторон.

В-третьих, это американское влияние на Южную Корею. США остаются ключевым военно-стратегическим союзником РК. Это обстоятельство является неким политическим ограничителем для углубления китайско-южнокорейского сотрудничества. Задача Сеула в этих условиях — мягко и безболезненно адаптировать американский фактор к новому, более масштабному китайско-южнокорейскому формату сотрудничества. Насколько это удастся — покажет время.

Китайско-северокорейские отношения, с одной стороны, развиваются в рамках, сохранившихся (де-юре и де-факто) союзнических отношений, чрезвычайно важных для КНДР со всех точек зрения. С другой стороны, невосприимчивость северокорейского руководства к китайским попыткам вовлечения Северной Кореи в процессы реформирования экономики на принципах открытости, использования рыночных механизмов и китайского опыта, усиливающийся социально-экономический кризис и стагнация народного хозяйства КНДР заставляют КНР более сдержанно подходить к вопросам безоговорочной поддержки Северной Кореи. Пекин систематически воздействует на Пхеньян в рамках двусторонних (закрытых) межпартийных и межправительственных контактов, побуждая Северную Корею к разумной гибкости.

Одновременно Китай продолжает рассматривать КНДР как ключевое звено своей безопасности в Северо-Восточной Азии с сохранением Северной Кореи в качестве самостоятельного государства. Причем данная позиция вряд ли изменится, даже если КНДР обретет “полноценный ядерный статус”. Проблема для Пекина будет заключаться лишь в сохранении своего влияния на Пхеньян¹⁹.

Сибирско-дальневосточный аспект российско-китайских отношений

Российско-китайское стратегическое партнерство, несмотря на относительно невысокий по сравнению с другими крупными партнерами Китая (США, Японией, ЕС), уровень торгово-экономических связей, чрезвычайно важно для КНР. Развитие стратегического диалога с РФ для Китая означает, что он имеет в лице России, постоянного члена СБ ООН и других крупных организаций, надежного партнера, который обеспечивает стабильность и “северный тыл” на границе в 4,3 тыс. км. РФ — важный источник энергоносителей (нефть и газ) для Поднебесной. И хотя сегодня доля российской нефти в китайском импорте пока невысока — 5-е место после стран Персидского залива, Африки и Латинской Америки, потенциально, с учетом вступившего в строй в декабре 2009 г. нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан (ВСТО) и других проектов, энергетическое значение России для Китая будет повышаться. Российские Сибирь и Дальний Восток — привлекательные районы для китайских инвестиций и трудовой миграции, что может способствовать развитию этих территорий. Для Пекина, исходя из территориальной близости, достаточно выгодно одновременно развивать собственные провинции северо-востока и содействовать развитию соседних российских регионов.

В российской экспертно-аналитической литературе проблема приграничных связей России и Китая разработана достаточно подробно и глубоко, причем как учеными из Москвы, так и сибирско-дальневосточными исследователями²⁰.

Вес и значение региональных связей в общем российско-китайском партнерстве в течение 1991–2009 гг. менялись как в экономическом, так и политическом плане.

В конце 1990-х гг. в России на экспертном и политическом уровнях была сформулирована идея о необходимости в условиях растущей глобализации комплексной экономической интеграции РФ через Сибирь и российский Дальний Восток в АТР. На первых Байкальских экономических форумах (БЭФ — 2000, 2001), проходивших в Иркутске, эта идея получила дополнительное развитие²¹. Другой момент, связанный с проблемой экономического возрождения Сибири и Дальнего Востока, — качественный и количественный рост федеральной целевой помощи и инвестиций на развитие сибирских и дальневосточных регионов за счет дополнительных внутренних средств, появившихся в стране за последние годы. С поправкой на борьбу с кризисом в 2010 г. правительство приступило к комплексной реализации программы развития Сибири и Дальнего Востока, а также к подготовке планируемого в 2012 г. саммита АТЭС под Владивостоком. Объем целевых федеральных средств был значительно увеличен. Большая часть денег выделена на создание инфраструктуры и развитие промышленных производств в Приморье, других дальневосточных и сибирских субъектах.

Основными факторами, определяющими позицию Китая в отношении развития торгово-экономического сотрудничества с Россией, на начало 2010 г. остаются, во-первых, заинтересованность в получении доступа к источникам сырья, в первую очередь, нефти и газа, а также руд черных и цветных металлов, биоресурсов моря, древесины и иных ресурсов; во-вторых, стремление обеспечить присутствие китайских товаров в значимых сегментах российского рынка (продукция легкой, текстильной, пищевой промышленности, бытовая электротехника, а также отдельные виды машин и оборудования); в-третьих, создание с Россией трансграничных зон свободной торговли по уже апробированным моделям с другими соседями.

Развитие китайско-монгольских и российско-монгольских экономических связей мотивируется поступающей в КНР и РФ информацией о новых стратегических месторождениях медного концентрата, угля, серебра, золота, урана *Таван — Толгой, Оую — Толгой* и других. С другой стороны, конкуренция между российскими, китайскими, канадскими, американскими и японскими компаниями за право добычи и переработки природного сырья на монгольском рынке с каждым годом возрастает. Каким компаниям монгольское руководство отдаст предпочтение — пока открытый вопрос. Со своей стороны Россия (АОО РЖД) предлагает монгольскому правительству построить железнодорожный участок от УБЖД до новых монгольских месторождений.

Одновременно Китай совместно с Россией и Монголией начал создание трансграничной экономической зоны на базе формально существующей российско-монгольской зоны свободной торговли (“Алтанбулаг”). Первым шагом в реализации данного проекта стало подписание 14 января 2010 г. трехстороннего соглашения между руководством Торгово-промышленной палаты (ТПП) Восточной Сибири, мэром города г. Эрлянь (КНР) и гендиректором ООО “Идеал групп” (Монголия) о продвижении продукции восточно-сибирского региона на рынки Монголии и Китая²².

Политическим ограничителем монгольской политики КНР остается официальный курс Монголии на сохранение сразу трех приоритетов во внешней политике — РФ, КНР и “третьего соседа” (США, Япония, Южная Корея, ЕС, АСЕАН). Монголия при поддержке США активно интегрируется в региональные проекты по безо-

пасности и сотрудничеству в АТР. Одновременно Пекин, учитывая приграничное положение Монголии и ее связи с центрально-азиатским регионом, не возражает против вступления Улан-Батора в ШОС в качестве постоянного члена.

Юго-Восточная Азия. КНР — АСЕАН

1 января 2010 г. состоялось открытие зоны свободной торговли “Китай — АСЕАН”, для создания которой потребовалось 8 лет. Она охватывает 11 стран, где проживают 1,9 млрд населения, общий ВВП равен 6 трлн долл. США. Это третья по экономической мощи зона свободной торговли в мире после ЕС и зоны свободной торговли Северной Америки. После заключения “Всестороннего рамочного соглашения об экономическом сотрудничестве” между Китаем и АСЕАН наблюдается бурное развитие этого сотрудничества. В 2008 г. торговля между КНР и АСЕАН оценивалась в 231,1 млрд долл., сумма взаимных инвестиций за этот же период — около 60 млрд долл. После открытия ЗСТ среднестатистическая таможенная пошлина между Китаем и странами АСЕАН снизилась с 9,8% до 0,1%²³. В рамках проекта успешно развивается субрегиональный проект сотрудничества в бассейне реки Меконг — КНР, Лаос, Камбоджа, Таиланд, Мьянма, Вьетнам.

По заявлениям китайских экспертов, в рамках зоны свободной торговли более 7000 видов товаров будут освобождены от таможенных пошлин, что составляет примерно 90% от общего количество товаров в торговле между Китаем и АСЕАН. Кроме того, данный проект предполагает расширение сотрудничества Китая со странами АСЕАН в сфере услуг и инвестиционных соглашений.

КНР в отношении государств АСЕАН проводит тонкую и взвешенную политику, проявляя большой такт в вопросах внутреннего устройства некоторых недемократических стран ЮВА. Китайское правительство в период азиатского кризиса 1997–1998 гг. и нынешнего мирового кризиса не девальвировало юань и не развернуло товарную экспансию в данном регионе. Наоборот, оно предложило льготную финансовую помощь этим странам, что значительно подняло авторитет Китая в их глазах на фоне грабительских “антикризисных” кредитов МВФ и других западных институтов государствам Юго-Восточной Азии. Китай подписал также ряд ключевых региональных документов, связанных с безопасностью и сотрудничеством в Восточной Азии. Речь идет о подписании КНР и АСЕАН в 2002 — 2003 гг. “Декларации о правилах поведения в Южно-Китайском море”, “Совместной декларации о сотрудничестве в сфере нетрадиционной безопасности”, “Рамочного соглашения о комплексном экономическом сотрудничестве”, “Меморандума о взаимопонимании в вопросах сельского хозяйства”, “Совместной декларации о стратегическом партнерстве ради мира и процветания”²⁴.

Южно-азиатские приоритеты КНР. Индийская политика Китая

В китайско-индийских отношениях просматривается сразу несколько компонентов и тенденций. Во-первых, присутствует “классический” набор межгосударственных связей (экономических, политических и культурных), характерный для любой двусторонней модели отношений. Во-вторых, усиливаются элементы, связанные с региональным влиянием КНР и Индии соответственно в СВА и Южной Азии. Являясь неформальными лидерами “своих” регионов, они вольно или невольно вносят в двусторонние отношения элементы межрегионального сотрудничества и одновременно соперничества. Не исключено, что отвергнув КНР американская идея G-2 о разделении глобальной ответственности в ми-

ре может со временем трансформироваться в некий китайско-индийский межрегиональный вариант G-2, по крайней мере, в рамках взаимодействия двух азиатских гигантов в Южной и Восточной Азии, как в сфере безопасности, так и других областях. Это будет означать, с одной стороны, что стремление к сотрудничеству КНР и Индии выше, чем к соперничеству, а с другой, что она (тенденция сотрудничества) выходит за рамки двусторонних отношений и приобретает межрегиональный характер.

Объективно Индию и КНР сближает их позиция по проблеме ядерного оружия. Минимально ориентируясь на стратегию ядерного сдерживания, оба государства рассматривают его не столько как средство ведения войны, сколько в качестве вынужденного политического атрибута, необходимого для усиления своих региональных и глобальных позиций²⁵.

На отношения двух стран также влияют третьи страны из географически близких регионов. В случае с Пакистаном двусторонние китайско-индийские отношения приобретают менее доверительный характер, возрастает потенциал их конфликтности. В случае же с Россией, наоборот, отношения стабилизируются как на двустороннем (КНР — Индия), так и региональном уровне в ЮА и СВА. Более того, формирование известного “треугольника” РИК позволило, кроме решения задач в сфере экономического и политического сотрудничества, сблизить Пекин и Дели в рамках развития и углубления трехстороннего диалога²⁶. Другими словами, проект РИК позволяет трем странам совмещать двусторонние и многосторонние повестки межрегионального сотрудничества.

Промежуточный итог *индийской политики* КНР — выход на уровень стратегического партнерства. В основе этого лежит взаимный экономический интерес, прежде всего, торговля, составившая в 2008 г. 51,8 млрд долл., в 2009 г. она снизилась до 44,4 млрд²⁷. На 2010 г. стороны планируют увеличить ее до 60 млрд долл.²⁸ 13–15 января 2008 г. состоялся визит премьер-министра Индии *Манмохана Сингха* в Китай, подтвердивший новое качество политических и экономических отношений.

В то же время обе стороны теоретически не исключают возможность реанимации китайско-индийских противоречий. Так, в 2009 г. китайский МИД выразил недовольство по поводу посещения премьер-министром Индии *М.Сингхом* в ходе избирательной кампании северо-восточного индийского штата *Аруначал-Прадеш*, который Китай рассматривает в качестве своей территории. Индия ответила протестом на предложение Китая оказать помощь для осуществления проекта по гидроэлектроэнергетике в контролируемой Пакистаном части Кашмира, которую она рассматривает в качестве своей территории²⁹.

В Пекине не остались незамеченными шаги Индии по сближению с США, Японией, Австралией, имевшие место после заключения Индией в октябре 2008 г. соглашения с Вашингтоном по сотрудничеству в ядерной области. Негативную реакцию Китая вызывает усиление Индией военного строительства в районе спорных территорий.

По мнению индийских политологов, новая генерация лидеров КНР “пятого поколения” будет меньше обременена памятью о конфликте 1962 г., придавая больше значения трансграничной торговле и формированию новой модели внешнеэкономических связей с возможным участием сопредельных или географически близких стран. Подобный подход, как полагают аналитики в Дели и Пекине, поможет в будущем снять напряжение в китайско-индийских отношениях, способное оформиться вследствие активного наращивания обеими странами вли-

яния в важных для другой стороны государствах (Индия — с Японией, Южной Кореей, странами АСЕАН, Китай — со странами СААРК)³⁰.

Пакистанский вектор является для Пекина одним из приоритетных в регионах Южной Азии и Среднего Востока. В Исламабаде отношения с Пекином также рассматривают в качестве ведущих, относя Китай к числу ближайших союзников и партнеров. В апреле 2005 г. между двумя странами был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и добрососедских отношениях, который зафиксировал важнейшие направления стратегического партнерства двух государств. В документе содержится положение о том, что подписавшие его стороны не могут вступать в союзы или иные объединения, заключать соглашения с третьими странами и предоставлять им свою территорию, если это создает угрозу для одной из сторон.

Сложилась система двусторонней поддержки при продвижении друг друга в региональные организации. Так, в 2005 г. Китай получил статус наблюдателя в организации СААРК, а Пакистан — в ШОС. В Исламабаде предпринимаются попытки подключить Пекин к более активному участию в делах Южной Азии, что могло бы привести к некоторому уменьшению индийского влияния на субконтиненте, а также создать возможности для установления более тесных связей с центрально-азиатскими странами. Исламабадская администрация нацелена на прием Китая в СААРК, претендуя на получение полноправного членства в ШОС³¹.

Проходят регулярные китайско-пакистанские консультации по вопросам обороны и безопасности. Военно-воздушные силы страны почти полностью оснащены китайской техникой. Завершена совместная разработка легкого многоцелевого истребителя третьего поколения JF-17 "Гром" ("Супер-7"). Сухопутные войска Пакистана также имеют на вооружении китайскую технику (более 70% танков Т-59, Т-69, Т-85 и 60% артиллерийских орудий). Продолжается реализация контракта стоимостью 320 млн долл на производство с китайской помощью танка "Аль-Халид"³².

В ходе визита президента Пакистана *Асифа Али Зардари* в 2009 г. в Китай были подписаны соглашения с КНР о помощи в строительстве двух пакистанских АЭС. Учитывая отказ Соединенных Штатов предложить Пакистану сделку в ядерной сфере, аналогичную той, которую они заключили с Индией, данный шаг КНР значительно усилил ее авторитет и влияние в регионе.

Китайско-пакистанское сотрудничество охватывает химическую промышленность, инжиниринг, поставки железнодорожного подвижного состава, строительство объектов инфраструктуры, автомобильных дорог, портов, мостов, жилых домов и т.д. Один из ключевых объектов китайских инвестиций — порт *Гвадар*, в строительство которого Китай на первом этапе инвестировал 2 млрд долл. (до 2006 г.), а на втором — 600 млн долл., обеспечивших сооружение 9 морских причалов³³. Сформированы планы по сооружению так называемой энергетической зоны в *Гвадаре*, состоящей из нефтяных хранилищ и перерабатывающего завода производительностью 21 млн тонн. Очевидно, что реализация данного проекта укрепит долговременное стратегическое присутствие КНР в этом регионе.

Порт *Гвадар*, как известно, первый и пока единственный порт в пакистанской провинции Белуджистан. Его географическое положение уникально, что и делает его привлекательным как для Китая, Афганистана, так и для стран Центральной Азии и Ближнего и Среднего Востока. Расположен он в непосредственной близости от входа в Персидский залив на побережье Индийского океан. Строительство порта предусматривает значительное углубление дна, проведение работ по углублению и расширению судоходного канала, глубина которого, по проекту, будет составлять 12,5 м, а ширина — 4,5 км. Новейшая инфраструктура

порта позволит принимать нефтеналивные танкеры водоизмещением свыше 100 тыс. т сырой нефти и многотоннажные торговые суда. Это поставит его вне конкуренции по сравнению с соседними портами (пакистанскими и иранскими) и обеспечит таким образом в будущем преимущество как торгового порта на пути из Азии в Европу³⁴.

Объем торговли КНР и Пакистана в 2008 г. — 4,5 млрд долл., в 2009 — 4,9 млрд. Соглашение о создании зоны свободной торговли планируется подписать между двумя странами в 2010 г. По некоторым экспертным оценкам, ЗСТ может способствовать увеличению товарооборота к концу 2011 г. до 8–9 млрд долл. В 2006 г. сторонам удалось подписать так называемую программу “раннего урожая”, в соответствии с которой к 2008 г. таможенные тарифы на более чем тысячу единиц экспортных товаров должны быть постепенно сведены к нулю³⁵.

В условиях развития китайско-пакистанских отношений Индия заинтересована в минимизации и купировании влияния китайско-пакистанского фактора в Южной Азии и на Среднем Востоке. Однако вряд ли Исламабад и Пекин пойдут на сокращение своего диалога. Наоборот, стоит ожидать наращивания многоплановых отношений между двумя странами, включая “чувствительные” сферы.

КНР — Центральная Азия

Общий объем осваиваемых *китайских инвестиций* в странах Центральной Азии, по разным данным, составлял на 2005 г. от 500 млн долл. до 7 млрд долл.³⁶ В 2007 г. он достиг 9 млрд долл. По текущим оценкам на 2010 г. — около 15 млрд долл. Освоение китайских инвестиций любого назначения стимулирует товарооборот между КНР и государствами ЦА, а также улучшает некоторые макроэкономические показатели стран региона. Сотрудничество в торговле энергоресурсами с таким стабильным “оптовиком” — импортером, как Китай, способствует устойчивости коммерческих связей государств ЦА на трансрегиональном уровне, а также росту их добывающего комплекса. Однако фокусировка на сырьевой сфере отвлекает ресурсы от обрабатывающего кластера ЦАР, без которого формирование в регионе сбалансированной экономической структуры крайне проблематично.

Китай сегодня является главным поборником экономической интеграции в ЦА через ШОС в плане создания зоны свободной торговли (ЗСТ).

В 2004 г. на саммите ШОС в Бишкеке премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао официально выдвинул в качестве задачи ШОС создание зоны свободной торговли. Его предложение было с настороженностью встречено большинством членов Организации (за исключением Казахстана), поскольку в результате конкуренции с китайскими фирмами уже сейчас с рынка товаров и услуг ЦА вытесняются товары национального производства. Для центрально-азиатских членов ШОС (и России) создание ЗСТ ШОС чревато закреплением сырьевой направленности их экспорта в Китай, тогда как импорт из КНР представлен в основном продукцией с высокой степенью переработки. В ШОС сложилось понимание некоей преждевременности идеи ЗСТ ввиду большой разницы в уровнях экономического развития шести стран³⁷. В итоговом коммюнике отмечено, что государства ШОС сосредоточат основные усилия на постепенном обеспечении условий для: а) ведения торговли и осуществления инвестиций, б) технико-экономического сотрудничества, в) свободного движения товаров, капиталов, услуг и технологий. В Пекине сочли несомненным успехом одобрение всеми странами ШОС этого курса “трех шагов” (сань бу цзоу)³⁸.

В понимании китайских экспертов, ускорение процесса создания ЗСТ ШОС — это путь преодоления малой эффективности экономических проектов, являющейся “слабым звеном ШОС”³⁹.

Казахстан остается главным приоритетом для Китая в ЦА в плане развития двустороннего сотрудничества. На РК приходится порядка 80% товарооборота между Китаем и всеми центральноазиатскими странами-членами ШОС. Основные позиции экспорта Казахстана в Китай — это сырьевые ресурсы: энергоносители (нефть, газ) — 63%, черные и цветные металлы (в большой мере в форме металлолома), сталь — 24%. Взамен Казахстан получает продукцию машиностроения и металлообработки (72%), продовольствие (11%), а также товары широкого потребления, значительную часть которых вполне можно было бы производить в самой РК. Увеличение идет в том числе и за счет открывшейся в 2006 г. на китайско-казахстанской границе трансграничной зоны свободной торговли. В 2008 г. взаимная торговля превысила 14 млрд долл. Объем инвестиций Китая в РК, по китайским официальным данным, составил в 2006 г. 1,3 млрд долл.⁴⁰

Китайско-туркменские энергетические отношения во многом определяются открывшимся в декабре 2009 г. новым газопроводом Туркменистан — Узбекистан — Казахстан — Китай при дальнейшем углублении сотрудничества. Кончина Сапармурада Ниязова в декабре 2006 г. и избрание в феврале 2007 г. нового руководителя Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова внесли некоторые новые акценты в китайско-туркменские отношения. Пекин был встревожен возможностью политической дестабилизации в Ашхабаде и отхода нового руководителя от традиционного нейтралитета в сторону большего сближения с Западом, что могло бы отрицательно сказаться на сложившихся стабильных отношениях двух стран.

Смена руководства заставила Пекин интенсифицировать подготовку газовых проектов по планируемому импорту туркменского газа. Практическая реализация проекта газопровода началась в августе 2007 г.

Взаимная торговля КНР и Туркменистана за период 1997–2008 гг. увеличилась почти в 19 раз — с 19 млн долл. до 453 млн долл. Основные статьи туркменского экспорта в КНР — это энергоносители и продукция нефтехимической промышленности (порядка 85%), хлопковое волокно и иное текстильное сырье, лакричный корень, продукция текстильной и легкой промышленности. Китай поставляет в РТ продукцию производственно-технического назначения и стройматериалы (порядка 60% туркменского импорта), потребительские товары (более 30%). В Туркменистане реализуются 37 инвестиционных проектов с участием китайских компаний. Пока общий объем инвестиций составляет 382,6 млн долл. и 360 млн юаней. Эти проекты в основном сосредоточены в сырьевой (нефтегазовой) отрасли (более половины всех проектов), транспортной сфере, телекоммуникационной отрасли, в легкой промышленности и сельском хозяйстве. На территории страны зарегистрировано 13 предприятий с участием китайского капитала, которые поставляют оборудование и оказывают услуги в нефтегазовом секторе, в сфере транспорта, здравоохранении, оптово-розничной торговле и туризме. За последние 5 лет объем услуг китайских нефтегазовых компаний и поставок их оборудования составил 293 млн долл.⁴¹

Непростым испытанием для китайско-кыргызских отношений стали так называемая “тюльпановая революция” 24–25 марта 2005 г. в Кыргызстане и свержение президента К. Бакиева 7–8 апреля 2010 г. Китайские эксперты, анализируя ситуацию, высказывали ряд опасений, связанных с китайско-кыргызскими отношениями, в том числе активизации трансграничного уйгурского сепара-

тизма, возможности изменения новым руководством КР отношения к участию в ШОС. В течение 2005–2008 гг. Китай значительно усилил свое торговое присутствие в Кыргызстане. Объем китайско-кыргызской торговли вырос с 97 млн долл. (2005 г.) до 3,7 млрд долл. (2007 г.)⁴². В настоящее время на Китай приходится почти 90% всего внешнего товарооборота Кыргызстана. Рост объемов китайско-кыргызской торговли отчасти объясняется реализацией Бишкеком в 2005–2006 гг. китайских (льготных) торговых кредитов. Пекин, стремясь наладить отношения с новым руководством Кыргызстана, увеличил кредитование кыргызского импорта. Создание же трансграничной зоны свободной торговли между КНР и Кыргызстана еще более убыстрило процесс. Стоимость импорта КР из Китая в 32,3 раза превышает стоимость ее экспорта. Поскольку КНР и КР — члены ВТО, то доступ китайских товаров на рынки Кыргызстана проще, чем для других стран ЦА. Экспорт в Китай включает текстильное сырье (преимущественно кожи и шерсть — около четверти), отходы переработки черных и цветных металлов (порядка 60%). А ассортимент кыргызского импорта состоит из машин и оборудования (около 6%), продовольственных товаров и иных наименований ширпотреба (примерно 85%)⁴³.

Приоритеты *узбекского направления* политики КНР связаны со сферой как экономики (энергетический сектор Узбекистана), так и безопасности. Китайско-узбекские отношения после 2005 г. развивались на фоне трагических событий в Андижане. Россия и КНР поддержали действия узбекских властей по подавлению бунта в Андижане, организованного исламским радикальным движением “Акрамия”. Позицию Китая в поддержку И. Каримова эксперты связывали с желанием Пекина ограничить политическое влияние США в Узбекистане, а также с необходимостью оптимизации борьбы с исламским экстремизмом. После вывода американской базы из Ханабада отношения Ташкента и Пекина получили дополнительный импульс. Радикальный шаг президента И. Каримова прямым образом сказался на дальнейшем росте политического доверия и углубления стратегического сотрудничества Пекина и Ташкента на двустороннем уровне. Принципиально важным в связи с этим был официальный визит 21–24 мая 2005 г. президента Узбекистана в Китай. Итогом переговоров стало подписание договора о китайских инвестициях в разработку узбекских нефтяных месторождений, расширении торговли, китайских инвестиций, активизации совместной борьбы против терроризма, экстремизма и сепаратизма как на двустороннем уровне, так и в рамках ШОС.

Китай имеет серьезные экономические интересы в Узбекистане, связанные с нехваткой энергетических источников и продуктов питания для растущего населения. Деятельность Поднебесной в 1990-е г. ассоциировалась с поставками дешевого и некачественного ширпотреба на местные вещевые базары. Крупный бизнес РУ был ориентирован в основном на Запад. Однако в 2005 г. ситуация в этом плане стала быстро меняться: акценты и общая риторика в узбекских СМИ относительно Китая приобрели ярко выраженный позитивный характер, что признают и ведущие американские эксперты по региону⁴⁴.

Торговля Китая с Узбекистаном за 2006 г. достигла 972 млн долл.⁴⁵, что значительно ниже казахстанских и кыргызских показателей, а в 2007 г. она превысила 1 млрд долл. Имеется проект строительства газопровода из Узбекистана в Китай. Для этого компания “Узбекнефтегаз” проводит реконструкцию газопровода Мубарек — Янгиер — Андижан — Ош. Далее, с участием казахских и китайских компаний строится газопровод Ош — Кашгар. Мощность газопровода должна составить не менее 20 млрд куб. м в год⁴⁶.

Китай — Таджикистан. В годы гражданской войны в Таджикистане (1993–1997 гг.) Китай, придерживаясь принципов мирного сосуществования и невмешательства во внутренние дела, не встал ни на чью сторону, ограничившись лишь оказанием республике гуманитарной и технической помощи. Товарооборот двух стран в 2005 г. составил 157 млн долл., в 2006 г. — 323 млн долл., в 2007 — 482 млн долл.⁴⁷ Основные статьи экспорта Таджикистана в Китай — это сырье: алюминий, другие цветные и редкоземельные металлы, хлопковое волокно, а импорта из Китая — несложная продукция машиностроения, предметы широкого потребления. В рамках ШОС Таджикистан получил от Китая льготный кредит в 600 млн долл., который используется в основном на строительство ЛЭП-500 “Юг-Север” и ЛЭП-220 в Хатлонской области, а также на строительство тоннеля под перевалом Шар-Шар на дороге Душанбе-Куляб. Китай вносит существенный вклад и в поддержку таджикской легкой промышленности — хлопчатобумажного и шелкового производств⁴⁸.

Резюме

1) Внешняя политика КНР в “ближнем окружении” формируется как под воздействием традиционных факторов и условий китайского позиционирования в мире как крупного развивающегося государства, так и новых тенденций, связанных с ростом ее экономического и геополитического влияния в рамках китайской идеи “глобальной ответственности”. Китай через региональные механизмы сотрудничества (АТЭС, АСЕАН +1, ШОС, ЗСТ), а также двусторонние форматы, расширяя “пояс добрососедства”, последовательно и настойчиво реализует свои экономические и политические интересы.

2) Динамика роста влияния КНР в сопредельных регионах во многом зависит от приоритетности и значимости их для Пекина. Регионы СВА и ЮВА остаются наиболее значимыми из “ближнего окружения”. Интеграционные, энергетические, торгово-экономические потребности, а также мотивация в сфере безопасности определяют, в конечном счете, масштаб и логику реализации китайской внешней политики в данных регионах.

3) Двусторонние отношения Китая с такими странами, как Япония, Южная Корея, РФ, КНДР, Индия, Пакистан и другими содержат элементы региональных процессов. По мере усиления КНР в том или ином регионе, роль и влияние этих компонентов в двусторонних повестках Китая будет только возрастать.

-
1. В ряде работ, вышедших в России, дается следующая структура региональных систем и подсистем, расположенных в азиатской части СНГ и Восточной Азии: 1) Центрально-азиатский субрегион (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Киргизия, Таджикистан); 2) Южно-кавказский субрегион (Армения, Грузия, Азербайджан); 3) Регион “Восточная Азия”, состоящий из двух субрегионов — 1) Северо-Восточной Азии (КНР, КНДР, РК, Япония, Монголия) и 2) Юго-Восточной Азии (Индонезия, Малайзия, Таиланд, Сингапур, Филиппины, Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Мьянма, Бруней, Восточный Тимор). — См., например: Восток/Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М., 2002.
  2. Белокреницкий В.Я. Восток в системе международных отношений и мировой политике. М., 2009; Воскресенский А.Д. Теоретико-прикладные аспекты регионального измерения международных отношений // Современные международные отношения и миро-

- вая политика, 2004. С. 494—500; Восток/ Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М., 2002.
3. *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008; *Титаренко М.Л., Кузык Б.Т.* Россия — Китай: 2050. Стратегия соразвития. М., 2007; *Портяков В.Я.* От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в XXI веке. М., 2006; Китай в мировой и региональной политике, История и современность. М., 2009. Вып. 14; Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М., 2008. Вып. 13.
  4. *Beesson M.* Regionalism and Globalisation in East Asia. London, 2007; *Hettne B.* Globalisation and the New Regionalism: the Second Great Transformation. Globalism and the New Regionalism. London, 1999.
  5. См.: *Портяков В.Я.* Становление Китая как ответственной глобальной державы // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 6. С. 8—9; *Бергер Я.М.* Экономическая стратегия Китая. М., 2009; *Он же.* Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей // Проблемы Дальнего Востока. 2006. №№ 1; *Е Цзычэнь.* Чжунго да чжаньлюэ: Чжунго чэнвэй шицзе дагодэ чжуяо вэньти цзи чжаньлюэ сюаньцзэ [Большая стратегия Китая: главный вопрос и стратегический выбор превращения Китая в великую мировую державу]. Пекин, 2003; *Ван Ичжоу.* Мянсянь эрши и шицзе ди чжунго вайцзяо: сань чжун сюйцю ди сюньцю цзи ци пинхэн [Дипломатия Китая в перспективе XXI века: поиск решения трех задач и их равновесие] // Чжаньлюэ юй гуаньли [Стратегия и управление]. 1999. № 6; *Мэнь Хунхуа.* Гоуцзянь Чжунгодэ да чжаньлюэ дэ куанцзя [Формирование контуров большой стратегии Китая]. Пекин., 2005; *Пэн Пэн.* Хэпин цзюэци лунь — Чжунго чунсу даго чжилу [Концепция мирного возвышения Китая — путь к восстановлению Китая как великой державы]. Гуанчжоу, 2005.
  6. По мнению ученых, список "новых" противоречий, сдерживающих внешнеполитическое поведение КНР, на сегодняшний день значительно больше. В него как минимум можно еще включить: а) стремление представить себя великой державой и объективные реалии страны третьего мира; б) «политика открытости» и принцип "абсолютного суверенитета"; в) "идеологическая чистота" и политический прагматизм; г) поведение в рамках двусторонних отношений. См.: *Wu Xinbo.* Four Contradictions Constraining China's Foreign Policy Behavior // *Chinese Foreign Policy. Pragmatism and Strategic Behavior.* New York, 2004. P. 58—65.
  7. См.: Шицзе чжуяо гоця цзунхэ голи пингу [Оценка комплексной государственной мощи мировых держав] // Цюаньцю чжаньлюэ дэ гэцзюй [Глобальная стратегическая архитектура. Международное окружение Китая в новом веке]. Пекин, 2000. С. 3; *Yan Xuetong.* The Rise of China and Its Power Status // *Chinese Journal of International Politics.* 2006. Vol. 1. P. 5—33.
  8. Китай совместно с 31 страной мира работает над созданием 14-ти зон свободной торговли, подписал 8 соглашений по вопросам свободной торговли, семь из которых уже реализованы. Данные соглашения охватывают 1/4 от общего объема товарооборота Китая по состоянию на 2008 г.
  9. Река Тумэньцзян, протекая через территорию Китая, России и КНДР, впадает в Японское море. Это самый близкий к Японскому морю водный путь в континентальную часть Китая. В начале 90-х годов ПРООН выдвинула предложение об инвестиции в течение 20 лет 30 млрд долл. США в создание многонациональной зоны технико-экономического развития в целях освоения бассейна этой реки на основе сотрудничества разных стран региона. В последние 10 с лишним лет между странами региона был подписан пакет документов и соглашений по сотрудничеству. В перспективе планируется сделать зону Чанчунь-Цилинь-Тумэньцзян новым источником энергии на северо-востоке страны.
  10. По итогам официального визита Председателя КНР в мае 2008 г. в Пекине было подписано "Сингайско-японское совместное заявление о всестороннем развитии стратегических и взаимовыгодных отношений".

ОТВЕДЕНИЕ
ИЗДАНИЕ
ИЗДАНИЕ

11. Проблемами китайско-японских отношений серьезно занимаются ученые Института исследований Японии АОН КНР, такие специалисты как Гао Хун, Чжан Цзифэн, Ван Вэй, Цуй Синьгуан, Люй Яодуй и другие.
12. <http://russian.people.com.cn/31521/6890028.html#>.
13. По теме ООН Китай вряд ли готов лоббировать Японию по вопросу о ее членстве в СБ ООН, ограничивая свою поддержку готовностью вести диалог с Токио по вопросам реформирования ООН.
14. Юкио Хатояма еще в октябре 2009 г. ходе предвыборной кампании четко дал понять, что не будет участвовать в посещении храма Ясукуни, подчеркнув необходимость содействия духу "братства" в дипломатии, по историческим вопросам, он четко заявил, что правительство Демократической партии "будет смело смотреть в глаза истории" (Жэньминь жибао. 2009. 12 окт).
15. <http://www.itar-tass.com/>.
16. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура: К 60-летию КНР. М., 2009. С. 329.
17. Жэньминь жибао. 2009. 12 окт.
18. Жэньминь жибао. 2009. 12 окт. (<http://russian.people.com.cn>).
19. Забровская Л.В. Китай и КНДР: курс на сохранение регионального статус-кво // ПДВ. № 6. 2009. С. 32.
20. См.: Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008; *Портяков В.Я.* Российско-китайские отношения в 2008 г. // ПДВ. № 1. 2009. С. 6—19; *Ларин В.Л.* В тени проснувшегося дракона. Российско-китайские отношения на рубеже XX — XXI веков. Владивосток, 2006; *Александрова М.В.* Российско-китайские приграничные экономические отношения. М., 2005; *Лузянин С. Г.* Российско-китайское стратегическое партнерство: региональное, культурно-цивилизационное и образовательное измерения // 2-й российско-китайский Форум по общественным наукам... С. 330—356; Российско-китайское сотрудничество: региональное (сибирско-дальневосточное) измерение (сетевой проект, руководитель Лузянин С. Г.). — <http://www.ino-center.ru/russia-china/>; Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте. Политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток, 2008.
21. Концепция первого Байкальского экономического форума (БЭФ) в Иркутске по поручению российского руководства разрабатывалась ведущими учеными ИДВ РАН во главе с директором ИДВ М.Л.Титаренко.
22. <http://www.fcinfo.ru/themes/basic/materials-document.asp?folder=3001&matID=235437>.
23. Международное радио Китая (эксперты о зоне свободной торговли КНР — АСЕАН, 2010-01-04). — <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:eyaskukzCoJ:big5.chinabroadcast.cn/gate/big5/russian.cri.cn/841/2010/01/04/1s320497.htm>.
24. См.: Declaration of the Conduct of the Parties in the South China Sea (<http://www.asean.org/13163.htm>); Joint Declaration of ASEAN and China on Cooperation in the Field of Nontraditional Security Issues (<http://www.asean.org/13185.htm>); Framework Agreement on Comprehensive Economic Cooperation between the Association of Southeast Asian Nations and the People's Republic of China (<http://www.asean.org/13196.htm>). Memorandum of Understanding between the Association of Southeast Asian Nations Secretariat and the Ministry of Agriculture of the People's Republic of China (<http://www.asean.org/13214>). Instrument of Accession to the Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia (<http://www.asean.org/15271>). Joint Declaration of the Heads of State/Government of the Association of Southeast Asian Nations and the People's Republic of China on Strategic Partnership for Peace and Prosperity (<http://www.asean.org/15265>).
25. *Золотарев П.С.* Китай и Индия в глобальном балансе военных сил. — <http://www.rusus.ru/print.php?id=126>.

26. Подробнее см.: *Портяков В.Я., Уянаев С. В.* Растущий "треугольник" // Россия в глобальной политике. 2008. № 6. (<http://www.globalaffairs.ru/numbers/35/10840.html>); Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI в.: проблемы, перспективы, направления. В 2-х т. М., 2004. Т.1 —2; *Уянаев С.В.* Китай — Индия: отношения в начале нового столетия // ПДВ. 2009. № 1. 2009. С. 19—30.
27. http://www.china.org.cn/opinion/2010-03/28/content_19702391_2.htm.
28. http://www.china.org.cn/opinion/2010-03/28/content_19702391_2.htm.
29. <http://www.rondon.org/polit-091023105506>.
30. *Володин А.* Китай и Индия: совместное моделирование миросистемы XXI века. — <http://www.rondon.org/polit-080122122554>
31. *Силаев А.А.* Взаимоотношения между Пакистаном и Китаем — <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/13-04-07b.htm>.
32. Там же.
33. *Замараева Н.А.* Пакистанский порт Гвадар — ключевой региональный перевалочный пункт. — <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/10-07-06.htm>.
34. Там же.
35. *Силаев А.А.* Взаимоотношения между Пакистаном и Китаем. — <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/13-04-07b.htm>.
36. *Swanstrom N.* China and Central Asia: a new Great Game or traditional vassal relations? // *Journal of Contemporary China*. 2005. No.14 (November). P. 580; *Сюй Тункай.* Чжунго юй Чжунъя гоцзя... — С. 1; См. также: Вечерний Бишкек. 2005. 11 июля.
37. *Фроленков В.С.* Коллективное экономическое сотрудничество стран—членов ШОС: начальный этап становления // *Проблемы Дальнего Востока*. 2007. № 2. С. 93—94.
38. *Сюй Тункай.* Чжунго юй Уцзыбэкэсытань цзинмао цянъцзин гуанко [Широкие перспективы китайско-узбекистанского торгово-экономического сотрудничества] // *Элосы Чжунъя Дуоуоу шичан*. 2006. № 4. С. 2.
39. *Лу Гань.* Строительство зоны свободной торговли в рамках ШОС: значение в продвижении китайско-казахстанского сотрудничества // *Казахстанско-китайское сотрудничество: состояние и перспективы*. Алматы 2006 г. // <http://www.analitika.org/article.php?story=20070522000720900>.
40. Хайгуань тунцзы [Таможенная статистика]. Пекин. 2006. № 12.
41. *Фроленков В.С.* Экономический диалог "Китай—Центральная Азия" // *Китай в мировой и региональной политике*. М., 2006. Вып. 11. С. 192, 205—207.
42. *Фроленков В.С.* Современные торгово-экономические отношения...С. 83.
43. Там же.
44. *Brill O.M.* The Central Asian States: An Overview of Five Years of Independence. Testimony Before Senate Foreign Relations Committee // *Federal News Service*. 1997. 22 jul.
45. Там же.
46. *Верхотуров Д.* Китай оказывает поддержку Кыргызии. — www.asiainform.ru.
47. *Мальшева Д.* Россия—Узбекистан: от партнерства к союзу. — <http://www.analitika.org/article.php?story=20051122035816975>.
48. *Дубовицкий В.* Таджикистан—Китай: От настороженного отношения к стратегическому партнерству. 25.01.2007. — <http://www.ferghana.ru/article.php?id=4862>.

Саммиты КНР—ЕС

© 2010

Д. Майборода

В статье прослежена история проведения в период с 1998 по 2009 гг. двенадцати саммитов КНР—Европейский Союз. Рассмотрена основная повестка саммитов, дана оценка их роли в общем развитии отношений между Китаем и Европейским Союзом.

Ключевые слова: КНР—ЕС, саммит, политический диалог, торговое сотрудничество

На наших глазах Китай и Европейский союз превращаются во все более влиятельных игроков мировой политики и экономики. Китай укрепляет свои позиции прежде всего за счет динамичного экономического роста, но также и за счет эффективной дипломатии добрососедства и многовекторного стратегического партнерства. Европейский союз, при всех возможных оговорках, остается верен высоким стандартам демократии в деятельности его политических институтов и социальной защищенности широких слоев населения. Вполне естественно, то Китай и Европейский союз, испытывая растущий интерес друг к другу, интенсифицируют и делают все более разнообразными взаимные контакты. Вот уже более десяти лет одной из наиболее интересных и эффективных форм их взаимодействия являются ежегодные саммиты. Зарождение данного формата диалога Китая с Европейским союзом, его эволюция и практические результаты представляют определенный интерес и для России, которая параллельно также проводит саммиты с ЕС.

Хотя дипломатические отношения с предшественником ЕС — Европейским экономическим сообществом — Китай установил еще в 1975 г., однако в следующем двадцатилетии их связи развивались довольно медленно.

В период с 1975 по 1994 гг. Брюсселем и Пекином было подписано только два относительно важных документа: Соглашение о торговле 1978 г. и Соглашение о торговом и экономическом сотрудничестве 1985 г.¹, послужившее основой для создания Совместного комитета как главного органа по управлению двусторонними отношениями.

Фундамент для двустороннего политического диалога был заложен в 1994 г. С тех пор проводятся регулярные встречи между Тройкой ЕС² и Китаем на уровне министров, а также политические консультации на высоком уровне между Китаем и Комиссией ЕС (КЕС). Этот формат также стал поддерживаться встречами Министров иностранных дел и проходящими дважды в год встречами между Министром иностранных дел Китая и послом ЕС в Пекине и между Мини-

стром иностранных дел страны-председателя ЕС и Послом Китая в столице страны-председателя.

После принятия КЕС в 1995 г. первого стратегического документа “Долгосрочная политика европейско-китайских отношений”³ сотрудничество между Китаем и ЕС стало развиваться заметно быстрее. В документе предусматривалось установление с Китаем долгосрочных отношений, “отражающих его экономическое и политическое влияние в регионе и в мире”, рассматривалась возможность развития отношений с Китаем через расширение сотрудничества в новых областях, таких как студенческие обмены, содействие образованию и профессиональной подготовке китайских специалистов, экономическим и социальным реформам в Китае, борьба с бедностью в городах и селах, защита окружающей среды, научно-технические и деловые связи.

Спустя три года КЕС признала, что “пять опор сотрудничества ЕС—Китай, заложенные в документе 1995 г., прошли проверку временем”⁴. В новом документе КЕС “Строительство всеобъемлющего партнерства с Китаем”, датированном 1998 г., ставка была сделана на совершенствование политического диалога ЕС—Китай. Главным его элементом предлагалось сделать встречи на уровне глав государств и правительств. Исходя из самого названия и сути документа, ЕС взял курс на создание всеобъемлющего партнерства с Китаем. Ставилась задача “через усовершенствованный политический диалог вовлекать Китай в международное сообщество”, “поддерживать переход Китая к открытому обществу, основанному на верховенстве закона и уважении прав человека”, добиваться “дальнейшей интеграции Китая в мировую экономику и мировую торговую систему и поддержки экономических и социальных реформ в стране”.

29 июня 1998 г. Совет ЕС по общим вопросам принял Резолюцию о перспективах европейско-китайских отношений. Обновленная стратегия ЕС в отношении Китая предполагала:

- интенсификацию и институционализацию политического диалога, оформление системы ежегодных саммитов ЕС—Китай;
- ускорение интеграции Китая в мировую экономику и его вступление в ВТО;
- стимулирование демократизации политического режима в Китае;
- совершенствование инвестиционной активности ЕС в этой стране;
- усиление информационной деятельности ЕС в Китае.

В том же 1998 г. в Лондоне была инициирована практика проведения ежегодных саммитов между КНР и Европейским союзом. В ходе состоявшегося 2 апреля 1998 г. первого саммита китайская сторона, возглавляемая премьером Госсовета КНР Чжу Жунци, приветствовала предстоящий ввод в обращение единой европейской валюты, а также намеченные ЕС меры по технической помощи в модернизации китайской финансовой системы. Стороны договорились развивать долгосрочные и стабильные конструктивные партнерские отношения, ориентированные на XXI век. ЕС выразил удовлетворение последовательными действиями Пекина в деле реформирования общества и экономики.

21 декабря 1999 г. в Пекине прошел 2-й саммит ЕС—КНР. ЕС призвал КНР к отмене смертной казни и ратификации двух уже подписанных ею конвенций ООН по правам человека. Помимо гуманитарных проблем, важное место в обсуждениях сторон занял вопрос о вступлении КНР в ВТО. Существенная часть требований Евросоюза к Китаю была снята после подписания соответствующего соглашения КНР с США, однако оно не охватило такие приоритетные для ЕС аспекты, как тарифная политика в сфере торговли продукцией машиностроительной и

автомобильной промышленности, косметикой и алкоголем, реформа банковской системы, страхового дела и телекоммуникаций, а также сельское хозяйство. ЕС был особенно заинтересован в согласовании с КНР именно этих вопросов. Саммит обозначил пять направлений "всеобъемлющего партнерства" ЕС с КНР. В их числе:

- продвижение политического диалога;
- поддержка процессов становления правового государства;
- поддержка интеграции КНР в мировую экономику;
- совершенствование механизма использования европейских инвестиций;
- формирование положительного образа ЕС в китайском обществе.

Первые саммиты 1998 и 1999 гг. заложили основу для более широкого политического диалога. Начиная с самой первой встречи стороны договорились развивать долгосрочные и стабильные конструктивные партнерские отношения, ориентированные на XXI век. Тогда же был создан механизм встреч лидеров КНР и ЕС, который предусматривает их проведение раз в год поочередно в Китае и в Европейском союзе, прошли встречи Тройки ЕС на уровне министров иностранных дел с главой китайского МИДа. Старшие должностные лица в октябре 1998 и 1999 гг. провели консультации по вопросам регионального значения: ситуации на Корейском полуострове, индо-пакистанским отношениям и др.

Как отмечалось в докладе, подготовленном Комиссией для Совета и Европейского Парламента в сентябре 2000 г.⁵, эти встречи помогли укрепить политическое сотрудничество между Китаем и ЕС.

23 октября 2000 г. в Пекине открылся 3-й саммит ЕС-КНР. Впервые на столь высоком уровне европейские представители вручили китайскому руководству "список вопросов, на которые ЕС хочет обратить внимание" китайской стороны. Речь шла в первую очередь о ситуации с правами человека в КНР. На саммите стороны подвели черту под двусторонними переговорами о вступлении КНР в ВТО: были согласованы последние оставшиеся неурегулированными вопросы. Сама встреча получила позитивную оценку обеих сторон.

Приоритетами сотрудничества остались экологические и социальные программы, а также поддержка процесса административных реформ. Была подчеркнута необходимость включения в орбиту европейско-китайского диалога проблем борьбы с организованной преступностью, отмыванием денег, незаконным оборотом наркотиков и нелегальной миграцией.

В мае 2001 года КЕС обнародовала новый стратегический доклад "Стратегия ЕС в отношении Китая: Выполнение доклада 1998 года и будущие шаги в направлении более эффективной политики ЕС"⁶. В нем подчеркивалось, что содействие переходу Китая к открытому обществу, основанному на верховенстве закона и уважении прав человека, является центральным элементом отношений ЕС-Китай. В документе в качестве инструментов реализации политики в отношении Китая предлагалось осуществлять проведение встреч экспертов по таким вопросам, как нераспространение ОМУ, установить регулярный диалог должностных лиц с китайским МИДом по ряду региональных и международных вопросов.

По итогам рассмотрения доклада Совет предложил следующую структуру политического диалога между ЕС и Китаем⁷:

- Ежегодные саммиты на уровне глав государств и правительств;
- Встречи между Тройкой на уровне министров иностранных дел и Министром иностранных дел Китая в рамках Генеральной Ассамблеи ООН;
- Ежегодные встречи Тройки на уровне политдиректоров с их китайскими коллегами;

- Встречи дважды в год между Тройкой и китайскими экспертами по правам человека;
- Ежегодные встречи между Тройкой на уровне директоров по Азиатско-Тихоокеанскому региону и их китайскими коллегами;
- Встречи, по крайней мере, раз в год между Тройкой на уровне экспертов по экспорту вооружений, нераспространению, разоружению и их китайскими коллегами.

Ранее достигнутые сдвиги в отношениях привели к тому, что 20 июня 2001 г. ЕС и КНР наконец завершили двусторонние переговоры о присоединении КНР к ВТО⁸. Были решены все остававшиеся ранее вопросы, включая доступ европейских компаний на китайский рынок телекоммуникационных и страховых услуг, на авторынок и т.д. КНР обязалась снять все экспортные ограничения, не санкционированные ВТО.

5 сентября 2001 г. в Брюсселе был проведен 4-й саммит ЕС-КНР.

В центре обсуждения на нем оказались вопросы развития торговых отношений и поощрения взаимных инвестиций, ликвидации бедности в Китае⁹.

24 сентября 2002 г. в Копенгагене состоялся 5-й саммит ЕС-КНР. Накануне открытия саммита правозащитная организация “Международная амнистия” подвергла жесткой критике европейско-китайский диалог по правам человека в связи с отказом Пекина рассматривать в контексте правозащитной проблематики вопрос о секте “Фалуньгун”. Не увенчалась успехом попытка европейской стороны включить в повестку европейско-китайских отношений заключение соглашения о реадмиссии мигрантов, незаконно прибывших в ЕС из КНР¹⁰.

В ходе саммита Стороны выразили оптимизм относительно перспектив функционирования евро на китайском финансовом рынке. (К тому времени определенная часть золотовалютных резервов КНР была переведена в евро).

30 октября 2003 г. в Пекине был проведен 6-й саммит ЕС-КНР. В совместном коммюнике стороны заявили о стратегическом характере их партнерства и необходимости расширять и интенсифицировать его. Они призвали к усилению роли ООН в деле укрепления мира и стабильности. Проблеме прав человека в КНР на саммите было уделено сравнительно немного места. ЕС и КНР ограничились тем, что приветствовали достигнутые в рамках соответствующего диалога результаты.

Саммиту предшествовало заседание совместной европейско-китайской комиссии по торговле, в ходе которого было заявлено о намерении КНР увеличить торговый оборот с ЕС до 200 млрд долларов (т.е. в 2 раза) к 2013 г. (на практике в 2008 г. товарооборот между партнерами превысил 425 млрд долл.). Там же было решено создать механизм диалога по торговым вопросам, в рамках которого стороны разрешали бы существующие в этой области разногласия, в т.ч. выполнение обязательств КНР по отношению к ВТО.

В ходе саммита представители ЕС вновь выразили желание начать предварительные консультации по поводу возможного заключения соглашения о реадмиссии между ЕС и КНР, однако китайская сторона в очередной раз не дала позитивного ответа. Сразу после саммита стороны подписали соглашение об усилении сотрудничества в области защиты окружающей среды. Они декларировали намерение сотрудничать по проблематике Киотского протокола, в сферах энергетики, энергосбережения и реструктуризации местной промышленности¹¹.

В 2003 г. Европейский Совет принял Европейскую стратегию безопасности, в которой Китай был назван стратегическим партнером Евросоюза. В этом

стратегическом партнерстве ЕС сделал упор на общих интересах сторон не только в двусторонних отношениях, но и в глобальной повестке дня¹².

Со своей стороны, китайское правительство в этом же 2003 г. приняло официальный документ "Политика Китая в отношении ЕС". Он явился первым документом Китая о политике в отношении конкретной страны или региона, когда-либо принятым Пекином, что свидетельствовало о важности Европейского союза для КНР. В нем Китай признал, что "европейская интеграция необратима, и ЕС будет играть все возрастающую роль в региональных и международных делах", и подтвердил, что между ЕС и Китаем не существует фундаментальных противоречий или конфликта интересов¹³.

После формирования стратегии Китая в отношении ЕС, в том же 2003 г. Еврокомиссия обнародовала новый стратегический документ, в котором отношения с Китаем охарактеризованы как "a maturing partnership", т.е. "все более зрелое партнерство".

В преддверии состоявшегося в Гааге 8 декабря 2004 г. 7-го саммита ЕС-КНР Брюссель заявил о стратегическом характере двустороннего партнерства. Центральными темами обсуждения на саммите стали перспективы заключения соглашения о реадмиссии в КНР китайских граждан, нелегально проникших в ЕС, а также вопрос о снятии европейского эмбарго на продажи оружия Китаю. На этом саммите стороны подтвердили, что будут продолжать изучать возможность заключения нового базового Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, чтобы содействовать дальнейшему развитию двусторонних отношений¹⁴. Стороны подписали ряд документов, в том числе соглашения о таможенном сотрудничестве, о сотрудничестве в реформировании китайской системы социальной защиты и обучении персонала, об участии КНР в программе университетских обменов "Эразмус Мундус". Был обсужден вопрос о снятии с 1 января 2005 г. импортных квот ЕС на китайский текстиль. Опасения Брюсселя относительно перспектив развития КНР отчетливо прозвучали в заявлении, что ЕС готов развивать сотрудничество с КНР при условии встречных шагов китайской стороны. ЕС выразил готовность пойти на снятие эмбарго на поставки вооружений КНР и на предоставление ей статуса страны с рыночной экономикой лишь при условии улучшения там ситуации в области прав человека, совершенствования политики защиты интеллектуальной собственности и добровольного ограничения экспорта китайского текстиля на европейский рынок. Кроме того, Брюссель ожидал от КНР открытия банковского сектора, совершенствования бухгалтерской отчетности и постепенной либерализации курса китайской национальной валюты.

В сентябре 2005 г. В Пекине был успешно проведен 8-й саммит КНР — ЕС. Для эффективной реализации на практике решений состоявшегося саммита китайская сторона сосредоточила внимание на решении возможных спорных вопросов в двусторонней торговле и урегулировании спора вокруг торговли текстильной продукцией. Была подчеркнута важность сохранения динамики развития торгово-экономического сотрудничества и скорейшего признания рыночного характера китайской экономики со стороны ЕС.

В год тридцатилетия установления дипломатических отношений ЕС и Китай согласились как можно скорее начать переговоры по новому рамочному соглашению, нацеленному на углубление стратегического партнерства ЕС-Китай¹⁵. К приоритетным направлениям взаимодействия с Китаем были отнесены подготовка к проведению Года науки и техники, активизация контактов и сотрудничества по вопросам международной и региональной повестки дня, включая иран-

скую ядерную проблему, ситуацию на Среднем Востоке и реформирование ООН. Со стороны ЕС была выражена надежда на принятие реальных мер для расширения сотрудничества в области торговли, гражданской авиации, охраны окружающей среды и туризма. ЕС обещал продолжать усилия в направлении признания рыночного характера китайской экономики и отстаивать и впредь политику одного Китая. Помимо вопросов двусторонних отношений, состоялся обмен мнениями по иранской ядерной проблеме, ситуации в Афганистане и на Среднем Востоке, ядерной проблеме Корейского полуострова.

9 сентября 2006 г. в Хельсинки прошел 9-й саммит. В ходе встречи было принято решение объединить 22 ведущихся секторальных диалога под эгидой нового соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС). На саммите стороны начали согласование условий будущего СПС. Пекин предпочел бы сократить политическую часть соглашения, однако ЕС настаивал на включении в СПС юридически обязывающих политических положений. Не удалось продвинуться в деле признания Европейским Союзом рыночного статуса китайской экономики. По мнению Брюсселя, Пекин на тот момент еще не выполнил четырех критериев “рыночности”, таких, как:

- низкая доля государственного участия в экономике;
- внедрение международнопризнанных стандартов бухгалтерской отчетности;
- принятие закона о банкротстве;
- реформа и либерализация для иностранных компаний финансового сектора.

В Хельсинки было также решено усовершенствовать Соглашение об экономическом сотрудничестве и торговле 1985 года¹⁶. Это стало компромиссом, так как ЕС настаивал на новом и всеобъемлющем соглашении, а Китай всего лишь хотел модернизировать положения о торговле. На саммите стороны также подтвердили значимость вопроса о защите интеллектуальной собственности. Было решено усилить сотрудничество сторон в области внедрения инноваций. Были подписаны соглашения о сотрудничестве в борьбе с контрафактными продовольственными товарами и “дорожная карта” по сотрудничеству в производстве более безопасных игрушек (На 2006 г. около 50% некачественных товаров на потребительском рынке ЕС было китайского происхождения). Одновременно прошла встреча Совместного комитета ЕС-КНР по таможенному сотрудничеству, на ней был запущен пилотный проект упрощения морских контейнерных перевозок. Он предусматривал контроль безопасности в процессе транспортировки контейнеров, а также взаимное признание таможенных стандартов.

На 10-м саммите ЕС-КНР в Пекине 28 ноября 2007 г. в центре обсуждения стояла проблема несбалансированности двусторонней торговли, крайне беспокоившая Брюссель. Китайские представители заявили о готовности работать вместе с ЕС над снижением положительного сальдо китайско-европейской торговли. В частности, Пекин заявил о своей заинтересованности в европейских инвестициях в природоохранной сфере. Кроме того, было объявлено о создании совместной рабочей группы по реформе обменного курса юаня. Как известно, ЕС настаивал на постепенном повышении заниженного курса китайской валюты¹⁷.

2007 г. был ознаменован тем, что Смешанный комитет по экономике и торговле ЕС-КНР официально объявил о начале переговоров по пересмотру Соглашения 1985 года¹⁸. По мнению экспертов, данные переговоры могут занять несколько лет и станут новым важным шагом в двусторонних отношениях.

В переговорах по базовому соглашению ЕС надеется заставить Китай подписать *casuals* — стандартные статьи — по миграции, защите интеллектуальной собственности и “общим ценностям”. По мнению ряда европейских экспертов, ЕС не должен опасаться делать увязки между своими возможностями влияния на Китай и требованиями к нему. Например, если китайцы хотят помощи от ЕС в энергосбережении и сокращении загрязнения, Евросоюз должен обусловить ее предоставление согласием Китая более активно участвовать в переговоры по изменению климата. Если Китай хочет, чтобы было снято эмбарго на поставки вооружений, он должен предпринять дополнительные усилия в области защиты прав человека, кроме того, Пекин должен сам усилить контроль над экспортом военных технологий. Если Пекин ищет поддержки у Брюсселя в осуществлении программ регионального развития, он должен противодействовать нелегальной миграции и торговле людьми.

Несмотря на позитивный настрой сторон в плане расширения сотрудничества, в проведении следующего саммита ЕС—КНР возникло непредвиденное препятствие. Узнав о намерении президента Франции Николя Саркози встретиться с Далай-ламой, Китай отказался участвовать в ежегодном саммите с Евросоюзом, который должен был состояться 1 декабря 2008 г. в Лионе¹⁹. Даже критическая ситуация в глобальной экономике, требовавшая взаимодействия государств в мировом масштабе, не поколебала решимости Китая добиваться международной изоляции Далай-ламы.

Хотя в 2008 г. отношения Китая с председательствовавшей в ЕС Францией пережили сложный период, это не заморозило дальнейшее расширение сотрудничества Китая и ЕС в целом. Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао с 27 января по 2 февраля 2009 г. в рамках своего европейского турне нанес официальные визиты в Швейцарию, Германию, Испанию, Бельгию, Великобританию и в штабквартиру ЕС, а также принял участие во Всемирном экономическом форуме в Давосе. Своими визитами премьер сигнализировал о сохранении тенденции развития китайско-европейских связей и расширении сотрудничества между КНР и ЕС.

Одним из главных итогов поездки Вэнь Цзябао стала принципиальная договоренность с Жозе Мануэлем Баррозу о проведении саммита Китай—ЕС “в ближайшее время”. Вэнь Цзябао также заверил партнеров, что одной из составных частей плана Пекина по стимулированию экономического роста является перевооружение китайской промышленности и закупка передовых технологий, прежде всего в ЕС.

11-й саммит КНР—ЕС состоялся 20 мая 2009 г. в Праге. Его смогли организовать менее чем за полгода, что продемонстрировало способность сторон преодолевать различные трудности и общее желание укреплять и развивать двусторонние отношения. Однако “полного примирения” не произошло: на саммите в Праге Вэнь Цзябао открыто призвал европейцев не вмешиваться во внутренние дела страны, к которым он отнес ситуацию с правами человека и тибетский вопрос. Тем не менее, встреча руководителей Китая и ЕС помогла сторонам укрепить торгово-экономическое сотрудничество и совместными усилиями противостоять международному финансовому кризису. В рамках саммита стороны подписали соглашения о сотрудничестве в научно-технической сфере и энергетике. Последний пункт был особенно важен для ЕС, который надеется заручиться поддержкой Китая в борьбе с глобальными изменениями климата, что требует изменения принципов энергопользования²⁰.

30 ноября 2009 г. в Наньцзине состоялся 12-й саммит КНР—ЕС. Он был посвящен главным образом взаимодействию сторон в преодолении мирового финансово-экономического кризиса. Китайская сторона высказалась в пользу взаимного отказа от протекционизма и более гибкого разрешения существующих торговых споров, что, по логике Пекина, способствовало бы “всестороннему возрождению и устойчивому развитию мировой экономики”. Вторым центральным вопросом саммита стало обсуждение возможностей сотрудничества сторон в борьбе с изменениями климата. Были подписаны соглашения о взаимодействии КНР и ЕС в развитии и освоении энергосберегающих технологий и технологий использования угля с низкими выбросами парниковых газов²¹.

* * *

С вступлением в силу Лиссабонского договора и модификацией руководящих институтов Европейского союза в деятельности ЕС неизбежно произойдут некоторые изменения, по крайней мере, формально-процедурные. Вполне вероятно, что может быть частично модифицирована и действовавшая до недавнего времени система саммитов Европейского союза с рядом государств, в том числе с Китаем.

В связи с этим можно констатировать, что уже проведенные двенадцать саммитов оставили свой след в истории. Став трибуной откровенного обмена мнениями и обсуждения широкого круга беспокоящих партнеров вопросов, саммиты способствовали углублению взаимопонимания сторон, поиску компромиссов, и на этой основе — эффективному наращиванию масштабов и диверсификации форм двустороннего сотрудничества.

Кроме того, в истории китайско-европейских отношений явно преждевременно было бы ставить точку, даже сугубо предварительную. Взаимный интерес Европы и Китая друг к другу не только поддерживается, но и усиливается. Европейский союз сохранил ведущее место в возобновившейся рост внешней торговле Китая (объем товарооборота КНР с ЕС в январе—марте 2010 г. составил 101 млрд долл., тогда как с США — 78, с Японией — 63, с АСЕАН — 63 млрд долл.). Определенное созвучие слышится в призывах Пекина к построению гармоничного мира и ставке Евросоюза на мультилатерализм, то есть многосторонность, в решении глобальных проблем.

Так что можно ожидать дальнейшего углубления партнерских отношений между КНР и ЕС — наверное, не всегда гладкого, но в любом случае поступательного.

-
1. Agreement on Trade and Economic Cooperation between the European Economic Community and the People's Republic of China <http://ec.europa.eu/world/agreements/prepareCreateTreatiesWorkspace/treatiesGeneralData.do?step=0&redirect=true&treatyId=341>.
  2. Тройка ЕС состояла из руководителя страны, председательствовавшей на тот или иной момент в Европейском союзе, Верховного представителя ЕС по вопросам внешней политики и безопасности и Председателя Комиссии Европейских сообществ. На практике на различных уровнях диалога Тройку представляли те или иные должностные лица.
  3. http://ec.europa.eu/external_relations/china/docs/com95_279_en.pdf.
  4. Communication from the Commission “Building a Comprehensive Partnership with China”. Brussels, 25.03.1998 COM(1998) 181 final.
  5. Report from the Commission to the Council and the European Parliament on the implementation of the Communication “Building a comprehensive Partnership with China”.

6. <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2001:0265:FIN:EN:PDF>.
7. 2362nd Council meeting — GENERAL AFFAIRS — Luxembourg, 25 June 2001: China.
8. China and the WTO, member information available at http://www.wto.org/english/theWTO_e/countries_e/china_e.htm.
9. The Joint Press Statement of the Fourth Summit Meeting of the EU—China Leaders (5 September 2001) <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=PRES/01/312&format=HTML&aged=1&language=EN&guiLanguage=en>.
10. The Joint Press Statement of the Fifth Summit Meeting of the EU—China Leaders (24 September 2002) http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/er/72250.pdf.
11. The Joint Statement of the Sixth Summit Meeting of the EU—China Leaders (28 October 2003) http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/er/77802.pdf.
12. “A secure Europe in a better world”, European Security Strategy, Brussels, 12 December 2003, available at <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/78367.pdf>.
13. Towards a Strategic Partnership: EU-China Relations // EPC WORKING PAPER, July 2005.
14. The Joint Statement of the Seventh Summit Meeting of the EU—China Leaders (8 December 2004). http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/er/82998.pdf.
15. The Joint Statement of the Eighth Summit Meeting of the EU—China Leaders (5 September 2005). <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=IP/05/1091&format=HTML&aged=0&language=EN&guiLanguage=en>.
16. The Joint Statement of the Ninth Summit Meeting of the EU—China Leaders (9 September 2006), http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/er/90951.pdf.
17. The Joint Statement of the Tenth Summit Meeting of the EU—China Leaders (28 November 2007), http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/er/97355.pdf.
18. News Press Office of the Chinese Ministry of Commerce, the Twenty-Second EU—China Mixed Committee on Economics and Trade Reached Consensus (18 June 2007), available at <http://www.chinamission.be/eng/sgxx/t338288.htm>.
19. http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2008-11/28/content_770086.htm.
20. The Joint Statement of the Ninth Summit Meeting of the EU—China Leaders (20 May 2009), http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/en/er/107965.pdf.
21. http://paper.people.com.cn/RMRB/html/2009—123/01/content__395013/htm.

Экономика

Битва за Монголию: оправдывает ли цель средства?

© 2010

Д. Файзуллаев

В последнее время российское руководство стало наращивать усилия по развитию политического и экономического сотрудничества с Монголией. Поскольку после распада СССР позиции России на монгольском рынке постепенно ослабли, ей приходится практически заново завоевывать на нем место в условиях острой конкуренции с ведущими компаниями других стран.

Ключевые слова: российско-монгольское сотрудничество, природные ресурсы, совместные предприятия, налоговая дискриминация, финансовый кризис.

На протяжении всего периода существования Советского Союза Монголия действительно была связана с ним настолько тесными узами, что снискала репутацию 16-й республики. Советская военная помощь сыграла решающую роль в обретении Монголией суверенитета, а в 1939 г. — в отпоре японским милитаристам, вторгшимся на ее территорию в районе Халхин-Гола.

Впоследствии помощь СССР играла определяющую роль во всех сферах деятельности монгольского государства. Советский Союз на паритетных началах с МНР владел крупнейшими хозяйственными объектами (Улан-Баторская железная дорога, горно-обогатительный комбинат "Эрдэнэт", СП "Монголросцветмет"). Доля СССР в ее внешней торговле превышала 90%, а объем двустороннего товарооборота доходил в середине 1980-х гг. до 1 млрд долл.¹

Тесную связь между государствами обеспечивало также введение Монголией советских образовательных стандартов. В частности, серьезное внимание уделялось повсеместному и обязательному изучению русского языка в школах и вузах: до сих пор практически вся политическая элита Монголии свободно владеет русским.

Однако в 1991 г., после развала СССР, отлаженная система функционирования монгольского государства рухнула, в стране разразился системный кризис, поставивший ее на грань национальной катастрофы. После либерализации

Файзуллаев Джахонгир Абиерович, доктор экономических наук, доцент Самаркандского государственного университета им. А. Навои (Узбекистан). E-mail: faizda76@mail.ru.

цен, проведенной в 1991 г., темпы инфляции достигли в 1992 г. 325%². Наступил острый дефицит промышленных и продовольственных товаров. Ввиду отсутствия финансирования и недостатка рынков сбыта прекратили работу многие промышленные предприятия, наступила массовая безработица. И без того невысокий уровень жизни упал на 40%³.

В 1990-е гг. Россия, переживавшая непростой период проведения рыночных преобразований, практически на 10 лет забыла о Монголии, переориентировавшись на сотрудничество со странами Запада. Политические и экономические позиции России в этой стране сошли на нет, двусторонний товарооборот упал в 1998 г. до 197 млн долл.⁴

Сложнейший период 1990-х гг. Монголии удалось преодолеть только за счет финансовой помощи со стороны США, Японии, Южной Кореи, международных финансовых организаций (МВФ, Всемирного банка, Азиатского банка развития). Международная помощь Монголии в 1990–2004 гг. составила 2,5 млрд долл., из которых 60% составили льготные кредиты и 40% — были безвозмездными⁵. Только США предоставили в 2006 г. 200 млн долл. в рамках программы “Вызов тысячелетия”⁶.

Ныне Монголия входит в пятерку стран, наиболее зависимых от внешней помощи. Возникает вопрос о причинах столь значительного внимания к ней со стороны мировых держав и финансовых институтов. Ведь эта страна представляет собой пустынную территорию с малочисленным бедным населением, с почти полным отсутствием инфраструктуры за пределами городов. Представляется, что основной причиной интереса к Монголии (по крайней мере, со стороны США), стала возможность занять выгодную геополитическую позицию в непосредственной близости от двух основных политических и экономических центров силы евразийского континента — России и Китая.

Другая причина: ее полезные ископаемые. Недра Монголии содержат большие запасы железа, меди, серебра, золота, плавикового шпата, угля, свинца, вольфрама, молибдена, флюорита, цинка, урана, нефти. На ее территории выявлено 8000 различных месторождений, из которых около 600 разведаны с установлением запасов. По некоторым позициям минеральные ресурсы Монголии сопоставимы или даже превышают российские (плавиковый шпат, медь, молибден)⁷.

В 1990-е гг. монгольское руководство, определившее горнорудную отрасль в качестве основного поставщика средств в госбюджет, всячески стремилось привлечь иностранные инвестиции. В тот период этому препятствовали низкие цены на сырье, инфраструктурные и транспортные проблемы, дефицит воды и электроэнергии в Монголии. Однако в начале XXI в. цены на цветные металлы и энергоносители стали расти, существенно усилился спрос на них у соседнего Китая — все это наконец-то возбудило у зарубежных инвесторов интерес к Монголии.

Россия в борьбу за участие в разработке монгольских ресурсов включилась лишь в 2003–2004 гг. Прежде всего, руководство РФ вспомнило о совместных предприятиях, доставшихся России в наследство от СССР и некогда составлявших основу советско-монгольского сотрудничества. Теперь они должны были послужить “стартовыми площадками” возвращения России на монгольский рынок. Однако проверка их финансово-хозяйственной деятельности выявила, что все они переживают в силу разных причин глубокий экономический, финансовый и производственный кризис.

Старейшее СП с участием России — АО «Улан-Баторская железная дорога» (УБЖД), созданное на паритетной основе в июне 1949 г. и обслуживающее три четверти грузоперевозок республики. Счетная палата РФ, проведя в 2008 г. аудит АО УБЖД, подтвердила, что в 2005–2007 гг. показатели работы железной дороги значительно ухудшились. План развития транспортной инфраструктуры и укрепления ремонтной базы подвижного состава за 2005–2008 гг. не выполнен из-за отсутствия у СП необходимых финансовых ресурсов. В этот период значительно сократились капиталовложения (2006 г. — в 2,5 раза; 2007 г. — в 1,7 раза) и объемы капитального ремонта (2006 г. — на 12%; 2007 г. — на 22%).⁸ Чистая прибыль в 2007 г. сократилась на 39,1%, составив 2,6 млрд тугриков. При этом убытки дороги в 2007 г. достигли 30,6 млрд тугриков. С марта 2007 г. АО УБЖД приостановило начисление и выплату дивидендов акционерам⁹.

Счетная палата РФ выявила ряд очевидных нарушений в деятельности СП. Так, балансовый отчет АО УБЖД не отражает реальную стоимость имеющихся средств. Их балансовая стоимость не переоценивалась и многократно занижена по отношению к реальной стоимости. Значительная часть применяемых тарифов определена без учета реальной себестоимости перевозок и, следовательно, не обеспечивает рентабельность транспортных услуг внутри страны. Так, в 2007 г. средняя тарифная ставка железнодорожных грузоперевозок в расчете на тонно-километр составляла в Монголии 0,012 долл. — значительно ниже, чем в России (0,034 долл.) или в Китае (0,038 долл.)¹⁰.

Важный вывод по результатам проверки: для привлечения инвестиций в горнорудную отрасль необходима существенная модернизация монгольской железнодорожной инфраструктуры.

С этой целью в мае 2009 г. была создана КОО (компания с ограниченной ответственностью) «Развитие инфраструктуры», учредителями которой стали с российской стороны — ОАО РЖД (50%), с монгольской — государственные компании «Монгольская железная дорога» (25%) и «Эрдэнэс МГЛ» (25%).¹¹ Это СП должно разработать концепцию развития железных дорог Монголии с обоснованием необходимых инвестиций и механизмов их возврата. Предполагалось, что окупаемость вложений будет обеспечиваться за счет доходов от перевозок дополнительных объемов грузов и участия СП в проектах по освоению перспективных месторождений, привлекательность которых будет существенно повышаться по мере строительства железнодорожных подходов к ним. Проект оценивается в 7 млрд долл.¹² Его разрабатываемое ныне ТЭО предусматривает прокладку новой ветки Зуунэбаян — Таван-Толгой для экспорта таван-толгойского угля через дальневосточные порты России в Японию и Южную Корею. Предлагается также рассмотреть проект железной дороги Баянтумэн — Бор-Ундэр для освоения месторождения в восточной части страны¹³.

Основная проблема реализации программы модернизации железнодорожной системы Монголии: финансирование, точнее, способность обеспечения монгольской стороной ее доли в уставном капитале СП «Развитие инфраструктуры.» Одним из вариантов могло стать внесение Монголией в качестве своего вклада в финансирование СП лицензии/лицензий на разработку своих месторождений полезных ископаемых (медно-золотого месторождения Оюу-Толгой, но в первую очередь, угольного месторождения Таван-Толгой).

Безусловно, этот вариант предпочтителен для России, поскольку предполагает возможность решения ряда важнейших задач по укреплению ее позиций на монгольском рынке. Во-первых, это способствовало бы повышению эффектив-

ности деятельности российско-монгольского АО УБЖД. Во-вторых, ОАО РЖД получило бы доступ к разработке двух крупнейших месторождений Монголии.

Месторождение Таван-Толгой давно привлекает различные российские компании, ведущие конкурентную борьбу за право участия в его разработке с 2006 г. Это месторождение расположено в гобийской пустыне на юге Монголии, в 250 км от границы с Китаем. Предварительные запасы угля там оцениваются в 6–7 млрд т, его стоимость — более в 300 млрд долл. Около 40% запасов Таван-Толгой составляет высококалорийный коксующийся уголь, крайне необходимый для черной металлургии¹⁴.

При реализации вышеупомянутого проекта СП “Развитие инфраструктуры”, конечно, не планировало самостоятельно разрабатывать месторождения, а предполагало создать дочернюю компанию, к участию в которой привлекались бы специализированные инвесторы. Российская сторона надеялась, что в качестве инвестора в этом проекте выступит консорциум ведущих российских компаний (металлургический холдинг “Северсталь”, ГК “Ренова” и En+ Group (созданный для участия в конкурсе на разработку Таван-Толгой еще в ноябре 2006 г.). Консорциум претендовал на 49% месторождения, но правительство Монголии уже несколько лет тянет с его выдвиганием на торги¹⁵.

На практике оказалось, что реализовать эту многослойную российскую “комбинацию” не просто. В марте 2009 г. из состава консорциума вышла “Северсталь” (из-за сложной ситуации в мировой металлургической промышленности, обусловленной финансовым кризисом). Вариант привлечения кредита для участия в разработке Таван-Толгой представляется в текущих условиях крайне невыгодным¹⁶. Уход “Северстали” значительно понизил шансы консорциума на получение лицензии, поскольку именно она в отличие от двух других компаний имеет продолжительный опыт угледобычи¹⁷.

К тому же позиция монгольского руководства относительно этого проекта весьма противоречива. С одной стороны, оно вроде бы соглашалось внести лицензию на разработку месторождения в качестве своей доли уставного капитала СП “Развитие инфраструктуры”, поскольку иных средств на данный момент у Монголии нет. Но с другой стороны, все договоренности по этому вопросу, достигнутые на самом высоком уровне, носили лишь устный характер и не нашли отражения в каких-либо документах. Это дало Монголии повод не придерживаться этих договоренностей, одновременно обсуждая другие проекты разработки месторождений. Ее власти не склонны отдавать права на разработку Таван-Толгой какому-либо одному претенденту, склоняясь к созданию СП с участием всех заинтересованных сторон (а таковых может быть немало). Заявки на участие в конкурсе поступили от таких компаний как Cia Vale do Rio Doce (Бразилия), BHP Billiton и Rio Tinto (Австралия — Великобритания), Xstrata (Швейцария), Itochu Corp. и Sojitz Corp. (Япония), China Shenhua Energy Co. (Китай), Jindal Steel & Power Ltd. (Индия), Peabody (США), СОРЕС (Южная Корея)¹⁸.

Главное же, обсуждая с Россией перспективы СП “Развитие инфраструктуры”, монгольские власти одновременно принимают заявки на конкурс по Таван-Толгою, не собираясь бесплатно вносить лицензию на месторождение в какое-либо СП. Более того, они рассчитывают получить не менее 2 млрд долл. за продажу¹⁹.

По мнению экспертов, если российскому консорциуму придется участвовать в конкурсе на общих основаниях, то ему будет сложно привлечь необходимые средства ввиду текущих финансовых затруднений.

Большие сомнения вызывают и перспективы СП “Развитие инфраструктуры”. Ведь уже через два месяца после его создания в июле 2009 г. министерство транспорта Монголии и министерство железных дорог КНР подписали меморандум о взаимопонимании, подразумевающий участие Пекина в модернизации монгольских железных дорог, а именно, строительство железнодорожной ветки по территории Китая к Таван-Толгою. Это позволит экспортировать уголь на огромный рынок Китая, а также в Японию и Южную Корею через китайский порт Тяньцзинь²⁰. Всемирный банк исследовал по заказу Улан-Батора потенциальную стоимость транспортировки угля в Японию и Южную Корею по российскому и китайскому маршруту. Оказалось, что транспортировка через Китай окажется вдвое дешевле. К тому же и прокладка километра железной дороги в российском проекте составляет 13 млн долл., а в китайском — лишь 3 млн долл.²¹ К тому же китайская сторона действует на опережение — в 2009 г. компания China Shenhua Energy Co, участвующая в тендере на освоение Таван-Толгоя, уже приступила к прокладке железной дороги к южной границе Монголии, которую предполагается завершить в 2011 г.

Договоренность о передаче СП “Развитие инфраструктуры” лицензии на разработку медно-золотого месторождения Оюу-Толгой также утратила актуальность в сентябре 2009 г., когда правительство Монголии подписало инвестиционное соглашение о его разработке с компаниями Ivanhoe Mines (Канада) и упомянутого Rio Tinto²².

Таким образом, первоначальный стратегический замысел российских властей совместить в одном проекте развитие сети железных дорог в Монголии с участием российских компаний в разработке крупнейших месторождений полезных ископаемых фактически потерпел неудачу. А с учетом решительных намерений Китая взять то и другое на себя, само существование СП “Развитие инфраструктуры” оказывается под вопросом.

Россия, в свою очередь, не намерена, по словам заместителя министра финансов РФ Д. Панкина, мириться с нарушением монгольской стороной подписанных договоренностей и рассчитывает воспрепятствовать получению Монголией займов в международных организациях. В частности, согласно подписанному в сентябре 2009 г. инвестиционному соглашению о разработке месторождения Оюу-Толгой, правительство Монголии получит 34% акций создаваемого предприятия Ivanhoe Mines Mongolia Inc. LLC. Но для этого потребуются внести 820 млн долл., каковые монгольские власти планируют получить в качестве кредита у Всемирного банка. В такой ситуации Россия будет вынуждена заявить о неурегулированной внешней задолженности Монголии в 180 млн долл., которую монгольская сторона отказывается выплачивать: речь идет о кредите, выданном Россией Монголии для оплаты ее доли в уставном капитале российско-монгольского СП “Монголросцветмет”²³. Это, безусловно, создаст проблемы для Монголии, но вряд ли поможет оживить СП “Развитие инфраструктуры”.

В сложной ситуации оказалось и СП “Эрдэнэт”, созданное в ноябре 1973 г. для разработки месторождения медно-молибденовых руд Эрдэнэтийн-Овоо. Установленные запасы там составляют 6 млн т меди и 170 тыс. т молибдена. Ныне там ежегодно добывается 25 млн т медной руды, производится 550–570 тыс. т меднорудного концентрата и около 50 тыс. т молибденового концентрата²⁴.

Вплоть до 1990 г. размер уставного капитала СП не был определен, но СССР полностью профинансировал геологические работы на месторождении и все строительные-монтажные работы по возведению предприятия. По оценке экс-

пертов, СССР вложил там до 1 млрд долл., ввиду чего изначально 51% акций принадлежал СССР, а 49% — Монголии²⁵. Однако в 1991 г. было подписано новое межправительственное соглашение — между Россией и Монголией, согласно которому процентное соотношение владения акциями предприятия неведомым образом поменялось на прямо противоположное: Россия получила 49% акций, а Монголия — 51%. Детали подписания этого соглашения не известны, но очевидно, что Монголия сумела тем или иным способом воспользоваться развалом СССР, административной неразберихой того периода и коррупционным настроением российских чиновников. Данное соглашение действовало до конца 2002 г., когда российской долей СП управляла компания “Зарубежцветмет”. В 1990-е гг. Россия утратила интерес к СП “Эрдэнэт” и даже перестала проводить рентные платежи, в результате чего Монголия стала требовать увеличения своей доли до 65%²⁶. Одновременно монгольская сторона стала систематически нарушать пункт межправительственного соглашения о распределении производимого на предприятии меднорудного концентрата. Согласно этому договору, в Россию должна отгружаться треть концентрата (143 тыс. т). В действительности же, в 2000–2003 гг. поставлялось 35–50 тыс. т. Об этом свидетельствуют основные российские потребители монгольского меднорудного концентрата — Уральская горно-металлургическая компания и Кыштымский медно-электролитный завод. В то же время более 90% продукции СП “Эрдэнэт” поставляется в Китай, где на нее стабильно поддерживаются более высокие цены, чем на мировом рынке²⁷.

В 2002 г., когда подошел к концу срок соглашения, российское руководство наконец-то осознало значимость этого и заявило о намерении вернуть контрольный пакет. Тем более, что ныне Россия стала ощущать дефицит медного сырья. Крупнейшие месторождения — Учалинское (Башкортостан) и Гайское (Оренбургская область) — истощаются, а разработка Удоканского месторождения (Читинская область) требует серьезных инвестиций. Владея значительным пакетом акций СП “Эрдэнэт” — одного из мировых лидеров в производстве медного сырья, Россия готова вкладывать средства в модернизацию предприятия и вправе рассчитывать на увеличение своей доли произведенной продукции. Более того, Россия претендует не просто на возвращение контрольного пакета акций СП, но и на увеличение своей доли в акционерном капитале на 25%. И это было бы абсолютно реально до 2003 г.: самым серьезным аргументом в этом споре должен был стать долг Монголии России, составлявший к 2003 г. около 11,2 млрд долл. Было совершенно ясно, что Монголия не в состоянии его погасить, и переговоры по этому вопросу, очевидно, шли к списанию долга, что достаточно типично для взаимоотношений многих ведущих мировых держав с развивающимися странами. Так поступила и Россия, списав в 2003 г. 98% монгольского долга. При этом Монголия должна была перечислить в СП “Монголросцветмет” оставшуюся часть долга (180 млн долл.)²⁸. Именно для этой цели Россия в свое время и выдала Монголии кредит, который теперь подлежит возврату.

Можно было предположить, что Россия воспользуется списанием долга Монголии для укрепления своих позиций в уже действующих СП и продвижения интересующих ее проектов. Сейчас сложно сказать, каковы были условия списания монгольского долга, но до настоящего времени никаких преимуществ в какой-либо сфере экономического сотрудничества на монгольском рынке РФ не получила. Более того, условия работы российских компаний там продолжают ухудшаться.

Что касается СП “Эрдэнэт”, то в 2003 г. Монголии удалось подписать новое соглашение с Россией, которое сохранило контрольный пакет акций у монгольского правительства (51%).

Другие совместные проекты также не продвигаются. Так, в декабре 2006 г. российская компания “Полиметалл” и “Монголросцветмет” создали СП для освоения монгольского полиметаллического месторождения Асгат, разведанные запасы которого составляют 3006 т условного серебра, а прогнозные ресурсы — 4970 т. Однако до сих пор стороны обсуждают только детали совместного сотрудничества, так и не приступив к освоению месторождения²⁹.

После напряженных многолетних переговоров (2007–2009 гг.) России удалось достичь некоторых сдвигов по более четкому определению перспектив сотрудничества в атомной сфере. РФ заинтересована в освоении урановых месторождений в монгольском аймаке Дорнод, примыкающем к Читинской области РФ. Разработка этих месторождений позволила бы России пополнить запасы урана, которые она пока не может обеспечить за счет добычи на собственной территории и через СП в других странах и вынуждена активно использовать запасы урана, накопленные еще в советское время.

Монгольские урановые месторождения могли бы стать одним из основных поставщиков сырья для расположенного по соседству Ангарского электролизного химического комбината, на базе которого в 2007 г. было создано российско-казахстанское СП “Международный центр обогащения урана” (МЦОУ), являющееся крупнейшим мировым производителем обогащенного урана.

Подтвержденные запасы урана в Монголии невелики: 46 200 т, прогнозные ресурсы — 62 000 т³⁰. Это значительно меньше, чем у Австралии и Казахстана, лидирующих по объемам подтвержденных урановых запасов, но больше, чем в соседнем Китае.

Сотрудничество в атомной сфере было бы выгодно и Монголии. Кроме непосредственных доходов от допуска России к добыче урана на собственной территории, Монголия получила бы всю инфраструктуру, связанную с разработкой месторождений, в том числе, железнодорожные пути к ним.

Россия готова как выкупать добытый на месторождении уран (долю Монголии), так и допустить Монголию к более высокой ступени переработки урановой руды — производству уранового концентрата — при присоединении Улан-Батора к СП “МЦОУ”. Это позволило бы Монголии самостоятельно выйти на рынок уранового топлива.

Кроме того, Россия может помочь Монголии решить одну из серьезных проблем ее экономики, препятствующую, в частности, развитию проектов в горнорудной отрасли — дефицит электроэнергии. В силу географических особенностей расположения промышленных объектов и перспективных месторождений полезных ископаемых (значительная удаленность друг от друга и разбросанность по малонаселенной и пустынной территории) Монголия заинтересована в сооружении атомных станций малой и средней мощности (200–300 МВт). А именно на сооружении АЭС такого типа специализируется российско-казахстанское СП “Атомные станции”, созданное в 2006 г.

Однако, несмотря на все вышеперечисленные преимущества, которые Монголия может извлечь из сотрудничества с Россией в атомной сфере, и неоднократные сообщения в прессе о сроках создания СП по разработке монгольских урановых месторождений, подписание необходимых документов постоянно откладывалось. А регулярные визиты делегаций обеих сторон огра-

ничивались подписанием малозначительных меморандумов о намерениях. Наконец в августе 2009 г. во время визита президента России Д.А. Медведева в Монголию было подписано соглашение о создании СП по разработке монгольских урановых месторождений. Участниками выступают на паритетных началах монгольская государственная компания “АтомМон” и российский урановый холдинг “Атомредметзолото.”

При этом Россия сознает, что Монголия не прочь сотрудничать в этой сфере с другими заинтересованными сторонами. Так, одним из первых шагов вновь созданного СП станет получение лицензии на разработку месторождений в провинции Дорнод, поскольку в феврале 2010 г. правительство Монголии аннулировало права канадской компании Khan Resources (KRI.TO), которой принадлежало 58% лицензии на разработку тамошних урановых залежей³¹.

Отрицательный фактор инвестиционного климата Монголии, кроме очевидного “затягивания” переговорного процесса, — изменения в монгольском налоговом законодательстве, значительно осложнившие функционирование предприятий с участием иностранного капитала. В 2006 г. был принят новый закон “О полезных ископаемых”, в который введено понятие “стратегические месторождения”. Под это определение их попало около 800. Суть нововведения — в том, что государство вправе увеличить свою долю в акционерном капитале до 50% как во вновь создаваемых СП, так и в уже существующих, что предполагает пересмотр ранее подписанных контрактов³². Кроме того, были увеличены лицензионные платежи и роялти (плата за право разработки государственных природных ресурсов), которое возросло вдвое, составив 5%³³.

Резко отрицательную реакцию иностранных инвесторов вызвал и принятый в 2006 г. закон “О налоге на рост цен на некоторые виды продукции”: согласно ему, если рыночные цены превышают 500 долл. за тройскую унцию золота и 2600 долл. за тонну меди, то дополнительный доход компаний от роста цен на эти виды продукции облагается налогом по ставке 68%³⁴. По мнению экспертов, налог на сверхприбыль есть не что иное, как второй налог на прибыль, что противоречит принципу избежания двойного налогообложения, применяемого в международной практике.

Установленные в законе пределы цен, превышение которых позволяет определить получаемую прибыль как сверхприбыль, являются, очевидно, заниженными. Так уже в июне 2006 г., когда вступил в действие данный закон, рыночная цена на золото превышала 700 долл.³⁵, а в январе 2010 г. достигла 1132 долл. за тройскую унцию³⁶. Цена на медь уже в мае 2006 г. (за месяц до принятия закона) составляла 8550 долл. за тонну, что в 3,2 раза превышало установленный предел цены³⁷. В результате весомая доля прибыли крупнейших горнорудных компаний стала уходить в госбюджет Монголии.

Действие этих законов непосредственно затронуло и все СП с российским участием (ГОК “Эрдэнэт”, АО “Монголросцветмет”, КОО “Золотой Восток — Монголия”, АО “Шижиралт”), которые и представляют крупнейшие предприятия горнорудной отрасли страны. Так ГОК “Эрдэнэт”, дающий ныне 85,5% налогов, поступающих из горнорудного сектора в госбюджет Монголии, недополучил с момента введения нового налога прибыль в размере 700 млн долл. В общей сложности компании с участием российского капитала потеряли около 2,5 млрд долл., а госбюджет России лишился около 500 млн долл. налоговых отчислений от этих СП³⁸.

В целом на долю налога на сверхприбыль приходится около 10% госбюджета Монголии, доходная часть которого составляет около 1 млрд долл.³⁹ До введения налога на сверхприбыль основными налогоплательщиками в монгольский бюджет выступали три компании — ГОК “Эрдэнэт” (Монголия — Россия), КОО “Золотой Восток — Монголия” (Россия — Великобритания) и “Vogo Gold” (Канада — Монголия). Однако в 2006 г. оказалось, что монгольское законодательство действует избирательно и позволяет некоторым СП, участвующим в разработке монгольских золоторудных и меднорудных месторождений, не платить налог на сверхприбыль. Так СП “Vogo Gold”, созданное с участием канадской компании Centerra Gold (95% акций), освобождено от уплаты этого налога, что объясняется действием закона Монголии об иностранных инвестициях, в соответствии с которым иностранным компаниям могут быть предоставлены некоторые льготы по налогообложению⁴⁰. Кроме того, монгольское правительство заключило с СП “Vogo Gold” договор о стабильности, позволяющий устанавливать различные налоговые льготы для отдельно взятой компании. К таким относятся неизменность налоговой базы в течение 10–15 лет и освобождение от всех видов налогов кроме роялти⁴¹. С российскими компаниями такие договоры не подписываются, однако в июне 2006 г. Россия и Монголия заключили соглашение о защите взаимных капиталовложений, предусматривающее неизменность подписанных контрактов в течение всего срока их действия. Это, прежде всего, подразумевает невозможность изменения структуры акционерного капитала компаний без согласия сторон, как и определенной в контракте налоговой базы.

Одновременно с подписанием российско-монгольского соглашения Улан-Батор принял два вышеназванных закона, которые полностью противоречат сути этого соглашения. Подчеркнем, что в своей деятельности Монголия руководствуется принятыми законами, тем самым грубо нарушая подписанные с Россией договоренности.

Среди российских СП в Монголии в наиболее сложной ситуации оказалась КОО “Золотой Восток — Монголия”, работавшая в республике с 1997 г. и занимавшаяся разведкой и добычей золота (около 4 т в год). Акционерами компании являются ЗАО “Золотой Восток” (Россия; 84%) и компания Keyfold (Великобритания; 16%)⁴².

В конце 2007 г. компания “Золотой Восток — Монголия” подала иск в международный арбитражный суд в Стокгольме, оспаривая законность изменения монгольского законодательства в отношении иностранных недропользователей. Свои прямые убытки от введения в 2006 г. налога на сверхприбыль компания оценила в 1 млрд долл.⁴³

Ответные меры монгольских властей последовали незамедлительно — деятельность компании была приостановлена, все технологическое имущество арестовано, а добытое золото изъято. Попытки решить эту проблему цивилизованными методами, т.е. в рамках монгольского законодательства оказались безуспешными. Принимая во внимание все вышесказанное, эксперты полагают: даже если компании “Золотой Восток — Монголия” удастся выиграть это дело, то международный арбитражный суд вряд ли сможет добиться от Монголии изменения ее законодательства.

Итак, основная нагрузка по отчислению в монгольский госбюджет налога на сверхприбыль ложится на ГОК “Эрдэнэт”, поскольку КОО “Золотой Восток — Монголия” ныне фактически не функционирует.

Столь неоднозначная ситуация с реализацией принятых законов не могла не повлиять на развитие монгольской горнорудной отрасли в целом.

В период мирового финансового кризиса золотодобыча могла и должна была бы стать точкой опоры для национальной экономики. Так в 2005 г. до введения в действие известных законов золотодобывающие компании и частные лица сдали государству 15,23 т. золота. А в 2007 г. — лишь 10,5 т при установленной норме в 17,2 т. В госбюджет в качестве налога на сверхприбыль на добытое в 2007 г. золото должно было поступить 72,1 млрд тугриков, а поступило только 34,2 млрд тугриков⁴⁴.

Столь значительное снижение объемов продажи золота государству и доходов от налога на сверхприбыль заставило монгольское правительство разработать изменения в закон «О полезных ископаемых», а также предложить Народному Хуралу (парламенту) отменить налог на сверхприбыль. Предлагается снизить налоговое бремя на добывающие компании и довести до международного стандарта размеры оплаты за использование полезных ископаемых, в частности, золота.

Так при рыночной цене золота до 500 долл. за унцию ставка оплаты составит 5%. При повышении цены на 100 долл. ставка увеличивается на 1%. Данный законопроект был направлен в Народный Хурал еще в мае 2008 г.⁴⁵, но никакого решения до сих пор не принято, законы, препятствующие развитию экономики самой Монголии, как и российско-монгольского сотрудничества, продолжают действовать.

В настоящее время следует признать, что напряженная ситуация, сложившаяся вокруг предприятий с российским участием, и проблемы развития двустороннего сотрудничества являются в целом результатом весьма серьезного провала внешнеполитического курса современной России. А ведь за последнее десятилетие она добилась существенного укрепления своих позиций на международной арене — во многом именно благодаря продуманному и взвешенному внешнеполитическому курсу. В Монголии же Россия вот уже 20 лет не может добиться поставленной цели — возвращения утраченных доминирующих позиций на тамошнем рынке.

Анализируя причины существующих проблем, подчеркнем, что российское руководство, как явствует из вышесказанного, в значительной мере само виновато в сложившейся ситуации. С учетом психологической модели построения отношений все складывается совершенно логично — Монголия выстраивала свои отношения с Россией именно так, как та позволяла ей это делать.

Возникает вопрос — оправдывает ли поставленная цель те усилия и средства, которые Россия сейчас прилагает для ее достижения? На это следует дать положительный ответ. Монголия непосредственно граничит с Россией, которая, конечно, не заинтересована в существовании каких-либо проблем на собственных границах. Кроме того, российские власти просто обязаны поддерживать российские компании, работающие в Монголии, и защитить свою собственность в российско-монгольских СП. Также следует помнить о богатейших минеральных ресурсах Монголии, в разработке которых Россия имеет реальные шансы участвовать. Самый сложный вопрос ныне заключается в том, каким образом Россия могла бы качественно изменить суть российско-монгольских отношений и убедить Улан-Батор в необходимости сотрудничества.

По мнению большинства экспертов, существенным негативным фактором для будущего российско-монгольских отношений может стать и полная смена

высшего руководства республики, произошедшая в 2009 г. В мае 2009 г. президентом Монголии был избран лидер Демократической партии Ц. Элбэгдорж, считающийся прозападным политиком. В 2000–2002 гг. он учился в США. Окончил Институт экономики Университета Колорадо, а затем — Школу государственного управления имени Дж. Кеннеди при Гарвардском университете, получив степень магистра государственного управления. В 2002–2003 гг. Ц. Элбэгдорж работал в программе ООН “Задачи по развитию тысячелетия” и был консультантом в руководящем совете проекта “Свободная пресса” в Вашингтоне⁴⁶. За время двух премьерских сроков Ц. Элбэгдоржа (1998 г. и 2004–2006 гг.) и при его непосредственной поддержке монгольские военные контингенты были направлены для участия в миротворческой операции ООН в Косово и в военной операции НАТО в Ираке. В 2005 г. Ц. Элбэгдорж способствовал организации первого в монгольской истории визита американского президента — Дж. Бушамладшего, а также введению обязательного преподавания английского языка в школах и вузах вместо русского. В сфере контроля над разработкой полезных ископаемых Монголии Ц. Элбэгдорж активно выступает за приход в страну западных добывающих компаний.

В октябре 2009 г. премьер-министру Монголии С. Баяру, считавшемуся самым дружественным по отношению к России представителем ее руководства, пришлось уйти в отставку по состоянию здоровья. Именно он был сторонником создания российско-монгольского СП “Развитие инфраструктуры,” а также лично обещал передать СП лицензии на разработку месторождений Таван-Толгой и Оюу-Толгой.

Новым премьер-министром стал прежний министр иностранных дел С. Батболд, также тесно связанный с Россией (выпускник МГИМО МИД РФ). Но его влияние пока что гораздо меньше, чем у его предшественника.

Таким образом, к руководству республикой пришли люди, не связанные личными отношениями и договоренностями с представителями российской власти. Впрочем, приход нового руководства, как представляется, вряд ли может значительно ухудшить российско-монгольские отношения: ведь практический результат взаимодействия и при прежнем руководстве был весьма низким.

Парадоксально, но своеобразным катализатором развития ситуации в российско-монгольском взаимодействии мог бы стать мировой финансовый кризис. Известно, что Монголия уже многие годы испытывает зависимость от внешней финансовой помощи. В условиях мирового кризиса эта зависимость усилилась. Однако западные страны, которые в предыдущие годы финансово поддерживали Улан-Батор, сейчас сами испытывают серьезные проблемы. И оказалось, что одно из немногих государств, готовых ему помочь — Россия. Речь идет не о финансовой помощи, а о предоставлении кредитов. Уже было практически подписано соглашение о российском кредите в 300 млн долл.⁴⁷ Предполагалось, что он предоставляется для закупки российской техники и других товаров сельскохозяйственного назначения (семян, удобрений), выпускаемых российскими производителями. Таким образом, выдача данного кредита стимулировала бы производство на отечественных предприятиях, что также является существенным положительным фактором в условиях кризиса.

Также обсуждалась возможность предоставления Улан-Батору кредита в несколько млрд долл. На сей раз не возникает сомнений, что одним из основных условий выдачи кредитов должно было бы стать решение существующих юриди-

ческих проблем российских компаний в Монголии и предоставление значительных экономических преференций для СП с участием российского капитала.

Однако сложности, возникшие в деятельности российско-монгольского СП "Развитие инфраструктуры", наряду с многочисленными нарушениями монгольской стороной письменных и устных договоренностей и фактическим отказом монгольских чиновников разного уровня даже от обсуждения существующих проблем привели к тому, что выдача данных кредитов отложена на неопределенный срок. Кажется, что российские власти наконец-то пришли к твердому решению: что пока следует воздержаться от серьезных финансовых инвестиций в проекты с участием монгольской стороны ввиду крайней неустойчивости тамошнего инвестиционного климата, сконцентрировать свои усилия на защите интересов российских компаний, уже работающих в Монголии.

1. Торгово-экономическое сотрудничество между Россией и Монголией (материалы посольства Монголии в РФ). — www.mongolianembassy.ru.
2. *Грайворонский В.* Забытое золото Монголии // *Русский курьер*. 2009. 5 сент. С. 3.
3. Там же.
4. Торгово-экономическое сотрудничество между Россией и Монголией...
5. *Грайворонский В.* Указ. соч.
6. Нас снова манит пустыня Гоби // *Эксперт*. 2007. 17 дек. С. 8.
7. *Грайворонский В.* Указ. соч.
8. Пресс-релиз департамента информации Счетной палаты РФ от 11.08.08. — www.ach.gov.ru.
9. Там же.
10. Там же.
11. *Ямбаева Р., Екимовский А., Смирнов Д.* РЖД внедрилась в Монголию // *Коммерсант*. 2009. 14 мая. С. 1.
12. Там же.
13. *Екимовский А., Смирнов Д.* Российские железные дороги тянутся в Монголию // *Коммерсант*. 2009. 20 марта. С. 1.
14. *Киселева Е., Черкасова М.* Россию понизили в Таван-Толгое // *Коммерсант*. 2006. 30 нояб. С. 1.
15. *Екимовский А., Асанкин А.* Монголия ставит инвесторов в уголь // *Коммерсант*. 2009. 26 окт. С. 1.
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же.
19. Там же.
20. *Габуев А.* Краеугольный каменный // *Коммерсант*. 2009. 25 авг. С. 1.
21. Там же.
22. *Алиев А.* Монгольское золото // *Эксперт Online*. 2009. 6 окт. — www.expert.ru.
23. Там же.
24. *Пономарев Д.* "Эрдэнэт" достался чиновникам // *Коммерсант*. 2003. 3 февр. С. 2.
25. Там же.
26. *Куликов С.* Россия отберет у Монголии "Эрдэнэт" // *Независимая газ*. 2007. 1 июля. С. 1.
27. *Пономарев Д.* Указ. соч.
28. *Скосьев В.* Схватка за монгольские недра // *Независимая газета*. 2009. 26 авг. С. 2.
29. *Черкасова М.* "Полиметалл" притягивает серебро // *Коммерсант*. 2007. 12 дек. С. 2.
30. *Богомолова Е.* "Росатом" добудет ядерное топливо в Монголии // *Газета*. 2009. 23 янв. С. 1.

31. *Дзагута В.* "Атомредметзолото" приблизилось к Монголии // Коммерсант. 2010. 26 февр. С. 2.
32. Нас снова манит пустыня Гоби. // Эксперт. 2007. 17 дек. С. 9.
33. Там же.
34. Там же.
35. Фиксинги золота в 2006 г. на Лондонской бирже драгоценных металлов // Вестник золотопромышленника. М., 2006. 11 дек. С. 5.
36. Фиксинги золота в 2010 г. на Лондонской бирже драгоценных металлов // Вестник золотопромышленника. М., 2010. 15 янв. С. 5.
37. Динамика цен на медь на Лондонской бирже металлов (январь 2006 г. — январь 2010 г.). — www.lme.co.uk.
38. *Кокширов В.* Убыточная дипломатия // Независимая газета. 2009. 17 марта. С. 1.
39. *Киселева Е., Черкасова М.* Российская компания претендует на бюджет Монголии // Коммерсант. 2008. 13 марта. С. 3.
40. Там же.
41. Там же.
42. Там же.
43. Там же.
44. Монголия примет поправки в закон "О полезных ископаемых" (материалы монгольского информационного агентства Montsame Agency от 12.05.08). — www.montsame.mn.
45. Там же.
46. *Brooke J.* A Mongolian and His Nation, Evolving together // The New York Times. 2004. 25 дек.
47. Пресс-конференция премьер-министра РФ В.В.Путина и премьер-министра Монголии С. Баяра, 17.03.09. — www.premier.gov.ru.

Приватизация по-бирмански

© 2010

А. Симония

Приватизация в Мьянме официально началась в 1995 г., когда был принят соответствующий закон, возникла Комиссия по приватизации. В этом процессе автор выделяет две фазы. Более десяти лет в частную собственность передавались лишь кинотеатры и прочая мелкая собственность. Наконец, в рамках подготовки к предстоящим в конце 2010 г. парламентским выборам военное правительство начало крупнейшую в истории страны распродажу государственных активов, включая правительственные здания, морские порты, крупную долю в национальной авиакомпании.

Ключевые слова: Мьянма/Бирма, Государственный совет по восстановлению законности и правопорядка (ГСВЗП), Государственный совет мира и развития (ГСМР), приватизация.

С 1948 г., когда Бирма¹ обрела независимость от британского колониализма, там трижды менялись политический строй и путь экономического развития:

— 1948–1962 гг. — парламентская демократия, рыночная экономика с элементами социализма;

— 1962–1988 гг. — “бирманский путь к социализму”, однопартийная система, централизованная командная экономика;

— С 1988 — военная диктатура во главе с Государственным советом по восстановлению законности и правопорядка (ГСВЗП), переименованного в 1997 г. в Государственный совет мира и развития (ГСМР), переход к рыночной экономике и “дисциплинированной демократии”.

Правящий режим намерен провести осенью 2010 г. всеобщие парламентские выборы и передать власть гражданскому правительству. Этому предшествует заключительный этап широкомасштабной приватизации государственной собственности. Таким образом, тенденция перехода к рыночным отношениям, охватившая в последние десятилетия многие страны мира, не обошла стороной и Мьянму, внесшую в этот процесс свою специфику.

С момента, когда ГСВЗП провозгласил “политику открытых дверей” и введение свободных рыночных отношений в качестве части пакета реформ для перехода от командной социалистической экономики к капиталистической, в повестку дня вошел вопрос о сокращении прямого участия государства в функционировании предприятий, т.е. о полной либо частичной приватизации. Главной целью разгосударствления было стремление сократить финансовое бремя убыточ-

---

Симония Аида Алексеевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН. E-mail: aida.simonia@stream.ru.

ных госпредприятий и избавиться от наследия “бирманского пути к социализму”. Однако поначалу не существовало четкой программы крупномасштабной приватизации, хотя объекты недвижимости уже были намечены.

В марте 1989 г. была реализована операция перевода части долговых обязательств госпредприятий в активы, а впоследствии были списаны все долги, что рассматривалось как важный шаг к приватизации². Впрочем, разгосударствление началось еще при предыдущем руководстве Партии бирманской социалистической программы (ПБСП). В начале 1988 г. было принято решение вернуть прежним хозяевам ряд мелких и средних промышленных предприятий, связанных с сельским хозяйством (таких, как рисорушки и маслобойни, национализированных в 1962–1963 гг.). Но тогда мало кто пожелал получить их обратно: не было уверенности в будущем, хотя правительство еще до реституции посулило 20-летнюю гарантию от национализации плантаций каучуконосов и кокосовой пальмы.

Главная форма разгосударствления (приватизация, подкрепляемая либерализацией экономического законодательства) появилась в планах военного руководства позднее, а пока еще не проводилось акционирования предприятий госсектора, в стране отсутствовала фондовая биржа. Оставалось неизвестным и точное количество госпредприятий. Его не смог назвать в конце 1994 г. даже тогдашний министр планирования и экономразвития бригадный генерал Д. Абель³.

Большая часть госпредприятий была убыточной из-за неэффективности управления. В период правления Революционного совета и ПБСП все ключевые руководящие посты на предприятиях госсектора занимали военные, пользующиеся личным доверием Не Вина. Так же было и в пору “парламентской демократии”, когда премьер-министр У Ну назначал на ответственные посты своих доверенных лиц. Однако его кадры имели опыт административного управления, военные же таковым не располагали. Некоторые из них обучались менеджменту, но как только приобщались к управлению тем или иным предприятием, и намечалась тенденция к его развитию, их освобождали от должности. Иными словами, гражданские руководящие посты использовались в качестве поощрения военного персонала по ротационной системе. Поэтому у них не было необходимости прислушиваться к советам технократов, они должны были действовать и принимать решения, руководствуясь принципами социалистического централизованного хозяйствования, а не экономической целесообразностью⁴.

Попытки денационализировать эти убыточные предприятия наталкивались на нежелание предпринимателей вкладывать свои капиталы при выкупе их у государства. К тому же потенциальные хозяева не соглашались сохранять избыточную численность недостаточно квалифицированной рабочей силы, тогда как государство на том настаивало, опасаясь обострения проблемы безработицы. Речи о безвозмездной передаче собственности не шло, было решено сдавать их в аренду. К тому же личных сбережений у обычных граждан практически не было, как отсутствовал и средний класс, необходимый для успешного развития экономических реформ.

Львиную долю накоплений население утратило вследствие демонетизации конфискационного характера, проведенной в сентябре 1987 г. После той акции население, потерявшее последнюю веру в правительство, предпочитало избавляться от наличности, вкладывая ее в золото, в различные товары, в земельные участки под строительство домов. Цены на землю в Рангуне возросли до 10 млн джа⁵ за акр, а в Мандалае — до 20 млн джа вследствие его близости к зонам приграничной торговли. Поэтому в приватизации мог участвовать, в основном, капитал, нажитый на контрабандной торговле и наркобизнесе.

Разгосударствление на первых порах имело форму лизинга и создания совместных предприятий (СП) с иностранным капиталом. В течение 1988–1992 гг. были приняты соответствующие законы. ГСВЗП легализовал деятельность иностранного капитала на территории страны, приняв 30 ноября 1988 г. (т.е. через полтора месяца после прихода к власти) самый либеральный за весь период независимости закон “Об иностранных инвестициях”. Согласно его положениям, капиталовложения из-за рубежа могли осуществляться как в форме СП, так и путем создания фирм, где иностранному инвестору принадлежит 100% собственности.

В 1992 г. правительство предложило частным лицам, в том числе и иностранцам, арендовать промышленные предприятия или создавать СП на базе 55 госпредприятий, находившихся в ведении Министерства промышленности № 1, в текстильной, обувной, пищевой, фармацевтической, бумажной, химической, джутовой, металлообрабатывающей отраслях, в переработке зерна, изготовлении пищевого льда, производстве алкогольных и безалкогольных напитков. ГСВЗП призвал население направить сбережения на расширение посевных площадей в земледелии, на развитие животноводства и рыболовства. Были выставлены на продажу принадлежащие государству каучуковые плантации в южной части полуострова Тенассерим (Танинтайи)⁶.

Госпредприятия были предложены также иностранным компаниям на условиях создания СП с госсектором. Однако лишь часть этих фабрик, некогда построенных или переоборудованных с помощью иностранных фирм, оказались привлекательными для иностранных инвесторов. Остальные пребывали в столь запущенном состоянии, что выгоднее было построить новые. К июню 1994 г., по официальным данным, из 1767 функционирующих госпредприятий 121 было передано в лизинг и 18 вошли в СП⁷.

Таким образом, разгосударствление в Мьянме на первом этапе приняло следующие формы:

1. СП предприятий госсектора с частными местными и иностранными инвесторами.
2. СП граждан Мьянмы с иностранными инвесторами.
3. Контракты с частными лицами по управлению предприятиями госсектора без передачи прав собственности.
4. Лизинг фабрик и промышленных мощностей, принадлежащих государству или частным предпринимателям, в том числе иностранным.

В конце сентября 1994 г. председатель ГСВЗ, старший генерал Тан Шве объявил о “постепенной, но радикальной” программе приватизации всех основных госпредприятий. При этом, заявил он, руководство страны “не допустит, чтобы львиная доля богатства страны попала в руки небольшой группы людей”⁸. Однако дальнейший ход событий покажет, что все произойдет именно так.

В январе 1995 г. была создана Комиссия по приватизации (далее КП), которую, возглавил занимавший тогда пост 1-го секретаря ГСВЗП генерал-лейтенант Кхин Ньюн. Секретарем КП назначили министра национального планирования и экономического развития бригадного генерала Д. Абея. В комиссию также вошли 12 министров, генеральный юрисконсульт, генеральный аудитор и 4 высокопоставленных гражданских чиновника⁹. КП наделялась широкими полномочиями в процессе поэтапной передачи частному сектору предприятий, компаний и других активов госсектора, в том числе собственности, национализированной в период “пути к социализму”.

Списки намеченных к приватизации предприятий подавались соответствующими министерствами в ПК на утверждение. Отобранные предприятия оценивались специальным комитетом по ценам. Затем список публиковался в прессе с указанием первоначальной цены для участия в аукционе.

В разъяснении указывалось, что приоритетное право на приобретение госсобственности имели лица, ранее ею владевшие. Это относилось прежде всего к бывшим хозяевам кинотеатров и участков с постройками для торгово-промышленной деятельности¹⁰. Далее преимущественным правом пользовались группы людей или компании, способные приобрести госпредприятия сообща. Единственным примером такого разгосударствления стала передача в лизинг на 10 лет сталелитейного завода группе бирманских предпринимателей, которые ранее имели деловой опыт в строительном секторе¹¹. И только после этих групп собственность могли приобрести остальные граждане, в том числе иностранцы.

На первом этапе приватизации в список вошли 59 объектов, включая 18 предприятий легкой и пищевой промышленности, 8 лесопильных заводов, 21 кинотеатр. Но процесс шел медленно. Участие национального частного капитала тормозилось из-за неуверенности в политической и экономической стабильности, отсутствия сбережений у населения. Среди причин медлительности приватизации можно назвать несоответствие реальной стоимости предприятий сумме, предложенной для выкупа, т.к. большинство фабрик и оборудования были устаревшими. Потенциальные владельцы не хотели также брать “в нагрузку” представителей бывшего государственного административного аппарата. Не последнюю роль играло и опасение налогового бремени.

К концу 1997 г. только 7 госпредприятий удалось продать частному сектору, еще 3 были переданы в лизинг, 28 — различным министерствам (т.е. фактически возвратились в госсектор) и 21 осталось в списке для приватизации¹².

Государственный совет мира и развития (ГСМР), пришедший на смену ГСВЗП в ноябре 1997 г., вернулся к вопросу о приватизации, и в январе 1998 г. был опубликован новый список госпредприятий для приватизации: 42 фабрики, две животноводческие фермы и 76 кинотеатров. Председатель ПК 1-й секретарь ГСМР Кхин Ньон призвал население активнее участвовать в этом процессе¹³.

В течение следующих трех лет ПК несколько раз оглашала приватизационные списки, куда входили в основном кинотеатры и мелкие земельные участки для бизнеса, национализированные в 1962–1963 гг. К началу 2001 г. было приватизировано 138 предприятий, из них 129 проданы, 9 переданы в лизинг (правительство получило за них более 2 млрд джа). Из 138 объектов львиная доля (87) приходилась на кинотеатры и мелкие земельные участки¹⁴. К началу 2003 г. число приватизированных объектов достигло 180, выручка составила 2,87 млрд джа¹⁵.

Медленные темпы приватизации секретарь ПК Д. Абель объяснял трудностью выбора и оценки объектов приватизации, а также дефицитом опыта менеджмента и финансовых средств в частном секторе. Отсутствие нормально функционирующей фондовой биржи и предпринимателей с техническим опытом, которые могли бы управлять промышленными предприятиями, возможно, также негативно повлияли на процесс приватизации. Зам. министра национального планирования и экономического развития бригадный генерал Зо Тун, выступая на семинаре в Янгонском Институте экономики в июле 2000 г., объяснял медлительность приватизации “сдерживающей политикой бюрократов из министерств, боящихся утратить контроль над предприятиями”. Вскоре он был уволен за резкую критику госчиновников высокого ранга¹⁶.

Итоги приватизации оставались весьма скромными до 2007 г. В частный сектор на тот момент перешло не более 200 госпредприятий — по-прежнему это были в основном кинотеатры и небольшие предприятия. Государство доминировало в ключевых секторах экономики — добывающей и обрабатывающей промышленности, энергетике, транспорте, экспортно-импортной торговле. Военные по-прежнему активно участвовали в таких прибыльных секторах, как добыча драгоценных камней, заготовка древесины твердых пород через свои конгломераты Union of Myanmar Economic Holdings (УМЕН) и Myanmar Economic Corporation (МЕС)¹⁷.

И все же процесс разгосударствления собственности повлек к тому времени некоторые позитивные сдвиги. Возник и окреп мелкий и средний частный бизнес в разных сферах хозяйственной деятельности. Однако большая часть собственников крупных частных компаний, возникших в последние десятилетия, имеет тесные, подчас родственные отношения с правящей военной элитой. Вряд ли можно говорить о серьезных сдвигах, поскольку государственная монополия во многих отраслях сменилась монополией “кланового капитализма”.

Методы проведения и масштабы приватизации изменились после того, как ГСМР объявил о намерении провести в 2010 г. всеобщие выборы в Народное собрание и передать власть гражданскому правительству. На сей раз население уже не приглашалось участвовать в тендерах, не публиковалась необходимая информация о проведении самого процесса.

Последняя волна приватизации оказалась иной и по значимости объектов, выставленных на продажу. Речь шла уже не о кинотеатрах, мелких земельных участках или убыточных госпредприятиях. Теперь объектами приватизации стали грузовые морские порты, через которые осуществляются основные экспортно-импортные перевозки, сеть из 250 автозаправочных станций по всей стране, фабрики, месторождения драгоценных камней и оловянные рудники, складские помещения, административные здания в бывшей столице Янгоне, государственная авиакомпания. О предстоящих продажах уведомлялся лишь узкий круг бизнесменов.

По официальной статистике, на которую ссылается журнал “Иравади”, в 2009 г. через аукционы было приватизировано 260 объектов госсобственности. В сентябре прошло 38 аукционов в девяти городах: на продажу были выставлены здания, мастерские, земельные участки. На декабрьском аукционе в Янгоне были проданы 137 объектов¹⁸.

Основным покупателем госсобственности в 2009 г. стал местный олигарх — близкий к властным структурам предприниматель Тэй За, внесенный странами Запада в “черный” список невъездных. Он является владельцем Ntoo Group of Companies, которая участвует в экспорте тиковой древесины, туристическом, телекоммуникационном и строительном бизнесе, а также авиакомпании Air Vagan и футбольной команды.

В январе 2010 г. ПК объявила о предстоящей продаже более 100 объектов недвижимости, включая также административные здания Верховного суда Мьянмы и Центрального ревизионного комитета в центре Янгона, а также фабрики и пять кинотеатров. В объявлении разъяснялось, что только 14 объектов будут проданы без всяких условий. Остальные должны использоваться по назначению в течение 20–30 лет. Новым владельцам не вменялось в обязанность сохранять существующий штат служащих и рабочих¹⁹.

По словам генерального секретаря Торгово-промышленной палаты Союза Мьянмы (ТПП), правительство намерено расширить роль частного сектора в экономике в соответствии с международными нормами²⁰. Однако отсутствие прозра-

чности и гласности в процессе проведения последней волны приватизации вызвало критику и обвинения в адрес ПК. Высказываются мнения, что недвижимость приобретают исключительно бизнесмены, входящие в “ближний круг”, или члены семей военной элиты по низким, чисто символическим ценам, укрепляя тем самым положение олигархов и военных кланов. Возможность приобретения зданий фабрик на аукционе предопределена наличием нужных связей с правящими генералами — таково мнение местных бизнесменов²¹.

В феврале 2010 г. стало известно, что частный Kanbawza Bank покупает 80% акций государственной авиакомпания Myanma Airways International (MAI), осуществляющей перевозки из Янгона в Бангкок, Сингапур, Куала-Лумпур и Гоа, остальные 20% останутся у государства. Председателем совета директоров этого банка является Аун Ко Вин, известный также под именем Схея Чжаун (учитель Чжаун), также внесенный странами Запада в “черный” список. Некогда он был школьным учителем дочери человека № 2 в правящей военной иерархии вице-старшего генерала Маун Эйя, когда тот командовал Восточным региональным военным округом в Шанском государстве. Позднее Аун Ко Вин стал снабженцем штаба того же военного округа. Связь с Маун Эйем помогла ему стать одним из богатейших людей страны. Как и у Тэй За, у него также есть футбольный клуб в Таунджи (Шанское государство)²².

Правительство Мьянмы всегда строго контролировало любой бизнес, связанный с энергоресурсами, включая запрапочные станции. В декабре 2009 г. частные компании впервые получили разрешение на импорт дизельного топлива — основного вида горючего, используемого в стране. На нем работают автобусы, поезда, грузовой транспорт, переносные генераторы. В Мьянме производится ежегодно 80 млн галлонов дизельного топлива для внутреннего потребления, еще 330 млн галлонов импортируется из Малайзии, Таиланда, Сингапура. Право импортировать топливо получили две частные компании: принадлежащий генералам синдикат UMEH и принадлежащая Тэй За Htoo Trading Company.

23 января 2010 г. была создана Ассоциация по импорту и распределению топлива Fuel Oil Importers and Distributors Association (FOIDA). Председателем был назначен Тэй За, вице-председателем — Аун Тхе Манн — сын человека № 3 в иерархии власти, генерала Тура Шве Манна (оба — из “черного” списка стран Запада). Ассоциация планирует в будущем контролировать импорт, ценообразование и распределение бензина и дизельного топлива, положив тем самым конец системе распределения горючего по квотам. Компания Htoo Trading уже получила контракт на управление бензоколонками в Верхней Бирме. Приватизацию всех государственных запрапочных станций правительство наметило завершить к 21 марта 2010 г.²³

1 февраля в местном еженедельнике “Voice” появилось сообщение со ссылкой на представителя ТПП о предстоящей приватизации трех грузовых портовых терминалов (Ботатаун, Суле и Во Аун Чжо) и портового оборудования в Янгонском порту, находящихся в ведении Министерства транспорта²⁴. По данным ПК с 2000 г. два портовых терминала, в том числе Тхилава (крупнейший международный терминал в Мьянме) уже управляются частной компанией Asia World Co. Lt., принадлежащей Тун Мьин Ауну, бизнесмену из “черного” списка, имеющему тесные связи с правящей хунтой, известному также под именем Стивен Ло²⁵. Янгонский порт является главными воротами во внешний мир. Его годовая пропускная мощность приблизилась в последние три года к 10 млн т грузов. Ежегодно в нем причаливают 1200 иностранных грузовых судов. Через Янгонский порт ввозится более пяти млн т импорта — сырой нефти, нефтепродуктов,

оборудования для промышленности, разных товаров повседневного спроса и вывозится более четырех млн т риса, минерального сырья, древесины²⁶.

Большое беспокойство среди жителей г. Могок, центра добычи драгоценных камней в 200 км северо-восточнее Мандалая (в так называемой Долине рубинов) вызвал визит официальных лиц из Министерства горнорудной промышленности и представителей частных компаний, вышеупомянутого Htoo Trading Co.Ltd., и Ruby Dragon Jade & Gems Co. Ltd., акционерами последней являются высокопоставленные генералы. Вслед за этим посещением в городок стали доставлять землеройную и прочую тяжелую технику. Жители городка опасаются, что их дома и земли будут конфискованы²⁷. Долина рубинов известна с древнейших времен, особенно славятся в ювелирном мире добываемые там рубины цвета "голубиной крови" и синие сапфиры. Драгоценные камни с 1964 г. — постоянный источник иностранной валюты для Мьянмы.

В начале марта 2010 г. ПК составила список из 176 объектов недвижимости в Янгоне, намеченных к приватизации в ближайшие недели. Список объемом в 18 страниц представляет собой обширный перечень недвижимости в Янгоне стоимостью в сотни миллионов долларов. Львиную долю занимают бывшие правительственные административные здания, освободившиеся после переезда в 2005 г. в новую столицу — Нейпидо. Еще в июне 2007 г. была сформирована специальная комиссия по их акционированию²⁸. Продажа, видимо, должна символизировать необратимость происходящих в стране процессов. В то же время десятки зданий колониального периода, пребывающие в разрухе и запустении, видимо, будут снесены, чтобы высвободить площадки под новое строительство. Тем самым бывший Рангун перестанет быть одним из самых стильных городов региона, ярким памятником архитектуры колониальной эпохи.

Последний этап приватизации в Мьянме можно рассматривать как продолжение либеральных реформ и либерализации экономики в целом. Можно также предположить, что такой тактикой военные надеются привлечь на свою сторону избирателей на предстоящих выборах. Выставляя на продажу государственные активы, они тем самым как бы подготавливают почву для развития малого и среднего бизнеса. Однако такие выводы подходят все-таки больше для первого этапа приватизации (середина 1990-х гг.). Тогда не было секретности в процессе приватизации, да и недвижимость была другого калибра. Среди активов, приватизируемых в начале 2010 г., вряд ли нашлось место для малого и среднего бизнеса.

Широкомасштабная распродажа госимущества в Мьянме в 2010 г. приравнивается многими аналитиками к приватизации, проведенной в России в постсоветский период²⁹. В стране распродается все, что представляет какую-то ценность. В конце 2009 г. были проданы десятки тысяч конфискованных автомобилей, ввезенных в свое время нелегально, что даже повлекло падение на 50% очень высоких здесь цен на автомобили.

Основная причина наращивания темпов приватизации в Мьянме в 2009–2010 гг. может заключаться в стремлении правящего ГСМР взять под свой контроль важнейшие ресурсы до ожидаемого после выборов вступления в силу конституции 2008 г., по которой часть госсобственности, включая месторождения и гидроэлектростанции, будет контролироваться совместно центральной и местной региональной или национальной администрацией. Передав эти активы в частные руки, включая членов правящей военной верхушки и их ставленников, генералы не утратят над ними контроль, и после выборов им не придется делиться с местными властями. Таким образом, они принимают меры предосторожности, чтобы

защитить себя и свое благополучие после выборов. Независимо от того, какая группа придет к власти, она ничего не сможет сделать по закону, так как все ключевые ресурсы останутся в руках нынешних военных кланов.

Отметим в заключение, что согласно докладу, подготовленному Heritage Foundation и The Wall Street Journal (2010 Index of Economic Freedom), в 2010 г. по уровню экономической свободы Мьянма заняла 174 место из 179. В докладе также утверждается, что реальная и интеллектуальная собственность в Мьянме не защищены.

1. В июле 1989 г. правящий военный ГСВЗП изменил название страны и внутренние географические названия согласно звучанию на бирманском языке: Бирма — Мьянма, бывшая столица Рангун — Янгон и т.д.
2. См.: *Myat Thein, Mya Than. Transitional Economy of Myanmar: performance, issues and problems.* Singapore, 1995. С. 225.
3. The Economist Intelligence Unit (EIU). Country Report. Thailand and Myanmar (Burma), 1994, L. С. 40.
4. По некоторым неофициальным источникам к моменту прихода к власти ГСВЗП их число приближалось к 12 тыс. (если считать многочисленные мелкие фабрики и мастерские, национализированные в 1962—1963 гг. *U Tun Way. The Myanmar economy at the crossroads. Options and Constraints.* Singapore, 1990. С. 22.
5. Джа — национальная валюта Бирмы/Мьянмы. По официальному курсу 1 долл. = 6 джа, по неофициальному — около 1000 джа.
6. *Myat Thein, Mya Than.* Op. cit. P. 225.
7. *Tin Maung Maung Than. State dominance in Myanmar. The political economy of industrialization.* Singapore, 2007. С. 360, 401.
8. EIU. Country Report. Thailand and Myanmar (Burma), 4th Quarter 1994. L. P. 40.
9. State Law and Order Restoration Council Notification No. 10/95, Yangon, 9 January 1995.
10. Myanmar Times and Business Review (далее, Myanmar Times). Yangon, 2000. 4—10 sept.
11. Там же.
12. *Tin Maung Maung Than.* Op. cit. P. 402.
13. The New Light of Myanmar. Yangon, 1998. 25 aug.
14. Myanmar Times. 2001. 5—11 febr.
15. Myanmar Times. 2003. 10—16 march.
16. *Tin Maung Maung Than.* Op. cit. P. 402.
17. EIU. Country Profile 2007. Myanmar (Burma). L., 2007. P. 21.
18. The Irrawaddy. News Magazine covering Burma and Southeast Asia. 2010. 22 jan.
19. The New Light of Myanmar. 2010. 22 jan.
20. The Wall Street Journal. 2010. 29 febr.
21. The Irrawaddy. 2010. 22 jan.
22. *Wai Moe. Western-sanctioned Kanbawza Bank buys airline // The Irrawaddy.* 2010. 3 febr.
23. *Burmese Tycoon takes over fuel imports and sales // The Irrawaddy.* 2010. 27 jan.
24. The Irrawaddy. 2010. 3 febr.
25. Там же.
26. *Myanma to privatize port terminals handling business // Xinhua.* 2010. 1 febr.
27. *Yeni. Privatization? What privatization? // The Irrawaddy.* 2010. 1 march.
28. *Myanmar to auction 137 more nationalized buildings, land plots // Xinhua.* 2009. 11 dec.
29. The New York Times. 2010. 8 march.

Природопользование

Экологические проблемы Шанхая

© 2010

Е. Бирюлин

Шанхай — крупнейший город Китая, высокий уровень экономического развития которого сопряжен с довольно сложными экологическими проблемами. Их решение приобретает особую актуальность в связи с проведением международной выставки "Экспо—2010". Оценки экологической ситуации в Шанхае неоднозначны. Основные сложности связаны с состоянием воздушного бассейна, водных ресурсов и прогрессирующим накоплением твердых отходов. Атмосферное загрязнение двуокисью углерода является рекордным не только для Китая. Большие задачи стоят в сфере охраны водных ресурсов и городского водоснабжения. Тем не менее, Шанхай имеет все возможности стать локомотивом рациональной экологической политики для всего Китая.

Ключевые слова: Шанхай, "Экспо—2010", воздушный бассейн, водное загрязнение, твердые отходы, шумовая обстановка, экологическая политика, природоохранное законодательство, международное сотрудничество.

Шанхай — крупнейший город Китая, один из крупнейших городов мира расположен рядом с дельтой реки Янцзы. Это один из четырех городов центрального подчинения КНР, важный финансовый и культурный центр страны, а по основным параметрам — самый большой в мире морской порт. С 2005 г. Шанхай является крупнейшим в мире портом по объему грузооборота (460–500 млн т грузов — больше всех портов России вместе взятых). Грузооборот Сингапура 430–450 млн т. На конец 2007 г. население Шанхая составляло 18,6 млн чел., из них постоянно проживающими числились 13,8 млн. Сегодня, по последним данным, численность населения города превысила 20 млн чел.

Административно город состоит из десяти городских районов, нового района Пудун, девяти пригородных районов и уездов. Площадь Большого Шанхая, включая три острова на реке Янцзы, 6340 кв. км.

Шанхай является важнейшим промышленным центром КНР, существенно опережающим другие города страны. После того, как центральные власти в 1992 г. одобрили возобновление рыночного развития экономики Шанхая, он быстро обошел Шэньчжэнь и Гуанчжоу, где рыночные отношения начали развиваться

ся раньше. Экономика Шанхая росла со скоростью 9–15% в год — самыми высокими темпами среди других регионов Китая. ВВП мегаполиса составляет 1,36 трлн юаней и в ближайшие годы превысит 2 трлн юаней. Совокупный объем сделок на шанхайском финансовом рынке за 2009 г. составил 251 трлн юаней¹.

Приоритетные направления развития городской экономики: электроника и информатизация, автомобилестроение, судостроение и судоремонт, металлургия, нефтехимия, биоинженерия. Активно действуют также предприятия машиностроения (наиболее развиты — станкостроение, приборостроение, производство энергетического оборудования, сельскохозяйственное машиностроение), авиационной, авиакосмической и фармацевтической отраслей. Среди предприятий легкой промышленности лидируют текстильная отрасль и производство электробытовой техники. Инвестиции в основные фонды превысили 40 млрд долл. Объем внешней торговли составляет четверть всего внешнеторгового оборота Китая. В городе расположен ряд биржевых структур государственного значения, в том числе крупнейшая в КНР фондовая биржа, биржи нефтепродуктов, зерна, алмазов, золота, фьючерсная биржа, филиалы всех китайских банков, финансовых и страховых компаний, большинство из действующих в Китае иностранных банков, представительств иностранных компаний. Количество реализуемых в Шанхае проектов с участием зарубежного капитала приближается к 5000. Основными инвесторами города являются Гонконг, США, Япония, Великобритания, Сингапур и Германия. Всего Шанхай привлек инвестиции из более чем 100 стран и регионов мира. Из 500 крупнейших мировых транснациональных корпораций более 300 осуществляют свою деятельность в Шанхае, среди них — General Motors, Ford, General Electric, Mitsubishi, Sharp, National, Volkswagen, Siemens.

Разумеется, такая бурная и широкомасштабная экономическая деятельность сопряжена со сложными экологическими проблемами, важность решения которых усиливается в условиях подготовки к проведению в 2010 г. в Шанхае международной выставки “Экспо—2010”. Шанхайская выставка задумана организаторами как самая большая в истории мероприятий такого рода как по занимаемой площади, так и по количеству посетителей, и числу участников. Устроители выставки исходят из того, что к 2010 г. по некоторым важнейшим параметрам Шанхай выдвинулся на позиции первого делового центра Азии. Проведение в нем всемирной выставки “Экспо—2010”, оснащенной самыми передовыми технологиями, должно укрепить этот статус. Девиз выставки — “Лучше город — лучше жизнь”. Будучи первой всемирной выставкой, глубоко затрагивающей тему городской жизни, “Экспо—2010” должна привлечь к ней внимание правительств, общественных и деловых кругов и простых людей во всем мире. В течение 184 дней участники смогут проиллюстрировать все аспекты городской цивилизации, обменяться опытом городского развития, передовыми идеями, изучить новые подходы к оценке мест обитания человека, образа жизни и условий труда в XXI в.

Организаторы “Экспо—2010” решили потратить на это мероприятие 45 млрд долл. США, что значительно больше 37 млрд долл., истраченных на Олимпийские игры 2008 г. в Пекине². Правительство КНР сделало все, чтобы шанхайская выставка стала особым событием, которое призвано по-новому представить те широкие возможности, которые открывает проведение подобного мероприятия. Эмблемная концепция всемирной выставки отражает общение, радость встречи и сотрудничества, а также стремление человека к самореализации. В этой связи состоянию окружающей среды мегаполиса придается едва ли не

первостепенное значение. Даже производство сувениров в Шанхае в 2010 г. было переориентировано в основном на тематику охраны окружающей среды.

Общая оценка экологической ситуации в Шанхае неоднозначна, хотя в основном она характеризуется как существенно более благоприятная, чем в других крупнейших городах Китая. Отчасти это обусловлено удачным географическим расположением, современным техническим оснащением предприятий и лучшим по сравнению с другими городами состоянию автомобильного парка. Однако многие экологи, в частности эксперты американского Блэксмитовского института (Blacksmith Institute), швейцарского отделения Красного Креста и ряд других, считают Шанхай и дельту Янцзы одним из самых загрязненных мест на планете³. Это мнение вполне обосновано, учитывая колоссальные размеры шанхайской экономики. В ноябре 2009 г. газета "Shanghai Daily" опубликовала заметку, согласно которой специалисты-экологи университета Тунцзи (Tongji University's College) пришли к выводу, что среди всех городов Азии, а возможно, и мира Шанхай является абсолютным лидером по выбросам главного загрязняющего и парникового газа — двуокиси углерода. По данным последних исследований изменения климата в крупных городах Азиатско-Тихоокеанского региона общий годовой объем эмиссии углекислого газа Шанхая вдвое превысил аналогичный показатель для бывшего рекордсмена — Сиднея — и втрое занимавшего ранее второе место Токио⁴.

По вполне достоверным сведениям общий годовой объем эмиссии углекислого газа Шанхая в 2006 г. составил 184 млн т. Годовой прирост этого показателя за 1995–2006 гг. был равен 6,22%, и нет никаких оснований считать, что он существенно уменьшился в последующие годы⁵.

Тенденции и объемы других вредных газообразных выбросов в Шанхае за последние годы также следует считать весьма неблагоприятными.

Динамика газообразных выбросов в Шанхае в 2000–2007 гг.

Годы	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Общий объем газовых выбросов (млрд куб. м)	640	762	790	839	947	910	1005	1023
В т. ч. Промышленные	576	696	744	780	883	848	943	960
Бытовые	64	66	46	59	63	62	62	64
Дымовые и мелкоаэрозольные (тыс. т)	141	135	107	115	123	115	113	106
В т. ч. Промышленные	83	62	56	50	53	50	47	40
Бытовые	58	73	51	66	70	66	66	66
Выбросы двуокиси серы (тыс. т)	465	473	447	435	473	513	508	498
В т. ч. Промышленные	327	300	325	301	350	375	374	364
Бытовые	138	173	122	135	124	138	134	133
Уловленные объемы двуокиси серы (тыс. т)	38	21	56	49	55	75	95	90
Выбросы промышленные дымовых аэрозолей (млн т)	3,1	3,3	3,7	4,0	6,6	5,7	5,2	,5
Выбросы пыли и пылевидных аэрозолей промышленного характера (млн т)	2,2	2,6	3,0	3,5	2,1	1,5	1,5	1,5

Источник: *Официальный отчет о состоянии окружающей среды в Шанхае в 2009 г., раздел "Охрана воздушного бассейна в 2000–2007 гг."*⁶

Приведенные выше данные показывают, что тенденции состояния воздушного бассейна Шанхая в последние годы были неблагоприятными. Хотя рост выбросов основного агрессивного загрязнителя воздуха — сернистого газа был невелик, сам объем эмиссии двуокиси серы, близкий к полумиллиону тонн, является очень высоким. Для сравнения, объем выбросов сернистого газа в Москве, воздушный бассейн которой считается одним из наиболее загрязненных в мире, примерно в пять раз меньше, чем в Шанхае⁷.

Также очень опасны для здоровья жителей Шанхая дымовые, пылевидные и особенно мелкоаэрозольные атмосферные выбросы. Среди последних наибольшую тревогу вызывают находящиеся в воздухе твердые частицы, диаметром менее двух микрометров (список РМ_{2.5}). Количество этих особо вредных частиц, способных проникать не только в органы дыхания, но и через кожу, вызывая тяжелые заболевания, постоянно растет. Если судить не по данным официальных отчетов, а по отдельным сообщениям в прессе, то пылевое загрязнение Шанхая за последние годы существенно выросло.

Корреспондент газеты "Shanghai Daily" Ван Юн отмечала в своей публикации в апреле 2009 г., что когда в 2004 г. она переехала на работу в Шанхай, воздух в этом городе был не такой грязный, а главное, не в такой степени запыленный. Достаточно было раз в неделю провести уборку своего рабочего помещения от пыли. Сейчас ситуация резко ухудшилась, и даже ежедневная тщательная уборка не спасает от запыленности: в воздухе ощущается постоянный запах пыли. Каждое утро пыль покрывает тонким слоем все помещение, включая книги и чайные чашки. Корреспондент прямо заявляет, что предпочла бы менее бурное экономическое развитие, но более чистую и здоровую окружающую среду⁸.

Еще более резкая публикация в той же газете помещена 9 мая 2009 г. Отмечается, что сотни строительных площадок в Шанхае грубо нарушают строительные и экологические нормативы, поэтому бюро экологического надзора провело массовый рейд и в течение одного дня обнаружило многократное превышение допустимого уровня запыленности и загрязнения на 430 объектах. Некоторые из живущих поблизости горожан сообщили, что они не открывали окна в своей квартире уже более полугода⁹.

Кроме углекислого и сернистого газов в атмосферу Шанхая выбрасывается большое количество окислов азота и окиси углерода. Необходимо также учитывать, что в крупнейших мегаполисах, особенно таких, как Шанхай, очень большой вред окружающей среде и здоровью населения наносят редко упоминаемые атмосферные поллютанты — озон, бенз(а)пирен, формальдегид, фенол, сероводород, метилмеркаптан, этилбензол и пары бензола, коксовый газ, аммиак, аэрозоли серной кислоты, метанол, формальдегид, хлористый водород, хлор, фтористый водород, цианистый водород, графитовая и цементная пыль, метиламин, сероуглерод, сероводород, тетрахлорметан, радон и многие другие¹⁰. В частности, озон отнесен к первому, самому высокому классу опасности вредных веществ. Он крайне негативно действует на весь организм, особенно на органы дыхания и кровь, а также разрушает кожные покровы. Кроме того, этот агрессивный газ крайне вредно влияет на растительность и резко снижает урожайность сельскохозяйственных культур. Предельно допустимая концентрация озона в воздухе ничтожна — 0,1 мг/куб. м и в городах повсеместно превышает. В Шанхае опасность озонового загрязнения очень велика. Поэтому Шанхай первым в Китае создал систему раннего предупреждения повышенной концентрации озона в атмосфере. В зависимости от уровня концентрации в ней этого газа будет подаваться

предупреждающий сигнал о двух уровнях угрозы — “желтом” и “оранжевом”. В случае объявления предупреждения горожане должны оставаться дома, закрыть двери и окна, избегать активной подвижности и занятий спортом и т.п.¹¹

Эти редко упоминаемые, но очень опасные поллютанты в особенно больших количествах скапливаются в закрытых помещениях. В Шанхае, где широко распространены системы закрытого кондиционирования, это превратилось в большую проблему. В 2009 г. власти Шанхая впервые в Китае приняли жесткие меры в отношении учреждений, ресторанов, торговых центров и других общественных мест, в которых при постоянной работе кондиционеров создается загрязненная атмосфера, способная причинить вред здоровью служащих и посетителей. На руководителей или владельцев подобных заведений может быть наложен штраф в размере до 50 тыс. юаней (7321 долл. США), кроме того, их имена и фамилии будут выноситься на обсуждение общественности через средства массовой информации. Начальник шанхайского Управления по контролю за здравоохранением Ван Пинь заявил, что такие правила будут способствовать улучшению качества воздуха в помещениях и позволят избежать распространения многих заболеваний¹².

Органы здравоохранения Шанхая провели тщательную проверку офисов и общественных мест на наличие таких загрязняющих веществ, как формальдегид, углекислый газ, пыль, а также патогенных микроорганизмов. Они пришли к выводу, что лишь 20%—30% обследованных учреждений и организаций поддерживают состояние воздуха в своих помещениях хотя бы на минимально приемлемом уровне. Местные чиновники заявили, что именно отсутствие эффективного наказания является основной причиной низкого качества воздуха в помещениях. Поэтому сфера действия этих правил распространена даже на административные здания, хотя имеются и значительные исключения для ряда учреждений и общественных мест¹³.

В целях улучшения состояния атмосферного бассейна Шанхая принимались и другие жесткие меры. Так, весной 2009 г. были обнародованы дополнительные требования к охране окружающей городской среды, важнейшие среди которых — более строгие природоохранные нормы в отношении платных частных городских дорог. Впервые была принята норма, по которой владельцы таких магистралей, не обеспечивающие качество дорожного покрытия, необходимого для поддержания требуемой экологической обстановки, могут быть лишены хозяйственной лицензии. Полностью эти требования планируется ввести в действие к маю 2010 г., к открытию международной выставки. Руководитель соответствующих городских служб Шанхая Дун Хуэй заявил, что городская администрация будет теперь регулярно, не реже чем раз в полгода, организовывать инспекции городских дорог, обращая особое внимание на состояние воздуха на магистралях¹⁴.

Также большое внимание уделяется проблеме снижения загрязнения воздушного бассейна города газовыми выбросами угольных теплоэлектростанций. Проводится интенсивная работа по уменьшению отношения количества используемого топлива к единице вырабатываемой энергии. В начале 2010 г. шанхайская электроэнергетическая компания “Вайгаоцяо” объявила, что в результате самых передовых технических нововведений расход угля на выработку электроэнергии на крупнейшей в Шанхае ТЭС снизился до 282 гр на кВт/ч, обеспечив новый мировой рекорд в этой области. В 2009 г. средний расход угля на производство электричества на ТЭС по стране составил 339 гр на кВт/ч. В наиболее экономически развитых странах мира этот показатель составляет 330 гр на кВт/ч¹⁵.

Последние обобщенные официальные данные о состоянии воздушного бассейна Шанхая относятся к 2008 г. Согласно им, по сравнению с 2007 г. качество

воздуха в городе улучшилось, хотя несколько увеличилось число кислотных дождей (72,9% дождей были кислотными). Выбросы аэрозольных твердых проникающих частиц и сернистого газа существенно уменьшились (SO_2 — на 10,39%). Показатель озелененности города достиг 38%, на душу населения пришлось 12,5 кв. м зеленых насаждений. В 2008 г. количество дней с хорошими в целом показателями качества атмосферного воздуха достигло 328. В основном преобладало загрязнение аэрозольными проникающими твердыми частицами — 313 дней. 37 дней наблюдался высокий уровень содержания в воздухе двуокиси серы, 9 дней — двуокиси азота, в течение одного дня ощущалось крайне неблагоприятное комбинированное воздействие высокого содержания аэрозольных проникающих твердых частиц, двуокиси серы и двуокиси азота, также один день — твердых частиц и двуокиси азота¹⁶.

В целом удовлетворительные показатели состояния воздушного бассейна в Шанхае в 2008 г. дали основание городским властям принять решение об отказе от массового закрытия промышленных предприятий на период проведения “Экспо—2010”, как это делалось в Пекине во время проведения Олимпийских игр 2008 г.¹⁷

Состояние водной среды Шанхая является более проблематичным. Через город протекают несколько рек, берущих начало из озера Тайху. Наиболее крупная из них — Хуанпуцзян, которая является главным источником городского водоснабжения. Однако резервы пользования ею на грани истощения, и идет активный поиск новых источников, непосредственно примыкающих к нижнему течению Янцзы¹⁸. Большое значение для Шанхая имеет также р. Сучжоухэ. В небольших пока количествах используются относительно чистые воды р. Дяньпуцзян. Объем стока всех рек, протекающих через город и вблизи Шанхая, и объем иных близлежащих водоемов достигает 900 млрд кубометров, что сравнимо со стоком Янцзы¹⁹. Однако качество воды в озере Тайху далеко от идеального. Из-за сброса бытовых и промышленных сточных вод, высокого содержания фосфора в воде произошло разрастание токсичных сине-зеленых водорослей на больших площадях. В последние годы показатели контрольных измерений таковы: пробы с водой 1-й (наилучшей) категорией качества вообще не обнаружены, по 2-й (хорошей) категории выявлялось лишь 2,3%—3,4% проб, по 3-й (удовлетворительной) — 18,2%—29,4%, по 4-й (неудовлетворительной) — 22,7%—35,2%, по 5-й (наихудшей) — 9,0%—22,7%, и, наконец, по дополнительной 6-й категории (хуже наимудшей) — 25,0%—34,1%²⁰.

Так что вода в Шанхай приходит уже довольно загрязненной, а в черте города она, естественно, чище не становится. К тому же периодически город атакуется т.н. “солеными приливами”, то есть затоками морской воды. Очень крупное бедствие такого рода произошло в 2006 г. В дни праздника Весны — китайского Нового года по лунному календарю — на Шанхай буквально обрушилась морская вода сильной приливной волны, сформировавшейся в результате совпадения ряда природных факторов. Вследствие этого она поступила в водохранилище Чэньхан, второй по величине водозабор мегаполиса, после чего концентрация солей и хлора превысила критическую отметку — 250 мг на литр воды. Был срочно создан чрезвычайный запас пресной воды для обеспечения нормальной хозяйственной деятельности и снабжения населения. Свыше 20 тыс. работников служб водного хозяйства в праздничные дни дежурили на рабочих местах²¹.

Но и без таких аварийных состояний показатели обеспеченности Шанхая питьевой водой, несмотря на значительную потенциальную ресурсную базу, не блестящие. Из-за сильного загрязнения на душу населения реально приходится

лишь 1049 кубометров водных ресурсов, что составляет всего 40% среднего показателя в Китае и ничтожные 10% от среднемирового показателя. ООН включила Шанхай в список шести городов мира, которым угрожает потенциальная опасность столкнуться с угрожающим дефицитом водоснабжения населения²².

Специальная контрольная группа безопасности продуктов питания Постоянного комитета Собрания народных представителей Шанхая периодически проводит контроль качества питьевой воды. По ее отчетам, качество питьевой воды в Шанхае вызывает тревогу, особенно неблагоприятная ситуация складывается с “улучшенной” питьевой водой, продаваемой в емкостях. Отмечено не только нередко встречающееся несоответствие бутилированной воды нормам качества, но и наличие там опасной микрофлоры. Заместитель ответственного секретаря правительства Шанхая Яо Минбао потребовал от соответствующих городских структур повысить уровень контроля для обеспечения безопасности питьевой воды²³.

Другие должностные лица Шанхая, в частности, заместитель директора шанхайского отделения Управления контроля за качеством водоснабжения Чэнь Гогуан, неоднократно заявляли, что водопроводная вода в Шанхае безопасна для использования²⁴. Однако возникает вопрос, что имеется в виду под безопасностью воды. Обычно под этим подразумевается лишь отсутствие опасных кишечных бактерий, способных вызвать массовые заболевания. Это совершенно устаревший критерий. Иностранцы, особенно граждане США, посещающие Шанхай, стараются не употреблять там водопроводную воду. Более того, им не рекомендуют это делать²⁵. Кстати, и Чэнь Гогуан признал, что шанхайская водопроводная вода не слишком приятна на вкус и что 40% водных артерий города серьезно загрязнены.

Эксперты из министерства водных ресурсов неоднократно отмечали, что в Шанхае наряду с резким ростом численности населения и быстрым экономическим развитием дисбаланс между спросом и предложением воды стал узким местом в промышленном и сельскохозяйственном производстве. Нехватка питьевой воды в Шанхае будет существенно препятствовать его прогрессу и превращению в международную столицу.

Однако большинство жителей мегаполиса пока еще не осознали серьезность ситуации. Водопроводные краны в квартирах без необходимости открываются на длительное время, устаревшее сантехническое оборудование не дает возможности экономить воду, большая часть машин моется примитивным способом. Городской эксперт по водным проблемам Юй Лунсян отмечал, что только по бытовому сегменту в Шанхае ежегодно бесполезно расходуются миллионы тонн чистой воды²⁶.

В последние годы ситуация начинает медленно улучшаться. Большую роль в этом играет нарастающая активность представительных органов и общественных объединений. Делегаты городского Собрания народных представителей и шанхайского отделения НПКСК приняли ряд решений по вопросам улучшения водоснабжения. Особое значение имеет План развития оборотного использования отработанных вод Шанхая, разработанный с использованием тайваньских специалистов и выдвинутый еще в 2003 г. В силу технических и финансовых трудностей претворение в жизнь этого плана идет медленно, но полная его реализация позволит из ежегодно образующихся 1,27 млрд кубометров бытовых стоков превратить до 70% в так называемую “серую воду”, пригодную не только для мытья автомобилей и городских дорог, но и для полива зеленых насаждений и даже сельскохозяйственной ирригации²⁷. Более того, депутаты и общественность Шанхая при поддержке правительственных инстанций поставили амбициозную

цель — в перспективе превзойти европейские стандарты качества питьевой воды и сделать ее в Шанхае лучшей среди крупнейших городов мира²⁸.

Начиная с 2004 г. власти мегаполиса начали реализовывать программу реконструкции городских и пригородных систем водообеспечения. При этом первостепенное внимание уделялось переоснащению водоснабжения сельских жителей пригородов, которое наиболее проблематично. Загрязнение вод в пригородах к этому времени достигло недопустимо высокого уровня²⁹. Заместитель мэра города Ху Яньчжао заявил, что развитие Шанхая в духе современных мировых стандартов требует срочной модернизации пригородов. На цели их лучшего водообеспечения выделялось более 1 млрд юаней в год³⁰.

Однако реально осуществить такие масштабные планы, даже при выделении значительных финансовых средств, весьма непросто. Очень большие технические сложности решения водной проблемы в гигантском мегаполисе подтолкнули городские власти к использованию передового зарубежного опыта. Местное правительство в 2006 г. подписало соглашение с базирующейся во Франции крупнейшей в мире воднотехнологической транснациональной компанией "Veolia Water Corporation Limited", на разработку и строительство комплекса инженерно-технических объектов, призванных обеспечить гарантированную поставку чистой питьевой воды для бурно развивающегося района Пуцзян, соединяющего особую экономическую зону Пудун со старым Шанхаем. Население района Пуцзян уже превысило 120 тыс. чел., территория составляет более 100 кв. км, и проблема водообеспечения там стоит очень остро. Проекты включают, в частности, строительство новых инженерных коммуникаций, а также насосной станции. Стоимость контракта составляет 320 млн юаней (40 млн долл. США). Из них 80 млн юаней будут покрыты городским правительством. После завершения строительства все существующие устаревшие системы водоснабжения предполагается закрыть³¹.

Разумеется, такие большие расходы, а это не единственный объект реконструкции и развития системы водоснабжения Шанхая, настоятельно потребовали пересмотра сложившейся схемы оплаты услуг за потребление водных ресурсов. Традиционно в Шанхае стоимость услуг за водоснабжение была едва ли не самой низкой в Китае. Она росла, как и по всей стране, но заметно медленнее — с 0,68 юаня за кубометр до 1,03 юаня в 1990-е гг. Существенно, почти в 5 раз, была поднята цена кубометра воды только для бань и саун. Положение начало меняться с лета 2006 г., когда власти города плавно увеличили цену за кубометр водопроводной воды на 1 юань, что очень существенно, особенно для наименее состоятельной части горожан. Это самый большой рост за весь обозримый период. Введена новая трехуровневая система прогрессивной оплаты за водопотребление для жителей — три разные ставки на годовое потребление семьи — менее 180 кубометров, между 180 и 300 кубометрами и свыше 300 кубометров.³²

Особенно жесткие меры были приняты в отношении использования подземных вод, массированное потребление которых привело к опасному опусканию грунта на больших площадях. Были не только резко повышены цены на воду из артезианских источников, но введена втроекратно уменьшенная квота на ее выкачку. В 2005 г. в городе было использовано 74,52 млн кубометров подземных вод³³.

В последние годы появилась новая проблема в сфере водопользования, которая стала головной болью для властей Шанхая и многих других городов — беспрецедентно широкое распространение ядовитых сине-зеленых водорослей, отравляющих водные источники. Это явление связано с повышенным содержанием в водоемах азота, фосфора и других загрязнителей, способствующих уси-

ленному росту гидрофлоры. Течение р. Хуанпуцзян в пригородах Шанхая покрывается слоем сине-зеленых водорослей на площади в 390 тыс. кв. м, что создает угрозу водоснабжению всего города. Местные власти вынуждены принимать экстренные меры и нести большие финансовые затраты, чтобы очистить реку. Радикального решения проблемы пока не найдено. Очищенные от сине-зеленых водорослей участки реки вскоре покрываются обыкновенной ряской, которая не является токсичной, но приводит к снижению содержания кислорода в воде и замору рыбы. Муниципальные органы Шанхая уполномочили компанию Shinan Water проводить регулярный мониторинг и тестировать качество воды круглосуточно³⁴.

Но самые большие надежды возлагаются на трехлетний план очистки и развития водоемов и водных источников Шанхая, основные цели которого должны быть реализованы уже в нынешнем году. Документом предусмотрена полная очистка всех больших и малых рек общей протяженностью почти 4 тыс. км, озер и водоемов в районе Шанхая, а также претворение в жизнь 332 водохозяйственных проектов на сумму более 80 млрд юаней (11,7 млрд долл. США). Эти цели уже практически осуществлены в одном из городских округов — Сунцзяне, и он должен стать образцом для коренных преобразований в других районах³⁵.

При этом очень важно, что административные методы решения водной проблемы в Шанхае сочетаются с современными финансовыми методами, адекватными требованиям рыночной экономики. Весной 2008 г. в Шанхае был создан первый в Китае Специальный фонд охраны водных ресурсов (SWRPF). Инициаторами создания Фонда явились мощные промышленно-финансовые группы, такие как компания Баошаньского металлургического комбината “Baogang”, инженерно-технологическая группа SAIC, группа “Shanghai Media”, Шанхайская компания градостроительства и инвестиционного развития и др., при участии университета Тунцзи. SWRPF будет работать под контролем и направляющим руководством Шанхайского управления по охране водных ресурсов. В задачи фонда, в частности, входят активное инвестирование финансовых средств в перспективные водные проекты и помощь, включая правовую, тем, кто пострадал от загрязнения вод. Административный руководитель SWRPF заявил, что Фонд намерен распространить свою деятельность не только на Шанхай, но и на весь большой регион дельты Янцзы. К тому же, он будет вкладывать 70% своей прибыли в социально ориентированные проекты повышения народного благосостояния. SWRPF будет работать в тесной кооперации с уже существующим в Шанхае многоцелевым международным фондом чистых технологий “Greenstar” (Greenstar Fund)³⁶.

В Шанхае, как во всех крупных городах Китая и остального мира, остро стоит проблема промышленных и бытовых твердых отходов и мусора. В перспективе она неминуемо станет самой сложной задачей сохранения приемлемой среды обитания. Объем производства промышленных твердых отходов в городе в последнее десятилетие возрастал в среднем на 4–6% ежегодно и в 2007 г. достиг внушительной цифры в 21,7 млн т. (В 2000 г. этот показатель был равен всего 13,5 млн т). Производимый годовой объем мусора в самом населенном городе Китая в пять раз превышает размер башни Цзиньмао — третьего по высоте здания в мире и самого высокого в стране³⁷.

Уровень утилизации по этому сегменту выше, чем в других городах, тем не менее, стремительный рост накапливаемых неутраченных отходов представляет серьезную угрозу для окружающей среды Шанхая и его пригородов. Также быстро растет годовой объем бытового мусора, составивший в 2007 г. 7,02 млн т. Большая часть таких отходов уничтожается на мусоросжигающих заводах, что

также небезопасно для экологии и здоровья населения. Тяжелой проблемой являются медицинские отходы, которые очень сложны для утилизации и не могут вывозиться на свалки. Только за 2007 г. их было произведено 10,61 тыс. т. Еще хуже обстоит дело с опасными отходами, переработка которых в условиях многомиллионного города практически невозможна. В 2006 г. власти Шанхая вынуждены были пойти на крайний шаг, разрешив наиболее технологически передовым мусоросжигающим заводам сжигать в год до 3 млн т таких отходов. Тем не менее, административные меры по борьбе с накоплением твердых отходов не ослабляются. 1 марта 2007 г. было принято «Постановление о мерах противодействия загрязнению окружающей среды г. Шанхая медицинскими отходами», предусматривающее почти полное уничтожение такого рода отходов путем специального сжигания и гораздо более жесткие административно-правовые санкции к нарушителям³⁸.

Обнадешивает, что компетентные инстанции Шанхая приступили к конкретной работе с предприятиями, профиль которых определяет большое количество выработки твердых отходов. Специальный городской центр твердых отходов начал активно сотрудничать с шанхайскими компаниями, производящими кокс и являющимися одним из главных продуцентов промышленных твердых отходов. В результате длительной совместной работы экспертов были найдены пути эффективного разделения отходов, в результате чего возможности их утилизации многократно возросли. Найдены также новые пути взаимодействия с обладающими передовыми технологиями другими компаниями, успешно занимающимися переработкой вторичного сырья. Определены и другие возможности межсекторального сотрудничества в этой области, а также поставлена цель осуществить в ближайшем будущем глубокую структурную перестройку, обеспечивающую дальнейшее снижение доли не утилизируемых твердых промышленных отходов³⁹.

Идет поиск новых решений для лучшего сбора и использования твердых бытовых отходов и мусора. В конце 2008 г. в Интернете был открыт специальный сайт «Pudong», на котором размещается подробная информация о накоплении твердых отходов и мусора и о возможностях их утилизации или перемещения. С помощью этого веб-сайта в местных общинах, школах и офисных зданиях планируется создать 100 новых специализированных точек сбора отходов, что позволит в значительной степени решить острую проблему транспортировки мусора, а также обеспечит существенное расширение круга лиц, не просто избавляющихся любыми путями от мусора, но передающих отходы для современной переработки. Для активных пользователей сайта, специальных уполномоченных и аккредитованных сотрудников отделов материально-технического обеспечения производственных компаний на этих точках могут бесплатно предоставляться услуги по доставке твердых отходов и мусора⁴⁰.

Однако не все конкретные решения городских властей в области экологии твердых отходов и в других экологических сегментах являются однозначно позитивными. Никак нельзя признать удачным решение об утилизации твердых отходов преимущественно методом сжигания. Мусоросжигающие заводы активно строятся по всему Китаю, и практически везде это вызывает острое неприятие населения. Центром сопротивления стал г. Гуанчжоу, где почти весь 2009 г. происходили острые социальные конфликты по этому поводу. В Шанхае ситуация спокойнее, но и здесь отмечаются такого рода конфликты. В середине апреля 2009 г. сотни жителей Шанхая вышли на демонстрацию в знак протеста против неэффективной политики городских властей в отношении решения проблемы

свалок и мусора и принятия устаревших технологических проектов сжигания мусора, опасных для здоровья жителей города⁴¹.

Серьезной проблемой Шанхая стала неблагоприятная шумовая обстановка в городе. Главный фактор ее ухудшения — быстрый рост количества транспортных средств. Согласно данным официального отчета шанхайского Управления охраны окружающей среды, в 2004–2008 гг. общая шумовая обстановка в городе в целом соответствовала установленным требованиям, хотя и возростала примерно на 0,2–0,5 децибел (дБ) в год, достигнув порогового приемлемого значения в 57,0 дБ в дневное время и 49,9 дБ в ночное время. Однако на городских магистралях в 2008 г. не удалось обеспечить требуемого минимального качества шумовой обстановки и уровня шумового загрязнения. Средний уровень дорожных шумов был равен 71,4 дБ в дневное время и 66,4 дБ в ночное время. На двух пунктах наблюдения города средний уровень шумов значительно превышал 70 дБ⁴².

Значительное превышение уровня шумов в ночное время особенно опасно для самочувствия и здоровья населения. Поскольку децибел является логарифмическим показателем, то увеличение на несколько единиц равносильно многократному превышению звукового порога. Норма шума в жилых помещениях составляет всего 20 дБ, внешняя предельная в ночное время (в том числе и по Закону КНР о предотвращении шумового загрязнения) — 55 дБ. Максимальная сила звука, не слишком вредная для здоровья, составляет 80 дБ.

Растущими экологическими проблемами Шанхая являются также так называемые “новые” формы загрязнения — электромагнитное и архитектурное.

Важнейшей и наиболее эффективной формой решения нарастающих экологических проблем в Шанхае является разработка и претворение в жизнь долгосрочных и среднесрочных планов и программ охраны окружающей среды. Среди них, прежде всего, следует отметить принятый в проекте “Четвертый трехлетний план охраны окружающей среды г. Шанхая (2009–2011 гг.)”. В документе сделан большой акцент на улучшение состояния окружающей среды и инфраструктуры, обеспечение экологической безопасности в разных сферах, обращено больше внимания на решение самых насущных экологических проблем, а также на проблемы изменения климата, устранения источников загрязнения, стимулирования институциональных механизмов и инновационной политики. Предусмотрены конкретные мероприятия по семи направлениям и осуществление более 260 экологических проектов. По плану предусмотрено инвестировать в охрану окружающей среды около 82 млрд юаней⁴³.

Большое значение имело принятие в 2008 г. и таких документов, как “План создания общегосударственной модели охраны городской окружающей среды в Шанхае”, “Специальный план охраны водной окружающей среды”, “Специальный план предотвращения загрязнения на городских магистралях”, “Специальный план по экономии энергии”, “Специальный план по предотвращению промышленного загрязнения”, “План по противодействию загрязнению опасными отходами в г. Шанхае (2008–2012 гг.)”, “Программа действий по поэтапному снижению выбросов веществ, разрушающих озоновый слой (2008–2010 гг.)”, “Положение об охране источников питьевой воды в г. Шанхае”, планы и программы по недопущению радиоактивного и шумового загрязнения и др.⁴⁴

Из ранее принятых документов необходимо отметить такой важнейший как “11-й пятилетний план охраны и улучшения окружающей среды в г. Шанхае”, предусматривающий повышение к 2010 г. доли основных благоприятных экологических показателей в их общем числе до 80%—95%⁴⁵.

Разработка и претворение в жизнь в Шанхае таких продвинутых планов и программ опирается на солидную правовую базу. Действие общекитайских природоохранных законов дополняется многочисленными городскими нормативными актами в сфере экологии и сопутствующих областях. Это, в частности, “Городские правила охраны окружающей среды”, “Некоторые положения профилактики и борьбы с радиоактивным загрязнением в г. Шанхае”, “Правила использования пластиковых пакетов в розничной торговле”, вышеупомянутое “Постановление о мерах по предотвращению загрязнения окружающей среды медицинскими отходами в г. Шанхае”, “Правила использования финансовых средств, отчисляемых за вредные выбросы в г. Шанхае”, “Положение о заповеднике китайского осетра в дельте Янцзы”, “Правила предотвращения пылевого загрязнения в г. Шанхае”, “Правила применения в Шанхае “Закона КНР об оценках экологического воздействия на окружающую среду”, “Правила управления Чунмин-Дунтанским заповедником птиц”, “Правила использования установок по кондиционированию воздуха в г. Шанхае”, “Положение об охране вод р. Хуанпуцзян” и др. Всего — 78 крупных документов такого рода, но есть и многочисленные конкретные, узкоспециализированные и временные постановления и правила⁴⁶.

Нормы и требования экологической безопасности и контроль над ними в этих документах, как правило, весьма строгие. Так, положения профилактики и борьбы с радиоактивным загрязнением, принятые 9 декабря 2009 г., требуют создания разветвленной системы обмена информацией в этой области, запрещения применения, использования и хранения в жилых зданиях, жилом и коммерческом комплексе зданий нового строительства, в объектах реконструкции и расширения производства радиоактивных изотопов основных классов, а также — специального тестирования устройств, содержащих радиоактивные источники, и запрещения использования общественного транспорта для транспортировки технических средств, устройств и приборов, содержащих радиоактивные вещества⁴⁷.

Очень строгие нормы и правила содержатся в одном из самых важных законодательных актов — “Постановлении о предотвращении загрязнения опасными отходами в г. Шанхае”, принятого в 1995 г., дополненного в 1997 г. и вторично пересмотренного в 2002 г. Документ предоставляет право контроля над сферой опасных отходов не только специализированным инстанциям городского Управления охраны окружающей среды, но и компетентным органам морской, таможенной, военной администрации, управлений общественной безопасности и транспорта. Резко ужесточены нормы экологической экспертизы, сложная процедура оформления вводится для отправки и при получении опасных отходов, использование их в качестве сырья возможно лишь при заключении особого контракта. Хранение опасных отходов должно быть единообразным в черте всего города, перемещение за городскую черту возможно лишь по особому разрешению. Максимальные штрафы к нарушителям достигают 50 тыс. и даже 500 тыс. юаней. В случае возникновения экологических инцидентов, связанных с загрязнением окружающей среды опасными отходами, виновные могут быть привлечены к уголовной ответственности⁴⁸.

Большой интерес в Китае вызвало принятие в 2009 г. в опытный порядок новаторского законодательного акта — проекта “Постановления об управлении лесами в г. Шанхае”. Особая важность этого документа заключается в том, что оно пресекает широко распространившуюся в городах Китая сомнительную практику неконтролируемого формирования зеленых насаждений за счет массированного импорта, в том числе из Канады, дешевых семян или модных древесных

культур. Это привело к инвазии чужеродных агрессивных видов и колоссальному ущербу для местной флоры. Только в районе Шанхая около 30 видов основных коренных растений оказались на грани исчезновения⁴⁹. Теперь есть надежда на исправление ситуации.

В целях поддержания лесных и зеленых массивов организуется специальный городской поощрительный лесной фонд, все расходы по сохранению и расширению лесов будут включаться в городской бюджет. Кроме того, город будет содействовать активизации исследований в области лесоводства, защиты разнообразия растений, селекции и интродукции деревьев для адаптации к природным условиям города и продвижения в лесное хозяйство передовых технологий. Значительно расширяется полоса защитных зон вокруг лесов. Возможности строительства на озелененных территориях и т.н. “временное” использование лесных угодий резко ограничиваются.

Нарушители лесного законодательства, в частности, обязываются высаживать деревья в три раза больше вырубленных и выплатить штраф, в пять раз превышающий сумму нанесенного ущерба⁵⁰.

Большое и все возрастающее значение в экологической политике Шанхая имеет международный аспект. В начальный период политики реформ такого рода связи мегаполиса были слабо развиты, им не придавалось первостепенного значения. Но вскоре они начали развиваться очень быстро, и уже к 2000 г. Шанхай поддерживал тесные взаимоотношения в экологической области не только со многими странами, но и с отдельными крупными зарубежными городами — Чикаго, Гамбургом, Иокогамой, Осло и др., а также с территориальными образованиями отдельных стран. В частности, успешно осуществлялась программа “Шанхай — Орегон: устойчивое развитие”⁵¹.

После 2000 г. международные связи Шанхая в экологической области многократно умножились и приобрели качественно более глубокий характер. Примером этого являются итоги визита Гордона Брауна в Шанхай в январе 2008 г., когда британский премьер поддержал и расширил совместный англо-китайский проект строительства образцового экологического города Дунтань на острове Чунмин. Первоначально эта сделка была согласована только с британской дизайнерской фирмой “Agur” и имела ограниченные финансовые и правовые рамки. Ситуацию изменило подписание меморандума “Планирование, претворение в жизнь и финансирование продолжительного развития Китая экологического города”, которое состоялось в ходе визита. В церемонии подписания приняли участие мэр Шанхая Хань Чжэн и Гордон Браун. Согласно документу, КНР и Великобритания превратят Восточное побережье острова Чунмин в Шанхае в первый в мире город, поддерживающий экологическое развитие. В меморандуме говорится, что “восточное побережье острова будет иметь неразрывные связи с долиной реки Темза”. Стороны договорились о совместном развитии восточного берега Чунмина и намерены сообща превратить эту территорию в модель города, сохраняющего окружающую среду. Город должен быть свободен от выбросов углекислого газа, а его население первоначально может превысить 10 тыс. чел., а затем возрасти до полумиллиона. По словам британского премьера, в ходе реализации этого проекта Великобритания намерена делиться с Китаем технологиями охраны окружающей среды⁵².

В 2008 г. активно развивались и другие международные связи Шанхая в экологической области. Совместно с Международной комиссией ООН по окружающей среде и развитию был разработан и введен в действие проект — “Модель

экологически дружелюбного города". Совместно с Национальным агентством США по охране окружающей среды был составлен и начал осуществляться очень важный, в значительной степени новаторский проект — “Система оперативных публикаций о состоянии воздушной среды в г. Шанхае (AIRNow-I)”. Совместно с мэрией г. Хьюстона было подписано “Соглашение об экологическом сотрудничестве правительств городов Хьюстон и Шанхай”. Городское отделение НПКСК успешно провело по линии ЮНЕП Шанхайскую международную консультативную конференцию по проблемам окружающей среды и развития⁵³.

В целом, необходимо констатировать, что экологическая ситуация в Шанхае является сложной и неоднозначной. Среди широкого спектра проблем выделяются задачи противодействия росту загрязнения воздуха и водных ресурсов, а также накопления твердых отходов. Однако исключительно активная экологическая политика в этом мегаполисе позволяет надеяться на решение многих проблем или, во всяком случае, на смягчение их остроты. В конце января 2010 г. мэр Шанхая Хань Чжэн выступил с заявлением о том, что городу следует активизировать переход к низкоуглеродной экономике путем гораздо более быстрого развития наиболее передовых предприятий обрабатывающей промышленности и сферы услуг, а также значительно активней поощрять к этому частный бизнес⁵⁴. Если эти планы осуществляются — а к этому есть все основания — и потенциал деятельности по охране окружающей среды в мегаполисе не снизится, то Шанхай имеет все возможности стать локомотивом рациональной экологической политики для всего Китая.

1. <http://wapedia.mobi/ru/>; <http://www.shanghai-kuban.com/rus/shanghai.shtml>; <http://www.shanghai.gov.cn/shanghai/node17256/node17432/node17436/userobject22ai8466.html> <http://russia.mofcom.gov.cn/aarticle/counselorsreport/200801/20080105357109.html>; Синьхуа. 02.01.2010.
2. The New York Times. 2010. 2 January.
3. http://www.china.org.cn/environment/2009-10/30/content_18797083.htm.
4. Shanghai Daily. 2009. 17 nov.
5. linkinghub.elsevier.com/retrieve/pii/S0301421509006375 > ScienceDirect. 2009.08.04.
6. <http://www.sepb.gov.cn/news.jsp?intKeyValue=14573>.
7. Рассчитано по: <http://www.izvestia.ru/russia/article437830>.
8. Shanghai Daily. 2009. 30 Apr.
9. Shanghai Daily. 2009. 9 May.
10. <http://www.shtong.gov.cn/node2/node4/node2249/node2251/node2362/node2367/node2369/userobject1ai181.html>.
11. Синьхуа. 02.11.2007.
12. Shanghai Daily. 2009. 17 June.
13. Ibid.
14. Shanghai Daily. 2009 10 apr.
15. Синьхуа. 04.01.2010.
16. http://www.cenews.com.cn/xwzx/dfwx/qt/200906/t20090618_618557.html; <http://www.labour-daily.cn/Web/NewsDetail.aspx?IssuanceID=146044>.
17. China Daily. 2009. 28 apr.
18. <http://www.china.org.cn/english/environment/67869.htm>.
19. <http://www.china.org.cn/english/government/57290.htm>.
20. <http://www.china.org.cn/english/2004/Jul/100083.htm>; Годовые отчеты Министерства охраны окружающей среды КНР.
21. <http://russian.people.com.cn/31516/4083796.html>.

22. <http://www.china.org.cn/english/2004/Jul/100083.htm>.
23. http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2006-06/22/content_272498.htm.
24. Shanghai Daily. 2006. 22 march.
25. <http://answers.yahoo.com/question/index?qid=20081016190857AANmUgs>.
26. <http://www.china.org.cn/english/2004/Jul/100083.htm>.
27. <http://www.china.org.cn/english/government/55990.htm>.
28. <http://www.china.org.cn/english/2002/Jun/34198.htm>.
29. Shanghai Daily. 2006. 6 Jan.
30. China Daily. 2004. 26 Nov.
31. Синьхуа. 29.06. 2006.
32. Shanghai Daily. 2006. 23 June. <http://www.china.org.cn/english/environment/50100.htm>.
33. Shanghai Daily. 2006. 24 Febr.
34. http://www.china.org.cn/environment/news/2008-08/18/content_16262520.htm; China Daily. 2009. 19 June.
35. Shanghai Daily. 2009. 20 Nov.
36. ChinaCSR. 2008. 2 Sept; 2008. 9 Oct.
37. <http://www.sepb.gov.cn/news.jsp?intKeyValue=14571>; China Daily. 2009. 11 June.
38. <http://www.sepb.gov.cn/news.jsp?intKeyValue=11744>; <http://www.sepb.gov.cn/news.jsp?intKeyValue=14813>.
39. <http://www.sepb.gov.cn/news.jsp?intKeyValue=19306>.
40. http://www.china.org.cn/environment/news/2009-07/13/content_18124093.htm > Shanghai Daily. 2009. 13 July.
41. China Daily. 2009. 11 June.
42. <http://www.sepb.gov.cn/seicm/editor/filemanager/file/2009bulletin/ch0021.html>;
<http://www.sepb.gov.cn/seicm/editor/filemanager/file/2009bulletin/ch0022.html>.
43. <http://www.sepb.gov.cn/seicm/editor/filemanager/file/2009bulletin/ch0022.html>.
44. Ibid.
45. <http://www.sepb.gov.cn/seicm/editor/filemanager/file/2008bulletin/0016.html>.
46. <http://www.shanghai.gov.cn/shanghai/node2314/node3124/node3177/node3185/index.html>.
47. <http://www.shanghai.gov.cn/shanghai/node2314/node3124/node3177/node3185/userobject6ai1990.html>.
48. <http://www.shanghai.gov.cn/shanghai/node2314/node3124/node3177/node3185/userobject6ai714.html>.
49. <http://www.shanghai.gov.cn/shanghai/node2314/node3124/userobject6ai1984.html>.
50. <http://sh.eastday.com/qtmt/20090203/u1a531761.html>.
51. <http://www.sepb.gov.cn/news.jsp?intKeyValue=7839>.
52. russian.people.com.cn/31521/6342572.html; <http://en.wikipedia.org/wiki/Dongtan>;
<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1200901500>.
53. <http://www.sepb.gov.cn/seicm/editor/filemanager/file/2009bulletin/ch0032.html>.
54. Shanghai Daily. 2010. 28 Jan.

Государство и общество

Институт Председателя Китайской Народной Республики в политико-правовом развитии страны

© 2010

О. Максимова

В статье рассматривается становление и развитие института Председателя КНР с момента образования Китайской Народной Республики в 1949 г. вплоть до сегодняшнего дня. Его возникновение и развитие происходило под влиянием исторических и национальных традиций Китая с учетом необходимости и целесообразности создания такого института в конкретных политических условиях.

Ключевые слова: Председатель КНР, политический институт, национальные особенности, традиции.

Политико-правовое развитие в Китае — сложный и многоплановый процесс, сущность, формы и направления которого обусловлены разнообразными факторами социально-экономической, политической и культурной жизни страны, ее национальным своеобразием и историческими традициями. Немалый интерес для исследователей представляют роль и значение в нем органов государственной власти, среди которых видное место отводится посту Председателя КНР¹, введенному Конституцией 1954 г. Примечательно, что его конституционное регулирование пока не получило должного освещения в специальной отечественной литературе. При этом следует отметить, что в истории Китайской Народной Республики был определенный период, когда данный институт был исключен из структуры органов власти².

Существование института Председателя КНР включает несколько этапов. Первый охватывает период с 1954 по 1975 г. — с принятия Конституции КНР, закрепившей этот пост в системе высших органов государственной власти, до его упразднения в Конституции 1975 г. путем исключения соответствующих статей из текста Основного закона³. Конституция 1978 г. не предусматривала воссоздания этого института в системе органов государственной власти Китая. Заключительный этап начинается с принятия Конституции 1982 г., которая восстановила институт Председателя КНР, хотя и с несколько уменьшенными полномочиями.

Максимова Ольга Олеговна, аспирант Кафедры конституционного (государственного) права зарубежных стран Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина. E-mail: maksimova_o@mail.ru.

Важно отметить, что вплоть до принятия в 1954 г. первой Конституции КНР ее роль выполняла Общая программа Народного политического консультативного Совета Китая (НПКСК), ставшая базой правотворческой деятельности государственных органов КНР на протяжении первых пяти лет ее существования. Основным принципом организации государственного аппарата Общая программа объявляла демократический централизм, особо указывалось на подотчетность правительственных органов представительным и подчинение меньшинства большинству⁴. Высшим органом власти в этот период был Центральный народный правительственный совет⁵. Его председателем стал Председатель КПК Мао Цзэдун. Он же возглавлял Народно-революционный военный совет.

15 сентября 1954 г. в Пекине открылась первая сессия Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), которая приняла прошедшую всенародное обсуждение Конституцию КНР, внесшую существенные изменения в структуру государственных органов Китая. С принятием этой конституции в стране начался новый этап государственного строительства.

Прежде всего, была изменена система высших государственных органов. Место Центрального народного правительственного совета заняло ВСНП. Поскольку сессии ВСНП созывались через определенные достаточно продолжительные временные периоды, возникла необходимость в создании постоянно действующего органа ВСНП, для этого из числа его депутатов стал избираться Постоянный Комитет ВСНП (далее — ПК ВСНП), который фактически занял положение высшего органа государственной власти. В структуру органов власти был введен Председатель КНР, облеченный правом опубликования законов и указов, назначения высших должностных лиц на основании решений ВСНП и его Постоянного комитета. Председателю КНР было предоставлено право созыва высшего консультативного государственного органа страны — Верховного государственного совещания, куда входили все высшие руководители государства (Председатель и заместители Председателя КНР, председатель Постоянного комитета ВСНП, премьер Государственного административного совета и другие лица)⁶.

Первая сессия Всекитайского собрания народных представителей 1-го созыва избрала председателем Постоянного комитета ВСНП Лю Шаоци, а Председателем КНР — Мао Цзэдуна. Лю Шаоци в докладе о проекте Конституции говорил следующее об этих двух постах: "...функции главы государства в нашей стране выполняются совместно Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей и Председателем Китайской Народной Республики... Как Постоянный комитет, так и Председатель Китайской Народной Республики не превышают в своих правах Всекитайское собрание народных представителей. Большие государственные дела в нашей стране решаются не одним человеком и не группой в несколько человек... все важнейшие вопросы должны обсуждаться и решаться собраниями народных представителей. Важнейшие вопросы общегосударственного характера обсуждаются и решаются Всекитайским собранием народных представителей, а в период между сессиями — его Постоянным комитетом"⁷. Как следует из этого разъяснения, Конституция не предоставляла Председателю КНР исключительного права действовать от имени государства⁸. Вместе с тем, в Конституции было записано: "Председатель Китайской Народной Республики возглавляет вооруженные силы страны и является председателем Государственного комитета обороны"⁹, но при этом ничего не было сказано о полномочиях этого комитета¹⁰.

Однако это положение соблюдалось лишь в тот период, когда пост занимал Мао Цзэдун (1954–1958). Когда же на первой сессии ВСНП 3-го созыва в январе 1965 г. Председателем КНР был избран Лю Шаоци, верховное командование вооруженными силами фактически перешло в руки председателя Военного совета Центрального Комитета коммунистической партии Китая (ЦК КПК), т.е. Мао

Цзэдуну. По его приказу армия осуществила незаконное смещение ряда высших государственных должностных лиц, в том числе Председателя КНР¹¹. Акт смещения Лю Шаоци был формально утвержден XII (расширенным) пленумом ЦК КПК в октябре 1968 г., хотя право на его снятие с этой высокой государственной должности принадлежало только Всекитайскому собранию народных представителей.

В период “культурной революции” была полностью парализована деятельность выборных органов государственной власти — системы собраний народных представителей. Председатель КПК объявлялся “главой государства, главнокомандующим всеми вооруженными силами КНР”, а его “идеи” — “руководством для любого рода деятельности народа всей страны”¹².

Начавшаяся вскоре после IX съезда КПК (апрель 1969 г.) борьба за власть в китайском руководстве привела к фактической ликвидации поста Председателя КНР. Мао Цзэдун опасался, что назначенный при его жизни преемник (Линь Бяо) попытается узурпировать власть или ограничить абсолютную власть “вождя”. К этому периоду относятся его высказывания о ликвидации должности Председателя КНР, тогда как Линь Бяо настаивал на сохранении этого поста.

В 1970 г. ЦК КПК попытался выработать новую Конституцию КНР взамен Конституции 1954 г., которая фактически прекратила свое действие. В марте того же года Политбюро ЦК КПК приступило к подготовительной работе по пересмотру Основного закона, а в июле сформировало комиссию, которая занималась разработкой текста Конституции. Председателем комиссии был Мао Цзэдун, его заместителем — Линь Бяо. Затем проект новой Конституции был рассмотрен на II пленуме ЦК КПК 9-го созыва, проходившем с 23 августа по 6 сентября 1970 г.¹³

Одобренный на этом пленуме проект Конституции не предусматривал поста Председателя государства, но вместо этого предоставлял Мао Цзэдуну и Линь Бяо более высокое по сравнению с постом Председателя КНР положение. В преамбуле проекта Конституции непомерно превозносились “великий вождь председатель Мао Цзэдун” и его идеи, говорилось, что: “Председатель Мао Цзэдун является великим вождем всех наций и народностей всей страны, главой нашего государства пролетарской диктатуры, верховным главнокомандующим вооруженными силами страны. Заместитель Председателя Линь Бяо является близким соратником Мао Цзэдуна и его преемником, заместителем главнокомандующего вооруженными силами страны. Идеи Мао Цзэдуна являются руководящим курсом во всей работе народа всей страны”¹⁴.

Освободившееся после смещения Лю Шаоци место осталось незанятым, церемониальные функции главы государства (Председателя КНР) исполнял Дун Биу, избранный первой сессией ВСНП 3-го созыва заместителем Председателя КНР. С 1972 г. он стал официально исполнять обязанности Председателя КНР. При этом специальной процедуры назначения не требовалось, поскольку, согласно статье 46 Конституции КНР 1954 г., если место Председателя КНР становится вакантным, его автоматически занимает заместитель Председателя¹⁵. Впервые он был назван в таком качестве 24 февраля 1972 г., когда подписал приветственное послание по случаю национального праздника Кувейта, а затем при принятии верительных грамот от первого посла Перу в КНР¹⁶.

С учетом отсутствия поста Председателя КНР в Конституции 1975 г. некоторые функции главы государства, связанные, главным образом, с представительством Китая внутри страны и на международной арене, возлагались на ПК ВСНП и его председателя. В этом качестве председатель ПК ВСНП принимал верительные грамоты от иностранных дипломатических представителей, участвовал во встречах, проводах, приемах, банкетах в честь иностранных гостей соответствующего ранга, подписывал телеграммы от имени Постоянного комитета ВСНП.

Конституция КНР 1978 г. не предусматривала восстановления поста Председателя КНР, передавая часть его полномочий (оговоренных Конституцией КНР 1954 г.) председателю ПК ВСНП. Его функции впервые в конституционной практике КНР перечислялись в отдельной статье. Как и в Конституции 1975 г., полномочия председателя ПК ВСНП носили большей частью представительский характер либо осуществлялись на основе и во исполнение решений, принятых ВСНП и его Постоянным комитетом.

С принятием Конституции КНР 1982 г. пост Председателя КНР был восстановлен. Восстановление данного института объяснялось необходимостью осуществлять, во-первых, координацию действий высших органов государства с целью "укрепления всей государственной системы", во-вторых, представительство государства с миллиардным населением в международных делах.

Как указывал председатель ПК ВСНП Пэн Чжэнь в докладе "О проекте исправленной конституции" на пятой сессии ВСНП 5-го созыва 26 ноября 1982 г., "практика со времени образования КНР показывает, что учреждение поста Председателя КНР является необходимым для совершенствования государственной структуры, а также отвечает обычаям и чаяниям народов нашей страны".

Таким образом, в КНР существует коллегиальный глава государства, включающий ПК ВСНП и Председателя КНР. В Конституции устанавливается четкое разграничение функций между ними. Основным законом также разграничил функции руководящих органов партии и государства. В частности, в Конституциях 1975 и 1978 гг. указывалось, что кандидатура премьера Госсовета выдвигается ЦК КПК и утверждается ВСНП. По Конституции 1982 г. кандидатура премьера Госсовета выдвигается Председателем КНР и утверждается ВСНП, после чего Председатель Республики издает указ о назначении премьера.

Конституция КНР 1982 г. в целом изменила статус Председателя КНР по сравнению с тем, который предусматривался Конституцией 1954 г. Как указывалось выше, он больше не был правомочен созывать под своим председательством Верховное государственное совещание для выработки предложений по важным государственным вопросам и передавать эти предложения ВСНП, ПК ВСНП, Государственному административному совету или другим соответствующим органам для обсуждения и принятия решений (как это предусматривалось ст. 43 Конституции КНР 1954 г.).

Конституция 1982 г. изменила и возрастной ценз для занятия должности Председателя КНР. Конституция 1954 г. устанавливала минимальный возраст кандидата на пост Председателя в 35 лет, а по действующей Конституции он не должен быть ниже 45 лет.

В Конституции 1954 г. предусматривался конкретный срок полномочий Председателя, но отсутствовало специальное положение о его продлении. По Конституции 1982 г., срок полномочий Председателя КНР был установлен такой же, как и для ВСНП каждого созыва (5 лет), при этом указывается, что его полномочия могут продлеваться лишь еще на один срок.

Учитывая политический опыт прошлых лет, в Китае подчеркивают, что ныне Председатель КНР поставлен законом под контроль ВСНП, а его деятельность должна осуществляться на основе Конституции и законов государства, принятых ВСНП и его Постоянным комитетом¹⁷. По Конституции 1982 г. Председатель КНР выполняет полномочия двоякого рода: единоличные и коллегиальные. Именно этим обусловлена двойственная природа его конституционно-правового статуса, который является по-своему уникальным для современной политико-государственной системы

С одной стороны, в порядке осуществления самостоятельных полномочий он "принимает дипломатических представителей иностранных государств, на ос-

новании решений Постоянного комитета ВСНП направляет и отзывает полномочных представителей в иностранных государствах, ратифицирует и денонсирует договоры и важные соглашения, заключенные с иностранными государствами”¹⁸. С другой стороны, “на основе решений, принятых ВСНП и его Постоянным комитетом, он издает законы, назначает и смещает высших государственных должностных лиц (премьера, заместителей премьера, членов Госсовета, министров, председателей комитетов, главного ревизора, начальника секретариата); награждает государственными наградами и сообщает о присвоении почетных званий¹⁹; подписывает указы о помиловании, о введении военного положения, объявляет о состоянии войны и издает указы о мобилизации”²⁰. В данном случае институт главы государства в КНР носит коллегияльный характер. Председатель КНР может действовать исключительно на основе соответствующих решений высших органов государственной власти.

Иначе классифицируют его полномочия китайские юристы²¹ и политологи, выделяя две их группы: полномочия, связанные с деятельностью внутри страны, и полномочия, ориентированные на внешнеполитическую деятельность.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Председатель КНР как специфическая “составляющая” коллегияльного главы государства, может действовать исключительно на основе решений Постоянного Комитета, волю которого не может нарушить. В этих положениях Конституции отражена присущая социалистической системе тенденция к господству коллегияльных методов осуществления власти в КНР.

А если исходить из того, что и правовой статус, и реальная политическая роль главы китайского государства в настоящее время существенно возросли, то не исключено, что подобная ситуация в перспективе может оказать влияние на перемещение “центра тяжести” реальной власти из партийного аппарата в государственный. При этом следует учесть, что Председатель КНР традиционно занимает высокий партийный пост. Так первый Председатель КНР (1954–1959) являлся Председателем ЦК КПК, второй — заместителем Председателя ЦК КПК, а Ли Сяньнянь был избран XII съездом КПК членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК (1982 г.). Главное политическое событие в КНР в 2002 г. — избрание Ху Цзиньтао Генеральным секретарем ЦК КПК, который сменил на этом посту Цзян Цзэминя.

Заметную трансформацию претерпел порядок повседневного занятия кадровыми работниками руководящих должностей — вместо него была введена выборная система. Это очень важный момент, так как он указывает на ломку старой традиции незыблемости единоличной власти и одновременно — на попытки сохранить традицию передачи власти от одного поколения лидеров к другому²².

Председатель Республики является одновременно Председателем Центрального военного совета КНР и Председателем ЦВС ЦК КПК. В этих функциях Председателя КНР заложена основа его реальной власти, поскольку армия в Китае всегда играла весьма заметную роль в управлении государством.

Особняком стоит деятельность в сфере руководства внешней политикой страны; формально в составе правительства КНР существует министерство иностранных дел, по существу же внешняя политика находится исключительно в ведении первого лица в партии и государстве, т.е. в конечном итоге фактического руководителя всеми тремя сферами деятельности — партийной, правительственной и военной.

В истории КПК и КНР бывали различные периоды. Иногда военная, партийная и правительственная власть сосредоточивалась в одних руках. Так было при Мао Цзэдуне, Цзян Цзэминя и с 2005 г. при Ху Цзиньтао. Иногда во главе этих сфер деятельности стояли двое или даже трое руководителей, таково было положение, когда у власти фактически находился Дэн Сяопин, а формально, то есть на посту Председателя КНР, был Ян Шанкунь.

Не определенный в правовом отношении институт председателя Центрального военного совета, как по партийной, так и по государственной линии, можно рассматривать как закамуфлированный рычаг нажима на конституционные органы власти в случае, если их деятельность “дисгармонирует” с целями и намерениями Председателя КНР.

Переход властных полномочий к “четвертому поколению” китайского руководства начался в 2002 г., когда Ху Цзиньтао сменил Цзян Цзэминя на посту Генерального секретаря ЦК КПК. В марте 2003 г. он был избран Председателем КНР, а в сентябре 2004 г. — председателем ЦВС ЦК КПК. Ранее все эти посты также занимал Цзян Цзэминь. 8 марта 2005 г. сессия ВСНП одобрила просьбу Цзян Цзэминя об отставке с поста председателя ЦВС КНР. Позднее этот пост также занял Ху Цзиньтао, что завершило процесс смены власти в высшем руководстве страны.

15 марта 2004 г. в действующую Конституцию КНР, первоначально принятую в 1982 г., была внесена четвертая серия поправок. Ей предшествовали поправки 1988, 1993 и 1999 гг. Но именно поправки 2004 г. коснулись полномочий Председателя КНР²³. Если ранее его полномочия ограничивались в основном представительскими функциями, то их расширение было выражено одной фразой: “Осуществление деятельности в сфере государственных дел”, Однако, по всей вероятности, в будущем предполагается принятие закона о Председателе КНР, где его деятельность будет поставлена в четкие правовые рамки. В частности, несомненно, должен быть поднят вопрос об опубликовании Председателем КНР законов. Сейчас он подписывает законы и соответствующие указы об их опубликовании обычно в день их принятия ВСНП или ПК ВСНП, но нигде не определено, может ли Председатель не подписать закон и какие это может иметь правовые последствия.

Оценивая становление и развитие института Председателя КНР, можно отметить, что он развивался достаточно динамично, поскольку необходимость в верховном лидере нации имеет в Китае глубокие исторические корни. Китаеведы объясняют это по аналогии с системой императорского двора, которая была подчинена абсолютной власти императора²⁴.

С другой стороны, тот факт, что существующие в КНР три центра власти: партийный, государственный и военный находятся сегодня под руководством одного человека — лидера КПК, высшего должностного лица государства и главнокомандующего — Ху Циньтао, свидетельствует в пользу того, что несмотря на определенную “декоративность” самого поста Председателя КНР в сравнении с ВСНП и его Постоянным комитетом, концентрация властных полномочий в руках одного человека позволяет говорить о формировании в стране основы для единой президентской власти с “китайской спецификой”.

1. Китайское слово “чжуси” переводится на русский язык как “председатель”. До 1982 г. на английский язык оно также переводилось как “председатель” (chairman), но затем его официальный перевод в названии главы КНР был изменен на “президент” (president). При этом в других контекстах “чжуси” по-прежнему переводится как “chairman”, а названия президентов других стран переводятся на китайский как “цзунтун”.
2. В настоящей статье мы не рассматриваем историю президентской власти в Китае, поскольку при всей схожести названного института и института Председателя КНР между ними не существует отношений правопреемства.
3. Zhonghua renmin gong he guo zhengzhi zhidu, 1999. Di 278—289 ye. [Политический строй Китайской Народной Республики]. Шанхай, 1999. С. 269—270.
4. Гудошников Л. М. Конституции социалистических государств. М., 1987. Т. 1.

5. *Гудошников Л.М.* Конституция Китайской Народной Республики в процессе исторических перемен и реформ (К двадцатой годовщине принятия действующей Конституции КНР) // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 3.
6. Китайская Народная Республика. Экономика, Государство и право, культура. М., 1979. С. 146—147.
7. *Инако Цунэо.* Право и политика современного Китая, 1949 — 1978 гг. М., 1978. С. 90—91.
8. Однако только Председатель КНР мог представлять ВСНП кандидатуру премьера Госсовета. Кроме того, Председатель мог созвать в случае необходимости Верховное государственное совещание и быть его председателем. Предложения Верховного государственного совещания подлежали передаче Председателем КНР ВСНП, Постоянному комитету ВСНП, Государственному административному совету и другим соответствующим органам для обсуждения. Следовательно, Председатель КНР мог проявлять политическую инициативу.
9. Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики (1954—1958 гг.). М., 1959.
10. *Инако Цунэо.* Указ. соч.
11. *Егоров К.А.* Государственный аппарат КНР, 1967—1981. М., 1982.
12. *Егоров К.А.* Китайская Народная Республика: Политическая система и политическая динамика (80-е годы). М., 1993.
13. *Инако Цунэо.* Указ. соч.
14. Там же.
15. Государственный строй Китайской Народной Республики. М., 1988.
16. *Егоров К.А.* Государственный аппарат КНР, 1967—1981. М., 1982.
17. Государственный строй Китайской Народной Республики. М., 1988. С. 188—189.
18. *Zhong hua ren min gong he guo xianfa.* Beijing. 2004. Di 26 ye. Di 80 tiao. [Конституция Китайской Народной Республики. Пекин., 2004. С. 26. Ст. 80].
19. Учреждение государственных орденов и государственных почетных званий и вынесение решений о награждении производятся Постоянным комитетом, а награждение — Председателем.
20. *Zhong hua ren min gong he guo xian fa.* — Beijing. 2004. Di 26-27 ye. Di 81 tiao [Конституция Китайской Народной Республики. Пекин., 2004. С. 26-27. Ст. 81].
21. См., например: *Wang Jin Song:* “Zhonghua renmin gong he zhengfu yu zhengzhi”. Beijing, 1995. Di 70 ye; *Li Buyan zhibian:* “Xianfa bijiao yanjiu”. Beijing, 1998. Di 744 ye; *Zhonghua renmin gong he guo zhengzhi zhidu/ Pu Xingtan zhibian.* Shanghai. 1999. Di 278—289 ye. *Ван Зиньсонг.* Китайское народное правительство и политики. Пекин, 1995. С. 70.; *Ли Буюань* Конституционное сравнительное исследование. Пекин, 1998. С. 744; Политический строй Китайской Народной Республики. Шанхай. 1999. С. 278—289.
22. *Литвинов О.* Обновление социальной структуры и политической системы КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 4.
23. *Гудошников Л.М., Поляков В.П.* Развитие конституционного права Китайской Народной Республики (1988 — 2004 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 4.; Комментарий к Конституции Китайской Народной Республики. Пекин, 2005. С. 78—79. Ст. 80.
24. *Литвинов О.* Указ. соч.

Политическая наука и реформа политической системы КНР

© 2010

Чжао Мэн

В статье рассматриваются вопросы истории формирования идейной и политической основы деятельности КПК с начала 90-х гг. XX в. Автор обосновывает взаимосвязь идейно-теоретической работы КПК в годы реформ с развитием политической науки в КНР прослеживает путь развития политологии в Китае, характеризует проблемы, над решением которых работают китайские политологи. В статье приводится оценка состояния политической науки в КНР, которую дают китайские ученые.

Ключевые слова: идеология, политическая теория, китайская политология, политическое развитие, политические проблемы.

К середине 90 гг. XX века в КНР отчетливо выявилось отставание реформы политической системы от реформирования экономики. Для решения данной проблемы XV съезд КПК (сентябрь 1997 г.) поставил цель "управления страной в соответствии с законами, строительства социалистического государства, управляемого в соответствии с законом". Были определены основные задачи реформы политической системы на текущий и будущий периоды. При реформировании политической системы руководство КПК ориентируется на решение таких серьезных проблем, как разделение функций партии и правительства; повышение эффективности внутривластного контроля, контроля народа над партией и над осуществлением ею функции контроля в политической системе¹.

Для реализации названных установок и решения перечисленных проблем КПК привлекла возможности отечественной политической науки. Развитие китайской политологии после 1992 г. не было простым повторением прошлого развития. В предшествующие годы решались задачи по восстановлению и укреплению данной научной дисциплины, а на новом этапе началось развитие науки. Этот процесс шел на более высоком теоретическом уровне, так как для развития науки требовалась более совершенная система дисциплин и концепций, более богатая теоретическая база и обновленные научные методы исследования. Политология Китая в эти годы развивалась в основном по следующим направлениям.

Во-первых, в научных исследованиях политические нормы стали заменяться нормами политической науки, субъективные оценки уступали место научной аргументации, простая перефразировка теорий сменялась рациональным теоретическим анализом.

Во-вторых, происходило изменение тематики исследований. Среди утвержденных государством объектов исследования в годы девятой пятилетки появились темы, посвященные самой политической науке, в т.ч.: “История политической системы КНР”, “Западные теории международных отношений” и т.д.

В-третьих, стали издаваться произведения, имеющие долгосрочное научное значение, такие как “История политической мысли Китая” под редакцией Лю Цзэхуа [Чжунго чжэнчжи сысян ши], “История политической системы Китая” под редакцией Бай Гана [Чжунго чжэнчжи чжиду ши].

В-четвертых, исследования стали носить более глубокий характер, начался переход от обзорного анализа к глубоким специализированным исследованиям, таким, например, как специальные исследования политики и политической системы Китая в древности, современной политической системы и политического процесса в КНР, политического и социального развития китайской деревни, политических систем и политического опыта стран Запада. В этих исследованиях уделялось большое внимание изучению реальных обстоятельств и исторических материалов.

В-пятых, стала развиваться методология. Исследователи начали обращать внимание на переход от простых методов исследования к комбинированным. Появились работы, основанные на применении количественных методов (например, работа Ван Хунина “Деревенско-родовая культура Китая” [Чжунго цуньло цзяцзу вэньхуа]. Совершенствование методологии заложило фундамент для повышения научности политологических исследований².

В Китае признают, что исследования отечественных политологов внесли важный вклад в политическое развитие КНР. В частности, развитие политологии обеспечило политическому развитию научное понимание целей и ценностей. Долгое время после образования нового Китая вопросу о целях общественной жизни не придавалось большого значения, на их определение влияла, в основном, позиция политических руководителей. Наука постепенно стала обретать право голоса в этом вопросе. Например, наука сыграла большую роль в исследовании проблем формирования демократической политики. После образования КНР получило хождение мнение о том, что социализм приведет к режиму политической демократии. С началом проведения политики реформ и открытости постепенно стала вырабатываться потребность в более глубоком исследовании демократической политики, постепенно появилось понимание ее актуальности. XV съезд КПК четко определил, что коренной задачей реформы политической системы является именно развитие социалистической демократической политики с китайской спецификой, строительство социалистического правового государства. К выдвижению такой цели и осознанию ценности политического развития привели как практика жизни народных масс, так и политологические исследования.

Научные исследования отечественных политологов обеспечили теоретические основания для стратегического выбора пути политического развития Китая. Политология исследовала ряд важных политических проблем: о диалектических отношениях между политическим, экономическим и общественным развитием; о строительстве демократии и строительстве законности; об укреплении и совершенствовании института собраний народных представителей; о политической стабилизации в ходе политической демократизации; о реформе институтов партийного и государственного руководства; об изменении правительственных функций в условиях социалистической рыночной экономики; об отношениях ме-

жду центром и периферией, и т.д. По всем названным проблемам были выработаны научно обоснованные оценки и предложения.

Развитие политологии Китая улучшило политико-культурную основу политического развития страны. Политология способствовала распространению знаний о политике, повысила политические качества народных масс, уровень политического и административного управления, уровень управленческого персонала. Ход реформ и осуществление политики в Китае требует изучения все новых вопросов и открытия новых путей как в области экономики, так и в сфере политики³.

В современной китайской политологии признается наличие ряда проблем, требующих решения. Это в первую очередь недостатки в структуре самой дисциплины, которая пока еще отстает от международного уровня. Существует немало важных теоретических вопросов, на которые у науки пока нет ответов, удовлетворяющих высоким требованиям. Недостаточно развиты фундаментальные исследования в области политологии, политологическим исследованиям не хватает теоретического новаторства, прорывных достижений. Недостаточно обширно и глубоко внимание к реальным политическим вопросам Китая, на многие вопросы политология еще не дает ответов. Недостаточно новаторства в области методологии политических исследований, набор методов исследования в политологии Китая еще не очень богат. Решению перечисленных проблем способствует все более широкое включение политической науки КНР в политическое развитие страны.

Китайские политологи вносят заметный вклад в оценку сути и содержания изменений, происходящих в политической системе КНР, в анализ концептуально-теоретического дискурса, выступающего основой таких изменений. Толчком к обновлению теоретической платформы и политического курса КПК послужили высказывания Дэн Сяопина в ходе его знаменитой поездки на юг страны в январе-феврале 1992 г.

Анализируя международную и внутреннюю обстановку, Дэн Сяопин пришел к выводу, что только развитие является “твердой истиной”, что китайская модернизация должна следовать социалистическим путем, что нужно использовать имеющиеся шансы и ускорить ход развития страны. XIV съезд КПК (октябрь 1992 г.) поддержал дух выступлений Дэн Сяопина на юге и с новых позиций обобщил практику прошедших 14 лет реформ. А на XV съезде КПК Генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь оценил теорию Дэн Сяопина как новый этап развития марксизма в Китае. Теория Дэн Сяопина была утверждена в качестве руководящей идеи партии. Руководствуясь данной теорией, XV съезд впервые наметил основную программу начального этапа социализма, включающую строительство социалистической экономики, политики, культуры.

На XVI съезде КПК (ноябрь 2002 г.) Цзян Цзэминь огласил концепцию “тройного представительства”, согласно которой компартия представляет передовые производительные силы, передовую культуру и коренные интересы народа. Вслед за этим новое поколение руководителей во главе с Ху Цзиньтао дало путевку в жизнь “научной концепции развития” и “теории построения социалистического гармоничного общества”. Политическое развитие Китая получило обновленные идейно-теоретические ориентиры.

Одним из важнейших на сегодняшний день достижений политологии КНР явилось выявление особенностей реформы политической системы страны на основе компаративистских исследований по “вертикали” и по “горизонтали”, т.е. в

сопоставлении с политической системой дореформенного Китая и с преобразованиями политических систем в других странах.

Основная специфика реформы политической системы КНР заключается в следующем.

- Реформа политической системы связана с реформой экономической системы и “продвигается от имени реформы экономической системы”. Каждый шаг экономической реформы сопровождается углублением реформы политической системы, и этот процесс никогда не прекращался. Последняя по времени реформа системы административного управления также подтверждает этот вывод. Реорганизация структуры Госсовета, утвердившая “систему больших министерств” (2008 г.), стала важной мерой углубления реформы административно-управленческой системы. Она не только отвечает требованиям развития социалистической рыночной экономики, но и является важной составной частью продвижения реформы политической системы, важным содержанием развития социалистической демократии. Данная реформа включает изменение функций правительства, установку на создание “обслуживающего правительства”, ответственного правительства, правительства, управляющего на основе закона, честного правительства. В соответствии с принципом “ограничения властных полномочий” реформа направлена на создание механизма, в котором связаны воедино право решения, право исполнения и право контроля. Для совершенствования социалистической демократии это имеет чрезвычайно важное значение.

- Соединение развития демократии с совершенствованием законности. Акцент делается на выполнении требования Дэн Сяопина, с которым он выступил в самом начале проведения политики “реформ и открытости”, осуществить институционализацию и легитимизацию демократии, следовать установке на управление страной в соответствии с законами. Были внесены исправления в текст Конституции КНР, отменены статьи законов и правила, не соответствующие конституции и демократическому духу. Были приняты уголовный, гражданский, уголовно-процессуальный, гражданско-процессуальный кодексы и ряд других законов и правил. Была институционализована адвокатура, проведена реформа судебной системы.

- Соединение реформы политической системы с уважительным отношением к правам человека и с гарантированием всем членам общества законных прав на участие и развитие. Был определен политический статус представителей новых общественных слоев — статус “строителей дела социализма с китайской спецификой”. Введен институт удостоверения личности, гражданам разрешен свободный выбор профессии, включая выбор профессии вне места прописки. Установлены правила въезда-выезда, разрешены обучение за границей и туристические поездки за границу. Институт демократии продолжает совершенствоваться, обогащаются его формы, расширяются каналы демократии. В соответствии с законом осуществляется движение вперед в сфере выборов, принятия решений, демократического управления и контроля, прилагаются усилия по обеспечению гарантий прав на образование, на участие, на выражение своего мнения и права контроля со стороны граждан. Эти перемены не только гарантируют права человека, но и стимулируют внутреннюю жизнеспособность и жизненные силы китайского общества.

- Соединение развития демократии и законности с совершенствованием института местного самоуправления, улучшением жизни народа, предоставлением населению возможности получения реальной выгоды в процессе

реформ. Спецификой политической системы Китая является повсеместное создание массовых организаций самоуправления: в деревнях, жилых микрорайонах, на предприятиях создаются советы деревень, советы жителей, собрания представителей служащих и рабочих, другие массовые организации самоуправления. В деревнях не только масштабно реализован институт прямых выборов жителями совета деревни и поставлен эксперимент с поселковой реформой, но и вводится институт гласного ведения административных и сельских дел. Заметно продвинулось строительство органов самоуправления в жилых микрорайонах (*шэцзюй*). К тому же строительство низовой демократии органически сочетается со строительством гармоничного общества, ключевым моментом которого является улучшение жизни народа.

- Соединение правления на основе закона, которое осуществляет правящая партия, с участием демократических партий в осуществлении политики на основе закона, совершенствование партийной политики с китайской спецификой. Восемь китайских демократических партий участвуют в осуществлении государственной власти, включая занятие руководящих должностей в государстве и правительстве, в прокурорских и судебных органах; участие в консультациях по вопросам государственной политики и по кандидатурам в государственные руководители; участие в управлении государственными делами, в установлении и реализации государственного курса, политики, законов, правил. Особенно важно, что установлена пропорция представительства демократических партий и беспартийных лиц среди делегатов ВСНП, его постоянного комитета и специальных комиссий.

- Соединение внутрипартийной демократии с народной демократией. Народная демократия приводится в движение с помощью внутрипартийной демократии. Коммунистическая партия Китая — крупнейшая партия, в ее рядах в 2008 г. состояло более 73 миллионов членов. Для сохранения прогрессивного характера, а также для того, чтобы прогрессивность проявилась в развитии политической демократии всего общества, партии необходимо активно продвигать внутрипартийную демократию. КПК осознала важность и актуальность этого вопроса. XVII съезд КПК выдвинул целый ряд новаций в области обеспечения демократического права членов партии, совершенствования института съездов партии, строгого осуществления демократического централизма, преобразования института выборов в партии и т.д. При отборе и назначении кадров отменен институт пожизненного занятия должностей, усовершенствована система назначения и увольнения кадров на началах демократизма. Это предоставило управленцам с высокой нравственностью и талантом шанс получить назначение на должность посредством конкуренции. Эти меры внутрипартийной демократии предоставили широким слоям населения такие демократические права, как — знать, участвовать и контролировать.

- Соединение контроля внутри партии, административного контроля, правового контроля с прямым контролем со стороны граждан, создание и совершенствование контроля общественного мнения и порядка подачи жалоб в вышестоящие инстанции. Участие СМИ в осуществлении контроля заметно влияет на развитие демократической политики в Китае.

- Соединение демократии, выражающейся в форме участия в выборах, с демократией в форме участия в консультациях, совершенствование форм систематического политического участия граждан. Институт участия в выборах непрерывно совершенствуется и развивается: осуществлен не только режим пря-

мых выборов в рамках самоуправленческих организаций граждан, но расширены выборы с превышением числа кандидатов над числом избираемых в сферах, где осуществляются не прямые выборы. Усовершенствован способ выдвижения кандидатов, в ходе развития внутрипартийной демократии расширены прямые выборы членов руководящих составов низовых партийных организаций, расширен круг кандидатов в списки для выборов в центральные и местные партийные органы, реализована форма выдвижения кандидатов путем тайного голосования и другие демократические формы.

Народный политический консультативный совет Китая, в соответствии с тремя важными функциями — политическими консультациями, демократическим контролем, участием в политике и обсуждением политики накануне принятия партией и государством важных решений и в процессе их исполнения — стимулирует членов НПКСК, представляющих разные партии, сферы, нации Китая к активному участию в политической жизни. Правительства разных уровней инициативно используют институт доверительных демократических переговоров, институт слушаний и т.д. Различные народные организации также активно участвуют в демократических консультациях⁴.

Несмотря на достигнутые успехи демократическая политика Китая пока находится в стадии становления, и реформа политической системы в стране будет непременно углубляться. Политическая наука КНР призвана и впредь играть важную роль в этом процессе.

-
1. Ху Хуэй, Люй Пушэн. Шицзе саньчжун цюаньхуй илай чжунго чжэнчжи фачжань дэ хунгуань каоча [Макроисследование политического развития Китая со времени 3 пленума ЦК КПК XI созыва] // Чжэнчжисюэ яньцзю. Пекин, 2008. № 2. С. 12.
  2. Линь Шанли. Чжэнчжисюэ юй чжэнчжи фачжань: Чжунго чжэнчжисюэ фачжань эрши нянь [Политология и развитие политики: 20 лет развития политологии Китая] // Чжэнчжисюэ яньцзю. 1998. № 2. С. 5.
  3. Ван Банцзо. Чжэнчжисюэ юй дандай Чжунго чжэнчжи яньцзю [Политология и исследование политики современного Китая]. Шанхай, 2005. С. 48.
  4. См., например: Ли Цзюньжу. Чжунго чжэнчжи тичжи гайгэ дэ чэнго цзи ци цзоуши [Успехи реформы политической системы Китая и ее тенденции] // Бэйцзин жибао. 2008. 8 сент.

Китайские националисты: штрихи к интеллектуальному портрету Ван Сяодуна

© 2010

А. Габуев

Статья посвящена реконструкции интеллектуальной биографии Ван Сяодуна — наиболее заметного публичного интеллектуала националистического толка в современной КНР, одного из авторов бестселлера "Китай недоволен". Прослеживаются основные вехи творчества Вана, особое внимание уделяется периоду 2000-х годов, когда он начинает публиковать значительную часть своих работ в сети и превращает Интернет в основную площадку для продвижения и популяризации своих взглядов. В статье подробно проанализирована выдвинутая Ван Сяодуном программа преобразования Китая в сверхдержаву XXI века за счет превращения национализма в ведущую идеологию.

Ключевые слова: Ван Сяодун, "Китай недоволен", Интернет, программа преобразования Китая, сетевой дневник.

Большой коммерческий успех книги "Китай недоволен" ("Чжунго бу гаосин"), сразу после выхода в марте 2009 г. получившей статус "второго манифеста" современного китайского национализма после бестселлера 1997 г. "Китай может сказать нет" ("Чжунго кэи шо бу"), стал наглядной демонстрацией того, насколько отзывчиво городское население КНР реагирует на националистическую риторику. Уже за первый месяц после появления на книжных прилавках было продано свыше 270 тыс. экз., к концу года разошлось свыше 800 тыс., а в печати и в Интернете развернулась масштабная дискуссия по поводу затронутых в книге проблем и той роли, которую национализм должен играть в современной КНР.

Пять авторов "Китай недоволен" быстро превратились в новых героев интеллектуальной жизни страны, которых, как и всяких героев, восхваляют апологеты и поносят критики. Между тем до сих пор фигуры публичных интеллектуалов КНР конца XX и начала XXI вв., отстаивающих идеи китайского национализма, редко становились объектом научного описания. В самой КНР до середины 1990-х гг. действовало негласное табу на научное обсуждение проблем национализма, а после снятия этого табу дискуссии китайских ученых отражают не совсем академический интерес к национализму в современной КНР — скорее их

можно назвать, если воспользоваться терминологией Макса Вебера, “спором о ценностях”. Современные китайские авторы пытаются не столько изучать национализм как интеллектуальное или политическое движение, сколько ответить на вопросы вроде: “Является национализм для Китая злом или благом?”

В англоязычной синологии ситуация выглядит лучше, поскольку в западном китаеведческом сообществе возрождение китайского национализма в 1990-е гг. стало одним из важных направлений изучения социально-политических процессов в КНР. Во многих западных работах излагаются и анализируются некоторые труды современных китайских интеллектуалов-националистов, а также приводятся отрывочные биографические сведения о них. Впрочем, предметом научного описания становились преимущественно работы 1990-х гг. или начала 2000-х гг., когда проявления национализма в КНР были весьма зримыми (начиная от появления “Китай может сказать нет” вплоть до антизападных демонстраций в 1999 и 2001 гг.). Позднее, в период правления Ху Цзиньтао интерес к этой теме на Западе заметно ослабевает, а потому интеллектуальное творчество китайских националистов в 2000-е гг. остается пока слабо изученным. Это тем более справедливо для российского китаеведения, в котором китайский национализм остается периферийной темой. На эту тему на русском языке опубликована всего одна монография¹, где возрождению национализма в дискуссиях китайских интеллектуалов в 1990-х уделена одна короткая глава, а о событиях 2000-х почти не говорится.

В данной работе мы постараемся отчасти восполнить этот пробел, сконцентрировавшись на творчестве одного из авторов книги “Китай недоволен” и едва ли не самого яркого публичного интеллектуала КНР националистического толка — Ван Сяодуна. Творчеству Вана в 1990-е гг. уделено большое внимание в англоязычной литературе, некоторые авторы даже называют его “крестным отцом” современного китайского национализма. Между тем отдельных работ, посвященных изучению идей Ван Сяодуна, насколько нам известно, нет, а его творчество 2000-х гг. пока остается вне поля зрения исследователей (за исключением откликов в англоязычной прессе на выход книги “Китай недоволен”).

В первой части работы будут приведены сведения о биографии Ван Сяодуна, необходимые для анализа его творчества, а также описано специфическое положение Вана среди китайской публичной интеллигенции как “сетевого публичного интеллектуала”. Вторая часть посвящена изложению доктрины Ван Сяодуна. Ключевым источником стала его книга “Судьбой завещано быть великой страной” (“Тяньмин со гуй ши даго”), опубликованная в Нанкине в ноябре 2008 г.² В четырех частях этой книги собраны 58 статей Ван Сяодуна, наиболее полно излагающих его воззрения. Сразу после издания электронные копии разошлись по всему китайскому сегменту сети, а бумажные версии (по свидетельству самого автора) в Пекине было трудно купить уже в начале 2009 г. Между тем, насколько нам известно, “Судьбой завещано...” еще не становилась предметом научного анализа не только в России, но и за рубежом, поэтому можно сказать, что данный источник вводится в научный оборот впервые.

Кроме того, объектом изучения стали 14 статей, размещенных Ван Сяодуном в своем блоге на портале www.blog.sina.com начиная с 2003 г. Все эти тексты отмечены общим “тэгом” (темой, которую формулирует сам автор блога) “национализм”. Мы остановили свой выбор именно на этом материале

в силу нескольких причин. Работы именно с этого из нескольких блогов Ван Сяодуна были отобраны потому, что к моменту написания статьи лишь эта страница велась самим Ваном в еженедельном режиме, а остальные он забросил еще несколько лет назад. Таким образом, именно этот блог является наиболее адекватным отражением взглядов Вана на современном этапе. Во-вторых, в отличие от обычных записей в блоге, данные тексты сам автор объединил единой темой — национализмом. Наконец, тексты оформлены как концептуальные статьи, а не сиюминутные отклики на злобу дня. Необходимо отметить, что некоторые из опубликованных в блоге статей появлялись в периодической печати, а также были включены в книгу “Судьбой завещано...”. Содержание статей и книги зачастую пересекается. Основные идеи и понятия Ван Сяодун излагает во всех статьях, развивая в конкретной работе какой-то отдельный аспект. Кроме того, в них не прослеживается идейной эволюции взглядов автора, то есть все изучаемые тексты представляют собой идейно однородный пласт. В связи с этим представляется возможным отказаться от анализа каждой конкретной статьи и изучать все тексты в комплексе (как собранные в “Судьбой завещано...”, так и первоначально вывешенные в блоге).

Таблица 1.

Статьи Ван Сяодуна в блоге

№	Русское название	Китайское название	Дата	Источник
1	Китайский национализм на фоне глобализации	Цюаньцю хуа бэй-цзин ся дэ Чжунго миньцзу чжуи	2005.02	Блог (лекция в Лондонской школе экономики)
2	Обращаясь к прошлому и будущему современного китайского национализма	Хуйгу юй чжаньван дандай Чжунго миньцзу чжуи	2005, № 1	Чжунго юй шицзе гуаньча
3	Также к вопросу о модернизации и учебниках истории	Е тань сяндайхуа юй лиши цзяокэшу	2006.02.09	Чжунго гой шицзе гуаньча
4	Только решительность в использовании силы есть основная гарантия мирного подъема	Ганьюй шиюн лилян цай ши хэпин цзюэци дэ цзибэнь баочжан	2006.02.10	Блог
5	О неэквивалентности древнекитайской системы сдерживания императорской власти и системы демократических противовесов	Чжунго гудай чжихэн хуанцюань дэ тиси юй миньчжу чжихэн тиси букэ тун жи эр юй	2006.02.11	Блог

№	Русское название	Китайское название	Дата	Источник
6	О подоплеке формирования в китайских интеллектуальных кругах духовно закрепощенной и имитаторской исторической науки и о вреде этого явления	Лунь Чжунго чжи-шицзе нухуа иншэ шисюэ дэ синчэн бэйцзин цзи ци вэй-хай	2006.02.28	Блог
7	Полемизируя с американцами и англичанами по поводу перевода на английский термина "расизм наизнанку" и других терминов	Юй Мэйгожэнь хэ Инго жэнь цецо "нисян чжунцзуч-жуи" дэ цзи цита	2006.03.18	Блог
8	Китайцы больше не должны принижать себя	Чжунгожэнь бу гай цзай цзы бяньлэ	2006.05.26	Хуаньцю ши-бао
9	Не стоит оправдывать японцев	Буби вэй жижэнь бянь	2006.07.18	Фэнхуан чжоу кань
10	Как Китай должен относиться к международному порядку	Чжунго гай цзэян дуйдай гоцзи чисюй	2006.07.18	Хуаньцю ши-бао
11	Все ли иностранцы нуждаются в заботе?	Лаовай доу гай шоу чжаогу ма	2006.08.16	Хуаньцю ши-бао
12	Не стоит продолжать относиться к иностранцам по-особому	Бу и цзай гэй вайго жэнь дай тэшу дай-юй	2006.08.16	Блог
13	У китайцев должно быть великодержавное сознание	Чжунго жэнь гай ю даго дэ шиэ лэ	2006.12.25	Чжунго цин-нянь бао
14	Поскольку подавляющее большинство может испытывать патриотические чувства, унижен ли патриотизм для интеллигенции?	Дадошу жэнь ай го сои айго цзю ши чжиши фэньцзыдэ чижу?	2008.04.24	Блог

Биография Ван Сяодуна

Первопроходец китайского неонационализма

Ван Сяодун родился в декабре 1955 г.³ В 1982 г. он окончил элитный Пекинский университет по специальности "математика". Поскольку его юность совпала с началом периода реформ и открытости, Ван, как и некоторые из его свер-

стников, получил возможность продолжить образование и академическую работу за рубежом. В середине 1980-х гг. он обучался в Японии и получил второе высшее образование по специальности менеджмент, а с конца 1980-х по начало 1990-х гг. работал в Канаде и США как приглашенный ученый. Уже в то время Ван начал открыто выступать как поборник идей китайского национализма. В 1988 г. в газете “Чжунго циннянь бао”) появилась статья, в которой он критиковал фильм “Плач о реке” и отстаивал необходимость возрождения китайского национализма. Как полагает У Сюй, это было первым произведением такого рода в современной КНР⁴.

После возвращения в Китай Ван Сяодун занимался проведением соцопросов для газеты “Чжунго циннянь бао” и принял участие в написании нашумевшей статьи “Реалистический ответ и стратегический выбор Китая после кардинальных перемен в Советском Союзе” (“Сулянь цзюйбянь чжи хоу Чжунго дэ сяньши индуй юй чжаньлюэ сюаньцзэ”). Эта статья была написана, прежде всего, для внутреннего использования работниками идеологического фронта (в ее обсуждении участвовали представители правительственных и партийных структур), а затем просочилась на Запад. В частности, в статье содержался призыв к КПК учесть падение веры народных масс в марксизм-ленинизм и опереться на китайский национализм для легитимации своего правления.

Затем Ван Сяодун стал работать редактором в новом интеллектуальном журнале “Чжаньлюэ юй гуаньли” (“Стратегия и управление”), издававшемся в Пекине с 1993 г. Этот пост дал ему возможность заниматься широкой популяризацией национализма. Ни одно из заметных проявлений национализма в КНР в середине 1990-х гг. не обошлось его без участия. Начало им положила организация журналом “Чжаньлюэ юй гуаньли” научной конференции “Национализм на рубеже столетий”, прошедшей в Шэньчжэне в ноябре 1995 г. Фактически это мероприятие стало первым научным форумом, где открыто обсуждалась тема современного китайского национализма, которая с момента образования КНР была, по сути, табуирована для академических дискуссий⁵. Наиболее интересные доклады были напечатаны в первом номере журнала за 1996 г.⁶ Ван Сяодун участвовал в составлении этого выпуска.

Помимо популяризации китайского национализма с начала 1990-х гг. Ван Сяодун начинает активно развивать эту доктрину в собственных произведениях. Одним из первых нашумевших произведений стал его отклик на работу Самюэля Хантингтона “Столкновение цивилизаций”. Эта статья, опубликованная в авторитетном американском журнале “Foreign Affairs”, наделала в КНР много шума. Китайских читателей больше всего заинтересовало предположение американского ученого о том, что именно конфуцианская цивилизация (вместе с исламской) в будущем может представлять серьезную угрозу для Запада⁷. Ответную статью под названием “Грядущее столкновение” Ван Сяодун (под псевдонимом Ши Чжун) опубликовал в 1993 г. в первом номере “Чжаньлюэ юй гуаньли”⁸. Ван утверждал, что китайцы не имеют ничего против западных ценностей (кроме тех случаев, когда их распространение приводит к появлению империализма) и не намерены насильно конфуционизировать остальной мир. Видеть в Китае врага американцев (в лице Хантингтона) заставляют экономическая мощь и потенциал КНР. Воз-

можное же грядущее столкновение Китая с США, полагает он, будет вовсе не столкновением цивилизаций, а противостоянием национальных интересов⁹.

Следующим объектом критики Ван Сяодуна стал синолог Джереми Бармэ, опубликовавший в 1996 г. работу о современном китайском национализме под провокационным названием “Поиметь иностранцев — это патриотично”¹⁰. В этой работе Бармэ описывает проявления национализма на примере современных произведений массовой культуры в КНР вроде популярных телесериалов и массовой литературы, демонстрируя их ксенофобскую и расистскую направленность. По мнению ученого, экстремистские проявления китайского национализма связаны с многочисленными комплексами китайской интеллигенции и ее “ненавистью к себе”¹¹.

Ван Сяодун откликнулся на эту работу со страниц “Чжаньлюэ юй гуаньли”, опубликовав работу под названием “Китайский национализм глазами западного человека”¹². В этой рецензии Ван заклеил Бармэ как “экстремиста”, обвинил его в ненависти к китайской культуре и заявил, что западные ученые неспособны понять Китай¹³.

Эти выступления стали лишь прелюдией к первой крупной работе Ван Сяодуна, публикация которой сразу сделала его “националистом № 1” в современной КНР. Речь идет о монографии “Путь Китая в тени глобализации” (“Цюаньцюхуа иньин сядэ чжунго чжи лу”, далее — “Путь Китая”), авторами которой помимо Вана были Фан Нин и один из авторов “Китай может сказать нет” Сун Цян¹⁴. В этой работе появляются многие теоретические конструкции, которые будут использоваться в дальнейшем творчестве Ван Сяодуна. Исходным пунктом его размышлений становится “расизм наизнанку” (нисян чжунцзучжуи). Под этим явлением он понимает отношение китайской интеллигенции в 1980-е гг. ко всему китайскому как к ущербному и ее стремление к тотальной вестернизации. По мнению автора, китайские либералы, говорящие о будущем торжестве универсальных прав человека, как раз являются представителями этого “обратного расизма”. Будущий мир видится Ван Сяодуну и его соавторам, напротив, как арена противостояния наций — в качестве одного из примеров указывается бомбардировка китайского посольства в Белграде авиацией НАТО в 1999 г., которая представляется авторами как намеренная попытка унижить Китай. Единственным способом выживания в этих условиях для Китая становится обращение к национализму как силе, которая может сплотить китайцев перед лицом иностранной опасности и снова сделать Поднебесную великой державой. Авторы решительно отвергают глобализацию и называют ее “заговором США” с целью не дать Китаю обрести могущество.

Любопытно, что при этом Ван Сяодун не отрицает для Китая возможности развития по демократическому пути. Наоборот, он считает необходимым проведение в Китае политических реформ и введение более демократической формы правления. Однако установление демократии является не конечной целью, а лишь средством, с помощью которого можно будет искоренить коррупцию во власти и построить сильное государство. В этом контексте Ван Сяодун критикует современный режим в КНР и указывает, что дальнейшее разложение бюрократии из-за коррупции может привести страну к развалу по примеру Югославии или СССР. Весьма красноречиво об этом должна

была говорить и обложка книги. На ней была изображена англоязычная карта Восточной Азии, где на месте Китая были изображены несколько независимых государств: собственно КНР, Восточный Туркестан, Внутренняя Монголия, Гонконг, Маньчжурия, Тайвань и Тибет.

В 2000 г. в интервью Чжоу Юнмину один из авторов книги Фан Нин подробно рассказал историю написания и публикации “Пути Китая”¹⁵. По его словам, авторы давно готовили эту книгу и быстро завершили ее вскоре после бомбардировки посольства КНР в Белграде. Поскольку Китай захлестнула патриотическая волна, авторы рассчитывали на коммерческий успех. Уверенности им придавало и то, что рукопись были готовы опубликовать все издатели, к которым они обращались. Однако затем условия изменились. Китай возобновил переговоры с США о вступлении в ВТО, так что Пекину не был нужен очередной повод для ухудшения китайско-американских связей. Поэтому все произведения, которые могли бы подхлестнуть рост националистических настроений, немедленно попали под ограничения. Все издатели, до того намеревавшиеся опубликовать манускрипт, отказались иметь дело с Ван Сяодун. В итоге с большим трудом авторам удалось пробить публикацию в пекинском издательстве “Социальные науки” благодаря личным связям — печать организовал тот же редактор, который выпустил в свет “Китай может сказать нет”.

Тем не менее, даже преодолев типографские проблемы, авторам “Пути Китая” было весьма непросто пристроить куда-либо свое детище. По свидетельству пекинского корреспондента газеты “Christian Science Monitor” Шая Остера, которое зафиксировал Чжао Суйшэн, в Пекине “Путь Китая” был запрещен к продаже вскоре после выхода¹⁶. Та же судьба ждала книгу и в других провинциях. Кроме того, ударом по планам Ван Сяодуна и его соавторов стало упорное молчание критиков — началась санкционированная властями кампания по замалчиванию “Пути Китая”. В конце года власти предприняли последнюю решительную атаку на главного вдохновителя “Пути Китая” — Ван Сяодун был уволен из журнала “Чжаньлюэ юй гуаньли”. Кроме того, он лишился позиции профессора в Пекинском университете мировой экономики и международного бизнеса¹⁷. Официально он теперь числился лишь научным сотрудником Китайского исследовательского центра проблем молодежи — этот пост он занимает по сей день.

Сетевой публичный интеллект

Именно тогда Ван Сяодун нашел способ популяризации своего творчества, который во многом определил его дальнейший статус в китайских интеллектуальных кругах. Поскольку все традиционные каналы публикации оказались для него закрыты по цензурным соображениям, он начал пропагандировать свои взгляды с помощью довольно необычного для того времени средства — Интернета. Надо сказать, что Ван Сяодуну уже приходилось использовать уникальные возможности “всемирной паутины” в то время, когда большинство китайских публичных интеллектуалов еще вряд ли о них догадывались. По его собственному признанию, впервые с Интернетом он столкнулся еще в 1991 г., находясь в Канаде — за три года до того, как Китай был подключен к всемирной сети¹⁸. Затем в 1996 г. его работа “Национализм и будущее Китая” (“Миньцзучжуй юй чжунго дэ вэйлай”), изначально напеча-

танная в № 9 гонконгской “Миньбао юэкань”, была опубликована популярным порталом China News Digest, благодаря чему получила широкую известность¹⁹. Однако тогда опыты Ван Сяодуна по использованию Интернета для распространения своих идей можно было назвать эпизодическими.

Отправной точкой для перехода Ван Сяодуна в виртуальное пространство стал опыт продвижения книги “Путь Китая” в Интернете в 1999–2000 гг. Авторы решили прорвать информационную блокаду, прибегнув к совершенно новой для Китая того времени маркетинговой стратегии. Обширные фрагменты текста были вывешены на популярном форуме “Усиление страны” (цяньго луньтань), созданного при поддержке властей по горячим следам бомбардировки посольства в Белграде²⁰. Публикации вызвали многочисленные отклики не только на этом форуме, но и в других китайских и зарубежных форумах и онлайн-чатах. В результате этих усилий, по словам Фан Нина, авторам удалось продать свыше 100 тыс. экз. “Пути Китая”²¹.

Следующим шагом стало формирование виртуальной площадки для публичных дискуссий о сущности современного китайского национализма — для этого Ван Сяодун, Фан Нин и Сун Цян создали сайт “Формализация идей” (“сысян гэшихуа”)²². Разработчиком сайта выступал Ма Лицзюнь, который постарался превратить “Формализацию идей” в виртуальную площадку для дискуссий публичных интеллектуалов. Он старался размещать на сайте не только работы отцов-основателей, но и статьи авторов различных убеждений, в том числе либералов. Хотя сайт был закрыт в 2001 г. из-за невозможности найти бизнес-модель для успешного развития и персонального стремления Ма Лицзюня делать независимый ресурс, не вступая в конфликт с властями, “Формализация идей” стал одним из успешных проектов в области перевода интеллектуальных дискуссий со страниц печатных изданий в Интернет²³.

Несмотря на закрытие сайта “Формализация идей”, Ван Сяодун продолжал использовать Интернет в качестве канала публикации своих работ. Он создал несколько профилей на популярных китайских порталах сетевых блогов²⁴, а в 2002 г. завел блог на самом популярном портале www.blog.sina.com²⁵. С тех пор именно этот ресурс становится основной площадкой для публикации работ Ван Сяодуна, а сам Ван стал персонажем, которого можно назвать “сетевым публичным интеллектуалом”. При этом в Интернете он выступает не только в качестве теоретика, но и организатора почти всех крупнейших националистических кампаний в КНР в годы правления Ху Цзиньтао. Например, весной 2003 г. Ван Сяодун был организатором петиции к властям США, в которой 400 китайских публичных интеллектуалов выступили против начала войны в Ираке. В феврале интервью с Ваном было показано по арабскому телеканалу “Аль-Джазира”, где он рассказал о том, что война в Ираке является очередным проявлением гегемонизма США в мировой системе²⁶. А в 2008 г. он выступил одним из главных идеологов кампании по бойкоту торговой сети “Carrefour”.

Доктрина Ван Сяодуна

О возникновении современного китайского национализма

Как и в “Пути Китая”, исходным пунктом размышлений Ван Сяодуна о китайском национализме является наличие в КНР 1980-х гг. такого явления, как “расизм наизнанку”. Этим термином Ван называет отношение китайской интеллигенции к традиционной китайской культуре как к ущербной, а к китайской нации — как к отсталой и дурной по природе. Выходом из тупика для сторонников этой теории представлялся отказ от китайской культуры и полное принятие западных ценностей индивидуализма, свободы, демократии и рынка. По мнению Ван Сяодуна, именно “расизм наизнанку” задавал тон в интеллектуальной жизни КНР вплоть до событий на площади Тяньаньмэнь, причем эту доктрину разделяли не только большинство интеллигентов, но и представители партийной верхушки. В качестве наиболее характерного примера Ван Сяодун приводит появление на китайских экранах фильма “Плач о реке”.

Ван Сяодун называет и причины возникновения “расизма наизнанку”. Главной (и непосредственной) из них является негативный опыт “культурной революции”, в ходе которого многие представители китайской интеллигенции подвергались гонениям со стороны собственного народа. Именно это, по мнению Вана, заставило интеллигентов считать китайцев людьми низшего сорта. Более же глубокой причиной являются те унижения, которые Китай претерпел, начиная с 1840 г. Видя бессилие Китая при столкновении с Западом, а также сравнивая низкий уровень жизни китайцев с жизнью граждан капиталистических стран (особенно Японии), китайские интеллигенты пришли к выводу, что в этом виновата китайская культура и сама убогая природа китайской нации.

Именно протест против “расизма наизнанку” и является отправной точкой, для возникновения современного китайского национализма (*сяньдаи чжунго миньцзучжу*). Ван Сяодун называет и конкретную дату — 1988 г., когда на страницах “Цинянь бао” появилась его рецензия на “Плач о реке”. Как утверждает Ван, именно он стал первым, кто публично выступил против “расизма наизнанку” и указал на необходимость развития китайского национализма.

Ван Сяодун отрицает мнение западных синологов о том, что националистические настроения в КНР в 1990-е гг. возникли из-за пропаганды со стороны КПК, пытавшейся восстановить свою пошатнувшуюся после июня 1989 г. легитимность, опираясь на патриотические чувства рядовых граждан. “Западные ученые часто говорят, что современный китайский национализм вдохновляется правительством, поскольку власти задумались о необходимости новой идеологии взамен обветшалого коммунизма. Нет ничего более далекого от реальности, чем подобные утверждения”, — пишет он²⁷. Ван полагает, что если основатели КПК, чье идеологическое формирование происходило во время “движения 4 мая”, еще разделяли националистические устремления, то после прихода к власти в 1949 г. КПК никогда не выдвигала националистических лозунгов и всегда поддерживала идеологию коммунизма. “Кроме того, с конца 1970-х китайское правительство прилагало усилия для поддержания хороших отношений со странами Запада. Хотя среди них и есть люди, которые сочувствуют некоторым целям национализма, они не хотят,

чтобы китайские интеллектуальные круги, а особенно простые граждане, публично провозглашали эти цели”, — утверждает Ван Сяодун²⁸.

Именно поэтому на протяжении долгого времени у современных китайских националистов не было никакого канала для трансляции собственных взглядов. Лишь эпизодически в центральных СМИ появлялись статьи в защиту национализма. Например, Ван Сяодун называет статью “Не надо демонизировать национализм”, появившуюся 19 января 2005 г. на страницах “*Хуаньцю шибао*”, которую написал заместитель редактора отдела комментариев “*Жэньминь жибао*” Линь Чжибо²⁹. Распространение же идей современного китайского национализма он связывает, прежде всего, с появлением в Китае Интернета. “Лишь во второй половине 1990-х гг. (у национализма. — А. Г.) внезапно появился очень сильный союзник, о котором мы и не думали. Этим союзником оказалась технология, изобретенная западными людьми — Интернет”, — отмечает он. Из этого Ван выводит, что в современном Китае национализм является единственной идеологией, органично развивавшейся простыми гражданами без какого-либо участия со стороны режима (к обратным примерам Ван относит не только официальную идеологию КПК, но также китайский либерализм и воззрения “новых левых”). По его мнению, все это говорит о том, что “современный китайский национализм имеет в китайском обществе прочную базу”³⁰.

Об отличиях “национализма” от “патриотизма”

Свои воззрения Ван Сяодун называет “китайским национализмом”, а не “патриотизмом” (*айгочжуи*). Прежде всего он полагает, что ярлык “националистов”, имеющий в большинстве европейских языков негативные коннотации, был навязан ему и его единомышленникам западными исследователями. Учитывая, что Запад обладает “монополией на слова”, бороться с этим ярлыком совершенно бессмысленно. Кроме того, Ван Сяодун указывает, что понятие “патриотизм” в Китае сильно дискредитировано официальной пропагандой, а потому не может привлечь массы. В статье “Определяя верное название для современного китайского национализма”³¹ он цитирует режиссера Цзян Вэня, который полагает, что опаснее “изменников родины” (*майгоцзэй*) могут быть только “ура-патриоты” (*айгоцзэй*)³². Именно поэтому Ван предпочитает использовать понятие “национализм”.

О предшественниках и миссии современного национализма

В качестве своих идеологических предшественников Ван Сяодун упоминает китайских националистов начала XX в., прежде всего, Лян Цичао и Сунь Ятсена. По мнению Вана, с тех пор базовая установка китайского национализма осталась прежней. “Китай для китайцев — единственный дом, поэтому мы должны верить в свою страну и свою нацию”, — формулирует он квинтэссенцию современного китайского национализма³³.

Ключевым отличием современного национализма от идей начала XX в. является необходимость не просто преодолевать кризис веры в себя, поразивший Китай после 1840 г., а готовить китайскую нацию к предстоящей борьбе за мировое лидерство, которая развернется в новых экономических и геополитических условиях. “С высоты человеческой истории, и в прошлом, и в будущем, Китай — это великая держава, более того, держава, к которой возвращается небесное по-

веление. Она лишь не до конца вышла из той пропасти, в которую упала после 1840 года, вот и все”, — утверждает Ван³⁴.

Эта фраза является ключевой не только для книги “Судьбой завещано...”, но и всего творчества Ван Сяодуна. Использованный автором фразеологизм напрямую отсылает читателей к традиционной конфуцианской теории “небесного повеления” (*тяньмин*) — санкции Неба как верховного сакрального начала на основание новой династии. Согласно “Большому словарю китайских идеоматических выражений”, выражение “*тяньмин согуй*” (или его аналог “*тяньмин югуй*”) фиксируется в китайских текстах со времен эпохи Суй и означает “смену династии и грядущее появление нового правителя”³⁵. Таким образом, фраза, вынесенная в название книги, намекает на скорую смену лидера мировой системы и превращение Китая в супердержаву. Эта же мысль содержится в подзаголовке книги: “Китай: надо стать героическим государством и лидером мира” (*Чжунго: яоцзо инсюнгоцзя юй шицзе линдаочжэ*).

Эта мысль последовательно проводится в большинстве вошедших в книгу и вывешенных в блоге Ван Сяодуна статей, наиболее явно она излагается в статье с названием “Китай не может не проявить свое величие” (*Чжунго уфа бусянь цида*)³⁶. В ней он приводит аргументы в пользу того, что Китай является великой державой — размеры территории, количество населения и высокие темпы экономического роста. “В том, что мы великая держава, нет никакого сомнения. Конечно, быть гражданами великой страны — это почет, но кроме этого у граждан великой страны есть и обязанности, или даже бремя — стать лидерами этого мира”, — заключает он. По мнению Ван Сяодуна, “сделать вклад в развитие человечества, имея статус мирового лидера — это и есть небесное повеление для нашей нации”.

Таким образом, особой миссией Китая является превращение в сверхдержаву. Очертания нового мира, во главе которого будет стоять Китай, Ван Сяодун рисует довольно туманно. Он лишь пишет, что “после того, как мы станем великой державой среди великих держав, мы станем не только поставщиками интеллектуальной продукции, но и поставщиками материальной продукции, будем ослеплять человечество, решать трудности, поддерживать мир”³⁷.

О врагах Китая

Главным признаком неизбежного грядущего возвышения китайской нации для Вана является то недоверие, которое испытывают к Китаю страны Запада во главе с США: “С определенной точки зрения, то, что западные люди не хотят принимать Китай — это слава для Китая. Это говорит о том, что китайская нация — это по-прежнему удивительная нация. И хотя сейчас она не очень сильна, западные страны и вообще все страны в мире ощущают вероятность того, что Китай может превратиться в чрезвычайно сильную нацию”³⁸. А главным препятствием на пути превращения Китая в “мирового лидера” является, прежде всего, Запад во главе с США. Именно иностранцы, начиная с “опиумных войн”, мешали возвышению Китая. После развала СССР и окончания “холодной войны” Запад сконцентрировал усилия на том, чтобы ограничить Китай и не дать ему превратиться в сверхдержаву. Если во времена “холодной войны” Китай и другие развивающиеся страны еще могли лавировать между Вашингтоном и Москвой и использовать их противоречия

для своего национального развития, то в условиях нового миропорядка во главе с США даже это окно возможностей для Китая закрылось.

Признаки враждебного отношения США к Китаю Ван Сяодун усматривает в нежелании отступить от поддержки Тайваня, в бомбардировке китайского посольства в Белграде, в поведении Вашингтона во время “хайнаньского инцидента” 2001 г., в поддержке сепаратизма в Тибете и Синьцзяне. Причиной подобного отношения является подозрение американской верхушки, что Китай в будущем может и хочет бороться за статус мирового лидера, а также нежелание Вашингтона уступить Пекину этот статус. При этом компромисс между Китаем и Западом невозможен, а США готовы использовать любые меры для сдерживания Китая — вплоть до разработки биологического оружия, которое будет действовать исключительно против китайцев³⁹.

Ван Сяодун уверен, что мировая политика определяется долгосрочными национальными интересами, а усиление Китая не отвечает интересам США. Не меньшие подозрения вызывает и Япония, которая хотя и стала демократической страной, тем не менее, по-прежнему может вынашивать планы захвата части китайской территории.

Гегемонизм США и стран Запада выражается и в несправедливом, по мнению Ван Сяодуна, глобальном миропорядке, где Китаю не дают играть первые роли. Любые попытки встроить Китай в нынешний глобальный миропорядок отвергаются Ван Сяодуном как обман: на самом деле Запад вовсе не хочет признать Китай равноправным партнером. В этих условиях Китай должен относиться к современному миропорядку крайне осторожно. Если положения этого миропорядка выгодны Китаю, он может его поддерживать, а если же нет, то Китай должен расшатывать этот миропорядок.

В условиях враждебного окружения Китай может рассчитывать исключительно на собственные силы. Он должен копить мощь и готовится к решительной схватке. Но сначала китайская нация должна преодолеть ряд препятствий, главным из которых является отсутствие достаточного жизненного пространства и сырьевых ресурсов.

Жизненное пространство и сырьевые ресурсы

Ван Сяодун отмечает, что одной из главных угроз для планов превратить Китай в сверхдержаву является отсутствие достаточного жизненного пространства для китайской нации и достаточных запасов минеральных ресурсов для развития китайской экономики. Он отмечает, что проблема “жизненного пространства” исторически является ключевой для большинства наций, и лишь “политкорректность” западных и китайских ученых, вызванная использованием понятия “жизненное пространство” (Lebensraum) в риторике нацистской Германии, мешает изучению этого важного вопроса. “В истории человечества ради получения природных ресурсов и жизненного пространства неоднократно разворачивались крайне кровавые войны, в нашей памяти еще свежи воспоминания о Второй мировой войне. После войны раздались новые голоса о том, что в условиях свободного рынка природные ресурсы и жизненное пространство вовсе не важны, любой человек при условии, что он одержит верх в коммерческой конкуренции, может жить хорошей жизнью. Я полагаю, что люди, отбросившие ложную добродетель и действи-

тельно серьезно обдумывающие вопросы нашей планеты, не могут согласиться с этим очевидным заблуждением”⁴⁰.

По мнению Ван Сяодуна, большинство китайцев живут в условиях бедности и перенаселения, а потому не могут на равных конкурировать с другими нациями. В итоге проблема бедности Китая сводится именно к нехватке жизненного пространства и ресурсов. Причина же трудностей заключается не в нерациональном использовании ресурсов или ошибочной политике Мао Цзэдуна, в годы большого скачка призывавшего китайцев рожать как можно больше детей, а в том, что “в современной битве за жизненное пространство, рамки которой расширились до масштабов всей планеты, китайцы проиграли, а европейцы выиграли”⁴¹.

Как указывает Ван Сяодун, единственным надежным путем для Китая к обладанию ресурсами и жизненным пространством является только борьба, а не сотрудничество или обмен. Это вызвано, прежде всего, природой западных людей: Он рассказывает историю о том, как некий маленький мальчик объяснял ему принципы игры в “Age of Empires” (“Эпоха империй”), где “главным является не столько собственное развитие, сколько создание помех для развития соперника”. Из этого Ван Сяодун делает простой вывод: “Западные люди приучают детей к борьбе начиная с компьютерных игр”⁴². Любые предложения не искать новые источники ресурсов, а рационально экономить уже имеющиеся Ван Сяодуном отвергаются. Он полагает, что все предложения китайских экологов приведут к мысли о необходимости сокращать потребление ресурсов, а это неизбежно приведет к замедлению развития китайской экономики и снижению уровня жизни простых китайцев. По его мнению, за деятельностью китайских активистов защиты окружающей среды стоят все те же интересы Соединенных Штатов, пытающихся затормозить Китай, предлагая ему некую “зеленую” модель развития.

О “воинственном духе”

Другим препятствием к получению заветных ресурсов, помимо иностранных козней, является отсутствие у китайской элиты и большинства граждан КНР сознания “граждан великой державы” и стратегического кругозора (*даго шию*). Ван Сяодун обвиняет китайцев в пассивности, излишней вере американцам и нежелании бороться. По его мнению, иностранцы давно осознали возможность грядущего возвышения Китая, и лишь сами китайцы никак не хотят понять, что им уготована судьба великой и героической нации. Для преодоления этих недостатков Ван Сяодун предлагает развивать у элиты и рядовых граждан “великодержавное сознание”, но главное — культивировать “дух воинственности” (*шану цзиньшэнь*). Именно отсутствие “воинственного духа”, по мнению Ван Сяодуна, является главным недостатком традиционной китайской культуры. Он полагает, что воинственность — это одно из тех свойств, которым Китай должен учиться у Запада. При этом культивирование духа воинственности понимается Ван Сяодуном не только как милитаризация общественного мнения, но и как форсированное военное строительство. Он полагает, что в эпоху реформ и открытости одной из основных ошибок китайского руководства было недостаточное финансирование армии — вместо этого упор делался на развитие производства и привлечение

иностранных инвестиций. В итоге Ван призывает увеличить военные расходы и заняться разработкой передовых систем вооружения.

Критика концепции мирного возвышения Китая

С этой точки зрения он критикует и выдвигаемую руководством КНР идею “мирного возвышения” Китая (*хэпин цзюэци*)⁴³. По мнению Вана, “мирным” возвышение Китая никак не получится, поскольку Запад и прежде всего США не захотят делиться с китайцами выгодой от нынешнего устройства мировой системы. Более того, по мнению Вана, существует реальная опасность, что все заработанное у Китая могут отнять иностранцы с помощью военной силы. Тактика извлечения выгоды из положения Китая в мировой системе разделения труда, где основным конкурентным преимуществом КНР является низкая себестоимость рабочей силы, не гарантирует сохранности результатов труда. Именно поэтому КНР должна наращивать военный потенциал.

В своих произведениях Ван Сяодун затрагивает и проблему недостатка у Китая “мягкой силы”, ставшую особенно актуальной в дискуссиях китайских публичных интеллектуалов последних лет⁴⁴. Ван не отрицает значения мягкой силы и полагает, что в Китае с ней действительно дело обстоит плохо. При этом он не указывает, что нужно сделать, чтобы нарастить эту силу — по мнению Ван Сяодуна, Китай все равно не сможет стать для других стран привлекательным и понятным. Его итоговый вывод сводится к тому, что “жесткая” сила имеет приоритет перед “мягкой”. Он указывает, что американская культура сильно проигрывает в сравнении с китайской и даже европейской, а популярность американской культуры в мире объясняет наличием у США мощной армии.

Помимо “воинственного духа”, Ван Сяодун предлагает Китаю заимствовать у Запада стремление к развитию высоких технологий. Он полагает, что лишь обладание собственными высокими технологиями сможет в будущем обеспечить стране статус сверхдержавы. По его мнению, препятствием для развития собственных китайских технологий является как раз встроенность Китая в мировую экономику и международная система разделения труда, при которой КНР является лишь “мировой фабрикой”, а не центром технологического развития. Помимо наращивания инвестиций в технологии, Ван Сяодун предлагает сделать опорой экономики КНР крупные государственные холдинги.

О демократии, реформе политического строя в КНР и национализме

Наконец, третьей вещью, которую Китай должен заимствовать у Запада, является демократическое устройство. Ван Сяодун пишет о том, что демократия и права человека имеют самостоятельную ценность, однако персональная свобода может восторжествовать только после того, как будет гарантирована “национальная свобода” — то есть свобода китайской нации от американского гегемонизма. Ван Сяодун говорит о том, что в нынешней мировой ситуации интересы индивида должны быть подчинены интересам нации, поскольку лишь защита национальных интересов гарантирует интересы личные. Примечательно, что о сущности личных свобод Ван Сяодун ничего не го-

ворит. Вместо этого он подробно описывает, какие выгоды может извлечь Китай из демократического устройства для превращения в супердержаву.

Прежде всего, демократия соответствует идеям националистов о равенстве всех членов нации. Лишь гарантировав представительство всех членов нации, можно говорить о развитии гражданского сознания. Это сознание Ван Сяодун понимает, прежде всего, в ключе развития “воинственного духа” — ссылаясь на историю Спарты и Рима, он утверждает, что развитие демократии ведет к поднятию боевого духа и желания сражаться за свою нацию. Во-вторых, лишь демократия может обеспечить правящему режиму широкую поддержку и лояльность масс. Ван Сяодун указывает на пример бывшего СССР и коммунистических режимов Восточной Европы, которые, несмотря на наличие сильных армий и сравнительно передовых технологий, развалились именно из-за отсутствия народной поддержки.

По Ван Сяодуну, демократия нужна Китаю как эффективное средство борьбы с пороками элиты, прежде всего — с коррупцией и соглашательством с Западом. Он уверен, что лишь демократически избранное всем народом правительство будет жестко и последовательно отстаивать национальные интересы Китая и не идти на соглашательство с Западом. Поэтому Ван Сяодун делает вывод, что в случае проведения в Китае подобных выборов их обязательно выиграют националисты.

Наконец, весьма важной для Ван Сяодуна является идея о возможности перехода от демократии к авторитаризму. По его словам, демократия в Китае нужна в любом случае и ее введение нельзя откладывать. С другой стороны, в условиях жесткого противостояния с Западом Китаю может потребоваться авторитаризм, поскольку при демократии возникает слишком много разных мнений и нация не может успешно бороться против общего врага. Таким образом, по Ван Сяодуну, истинно демократическое (то есть националистическое) правительство в крайних обстоятельствах (например, в случае войны), может ввести в стране диктатуру.

Об идейных оппонентах

Ван Сяодун считает, что все указанные им вопросы являются вопросами “жизни и смерти” для китайской нации. Если они не будут решены, то Китай не только не сохранит свое нынешнее положение, но под напором Запада китайская нация может исчезнуть с лица земли. При этом единственным спасением для Китая является именно национализм. Он отвергает либерализм за излишнее сближение с Западом и веру в мир универсальных ценностей в эпоху глобализации, которые якобы призваны разделять и Запад, и Китай. Для Вана таких ценностей нет, а есть лишь национальные интересы. В то же время он отвергает неоавторитаризм (*синьцюаньвэйлунь*) и неоконфуцианство (*синьжусюэ*). Первый он критикует за отсутствие идей демократии, а второй — за поддержку конфуцианской иерархичности и выпячивание идеи “гармонии” (*хэ*) вместо “воинственного духа”.

Заключение

Рассмотренный нами пример творчества Ван Сяодуна позволяет заключить, что развитие доктрины китайского национализма в КНР активно продолжается и в годы правления Ху Цзиньтао. В задачи данной работы не входит подробное сравнение идей Ван Сяодуна (и той группы китайских публичных интеллектуалов, которую он представляет) с воззрениями отцов-основателей китайского национализма, вроде Лян Цичао, которых сам Ван называет в числе своих идейных предшественников. Претензии Вана на статус “наследника Лян Цичао и Сунь Ятсена” не представляются обоснованными. Если для интеллектуальной жизни Поднебесной начала XX в. Лян был центральной фигурой, творчество которого нельзя сводить исключительно к дискурсу национализма, то Ван Сяодун является скорее маргиналом, пусть и относительно успешным. Стремление Вана возвести собственную “интеллектуальную генеалогию” к Ляну стоит рассматривать как попытку повысить собственный интеллектуальный статус. Тем не менее, все же позволим себе сделать несколько сравнений.

Прежде всего, при беглом сравнении текстов Вана с работами ранних китайских националистов бросается в глаза, насколько мало внимания Ван Сяодун уделяет вопросу обоснования существования китайской нации, а также вопросу о соотношении ханьцев и этнических меньшинств Китая. В отличие от Лян Цичао и его современников⁴⁵, которые по сути занимались конструированием китайской нации в современном смысле, для Ван Сяодуна существование этой нации — уже неоспоримый факт, не требующий доказательств.

В то же время очевидно и сходство между некоторыми ключевыми темами текстов Ван Сяодуна и дискурсом китайских авторов начала XX в. (прежде всего, Лян Цичао). Как и во времена Лян Цичао, националистическое творчество в современной КНР является реакцией на противостояние Китая с Западом. И хотя объективные условия их взаимодействия в конце XIX в. и в начале XXI в. весьма различны (на закате цинской династии Поднебесная была объектом экспансии империалистических держав, в то время как сейчас Китай является одним из ведущих игроков на международной арене, по совокупной мощи превосходящим любое европейское государство), именно Запад по-прежнему воспринимается как угроза величию, а порой и существованию китайской нации. Основные усилия Ван Сяодуна, как и Лян Цичао, сконцентрированы на выработке программы национального спасения. Исходным пунктом размышлений является унижение, которое Поднебесная претерпевала от рук иностранцев, начиная с “опиумных войн”, и осмысление причин поражений Китая. При этом, как и сто лет назад, Ван Сяодун дает схожую рекомендацию: для того, чтобы победить Запад, необходимо у него учиться, активно заимствовать западные факторы успеха. При этом Ван Сяодун приводит набор факторов (воинственный дух + технологии + демократия), весьма напоминающий классическую пару господ Дэ и Сай (*дэсяньшэнь сайсяньшэнь*), которые во время движения 4 мая 1919 года символизировали демократию и науку. Таким образом, китайские националисты, сталкиваясь с проблемой технологического и экономического превосходства Запада (воплощением которого для Ван Сяодуна являются США), даже в изменившихсяся

условиях продолжают давать рецепты столетней давности для решения этой проблемы.

Одновременно многие положения доктрины Ван Сяодуна демонстрируют сходство с некоторыми идеологическими установками Компартии Китая. Например, в докладе Ху Цзиньтао XVII съезду КПК в октябре 2007 г. также прозвучали идеи о необходимости “развивать великодержавное сознание”, осваивать собственные высокие технологии и усиливать модернизацию армии. Вполне вероятно, что некоторые из идей современных китайских националистов могут быть взяты правящей партией на вооружение, а их авторы — встроены в систему. По сути, этот процесс уже начался: один из соавторов Ван Сяодуна по книге “Путь Китая в тени глобализации”, занимающий пост замдиректора Института политологии Академии общественных наук КНР, был привлечен к написанию Белой книги “Строительство в Китае демократической политсистемы”⁴⁶.

1. *Москалев А.А.* Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. М., 2005.
2. *Ван Сяодун.* Тяньмин согуй ши даго. Нанкин, 2008.
3. Сведения о биографии Ван Сяодуна реконструированы нами на основе статей самого Вана и его упоминаний в Интернете, а также на работы У. Сюя и Джозефа Фьюсмита: *Wu Xu.* Chinese Cyber Nationalism. Lanham/Plymouth, 2007; *Fewsmith J.* China since Tiananmen. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
4. *Wu* 2007, pp. 32-33.
5. *Москалев А.А.* Указ. Соч. С. 183-186.
6. Чжаньлюэ юй гуаньли. 1996. № 1. О содержании опубликованных докладов см.: *Москалев А.А.* Указ. Соч. С. 186-190.
7. *Zhao Suisheng.* Nation-State by Construction. Dynamics of Modern Chinese Nationalism. Stanford, 2004. P. 140.
8. *Ши Чжун (Ван Сяодун).* Вэйлай дэ чунту // Чжаньлюэ юй гуаньли. 1993. № 1. сс. 46-50.
9. *Zhao Suisheng.* Op. cit. P. 140-141.
10. *Barmÿ G. R.* “To Screw Foreigners is Patriotic: China’s Avant-Gard Nationalists” // Chinese Nationalism. Armonk, NY, 1996. P. 183-208.
11. *Barmÿ.* Op. cit. P. 193-202.
12. *Ши Чжун (Ван Сяодун).* Сифанжэнь яньчжун дэ Чжунго миньцзучжуй // Чжаньлюэ юй гуаньли. 1996. № 1. С.46-50.
13. Остроумный разбор полемики Ван Сяодуна и Бармэ см.: *Gries P. H.* China’s New Nationalism: Pride, Politics and Diplomacy. Berkley, 2004. P. 10.
14. *Фан Нун, Ван Сяодун, Сун Цян.* Цюаньцюхуа иньин сядэ Чжунго чжи лу. Пекин, 1999. Основные идеи этой работы изложены в монографии Кристофера Хьюджеса и работе Чжо Суйшэна. Мы позволим себе опереться на эти работы при пересказе основных идей “Пути Китая”. См.: *Hughes C.R.* Chinese Nationalism in the Global Era. Abingdon: Routledge, 2006, pp. 111-115; *Zhao* 2004, pp. 152-155.
15. *Zhou Yongming.* Historicizing online politics: telegraphy, the Internet, and political participation in China. Stanford, 2006. P. 166-167.
16. *Zhao* 2004, p. 163.
17. *Jacues M.* The Future is China’s. Guardian, 25 March 2005.
18. Об этом он рассказал в глубинном интервью, проведенное У Сюем. См.: *Wu* 2007, p. 176.

19. При публикации в Интернете была разбита на две части. Доступна по адресу: www.cnd.org/HXWZ/CM96/cm9612a.hz8.html и www.cnd.org/HXWZ/CM96/cm9612a.hz8.html#2.
20. Подробную историю форума см.: Zhou 2006, pp. 147-154.
21. Zhou 2006, p. 167.
22. Адрес ресурса в Интернете: www.pen123.net.
23. Zhou 2006, pp. 165-171.
24. <http://www.blogchina.com/new/member/AB.html>; <http://www.yannan.cn/homepage/wangxiaodong.html>; <http://www.boxun.com/sixiang/wangxiaodong/wangxiaodong.htm>.
25. <http://blog.sina.com.cn/m/xwang>.
26. Wu 2007, p. 68.
27. Ван 2008. С. 281.
28. Там же.
29. Там же. С. 282.
30. Там же. С. 283.
31. Там же. сс. 241-279.
32. Там же. С. 242.
33. Там же. С. 18.
34. Там же. С. 29.
35. Чжунхуа чэньюй да цыдянь (Большой словарь китайских идеоматических выражений). Пекин, 2001. С. 990.
36. Ван 2008. С. 29-34.
37. Там же. С. 54.
38. Там же. С. 15.
39. Там же. С. 237-238.
40. Там же. С. 244.
41. Там же. С. 247.
42. Там же. С. 250.
43. Подробнее об этой концепции см.: Карнеев А. Пекинский консенсус вместо Вашингтонского? // Россия-Китай XXI век. 2007. Apr. С. 22-27.
44. Подробнее см.: Борох О., Ломанов А. Скромное обаяние Китая. // Pro et Contra. 2007. № 6 (39). С. 41-60.
45. Изложение националистических взглядов Лян Цичао и его современников приводится с опорой на: Москалев 2005. С. 5-39; Levenson J. R. Liang Ch'i-Ch'ao and the Mind of Modern China. Harvard, 1953.
46. Си Ин. Чжунго гаоцэн вэньдань (Новые фабрики мысли китайского руководства). — Ханчжоу, 2008. С. 233-240.

Теория и методология

Теория международных отношений с китайской спецификой: современное состояние и тенденции развития

© 2010

Чжан Жуйчжуан, А. Королев

Проанализировано состояние исследований в области международных отношений в Китае. Основной акцент сделан на развитии теории международных отношений (ТМО) с китайской спецификой, рассмотрены различные подходы ведущих китайских международных экспертов к вопросу создания китайской школы ТМО, проанализированы их теоретические разработки и выявлены возможные тенденции развития ТМО в Китае.

Ключевые слова: теория, китайская школа теории международных отношений.

По мере роста государственной мощи Китая, усиления его международных позиций и, как следствие, формирования нового социального и политического облика страны, произошли глубокие изменения в китайских общественных науках. Китайские ученые прилагают заметные усилия для осмысления содержания и процесса накопления академического знания. Благодаря этому китайская наука о международных отношениях превратилась в динамично развивающуюся академическую дисциплину. Международно-политические исследования в КНР начали входить в фазу "научной саморефлексии": китайские международники занялись активной работой по обобщению накопленного за прошедшие десятилетия материала, по выявлению резервов развития и "точек роста" китайской науки.

Начиная с 1990-х гг. вопросы "китаизации" теоретических исследований в области международных отношений в Китае, создания собственной "китайской школы", ее необходимости, и возможных путей формирования постепенно стали предметом целого ряда академических дискуссий, как в Китае, так и на Западе¹.

В июне 1991г. в Пекине прошла международная научная конференция "Вызовы на рубеже веков — развитие дисциплины международных отношений

Чжан Жуйчжуан, профессор Университета Нанькай, Тяньцзинь, КНР. E-mail: zhang@nankai.edu.cn

Королев Александр, студент Китайского университета Гонконга, КНР. E-mail: s0905651@cuhk.edu.

в Китае". В ходе конференции одной из важных тем обсуждения стал вопрос "китайской специфики" теории международных отношений, но к общему мнению участникам дискуссии прийти не удалось.

Тремя годами позже, в декабре 1994 г., в Пекине состоялась еще одна международная научная конференция "Китай и мир в XXI веке", где вопрос о "китайской специфике" международно-политических исследований в Китае вновь стал темой оживленных дискуссий.

В последующие годы на многочисленных политологических конференциях разного уровня вопрос китайской школы в теории международных отношений в Китае по-прежнему не сходил с повестки дня, порой становясь темой обсуждения целых секций. Среди наиболее значимых можно назвать конференцию "Теория международных отношений в Китае: сравнения и заимствования", организованную в декабре 2002 г. редакцией известного китайского научного журнала "*Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи*" ("Мировая экономика и политика").

Через два года, в декабре 2004 г., в Шанхайском университете Цзяотун прошла знаковая в своем роде конференция, посвященная непосредственно теории международных отношений. Название было недвусмысленно: "Строить китайскую теорию, создавать китайскую школу"².

Среди недавних событий следует назвать 5-ю конференцию Совета Китайской национальной ассоциации международных исследований (60 лет КНР: создание китайской теории МО), прошедшую в Уханьском университете в апреле 2009 г. Одной из главных тем обсуждения стала проблема создания китайской школы международных отношений.

В последние годы в рамках нового академического дискурса о китайской науке международных отношений был выдвинут ряд идей и формулировок, призванных отразить суть этой научной дисциплины. Так, профессор Лян Шоудэ (директор Центра исследований восточных и западных культур при Пекинском университете) предложил определение "международной политики с китайской спецификой" — "*Чжунго тэсэ дэ гоцзи чжэнчжи сюэ*"; профессор Мэй Жэнь (Институт международных отношений при Пекинском университете), Жэнь Сяо, Цинь Яцин и др. предпочитают говорить о "китайской школе МО" — "*Чжунго сюэтай*"; Ван Ичжоу, Ши Бинь (Центр изучения международных отношений при Нанкинском университете), Е Цычэн и другие ученые оперируют такими терминами, как "китайская перспектива анализа" — "*Чжунго шицзяо*", "китайские исследования МО" — "*Чжунгоши Таньсо*",³ "китайская сфера международных исследований" — "*Чжунго шице*"⁴.

В настоящее время среди китайских международников постепенно получает признание формулировка "*Чжунго сюэтай*" — "китайская школа"⁵, однако основные вопросы — какова необходимость в "китайской школе МО" и путем каких теоретических разработок и построений к ней можно прийти — остаются без однозначного ответа.

Содержание дискуссий о создании китайской школы МО

В целом, "китайская школа" — это обобщающее название, под которым подразумевается широкий спектр исследований в области МО, проводимых в Китае. Она еще не является зрелой и самостоятельной теоретической школой с присущей ей системой гипотез и теорией, способной объяснять причинно-следственные связи между двумя и более переменными в определенной области.

Не будет преувеличением утверждать, что МО как академическая отрасль, по большей части являются американской дисциплиной. Так, лидерство США в области международных отношений — это не только следствие их государственной мощи и влияния, но еще и прямой результат активных усилий американских академических кругов.

Китайские ученые, учитывающие этот контекст, высказываются за необходимость создания китайской школы ТМО и считают, что исследования международных отношений в крупном государстве не должны ограничиваться теоретическими заимствованиями, а напротив, должны иметь свою теоретическую базу и основываться на специфике этого государства. Следуя такой логике (неважно — отталкиваясь ли от государственных интересов или исходя из соображений научного самосознания), динамично возвышающийся Китай должен иметь свою теоретическую школу, в полной мере отражающую китайское видение международных отношений.

Так китайским международникам видится основная мотивация создания “китайской школы ТМО”, однако, по этому вопросу можно выделить приверженцев трех подходов. Во-первых, это сторонники (*чжичи пай*), отстаивающие важность создания китайской школы; во-вторых — это скептики (*чживэнь пай*), сомневающиеся в ее рациональности. Третий подход с эпистемологической точки зрения наиболее интересен — это кумулятивный подход (*лэйцзи пай*), предполагающий, что создание китайской школы возможно только путем надстраивания нового типа теорий на уже имеющийся фундамент (в данном случае западные ТМО).

1. Теоретические инициативы сторонников

Различных аргументов в пользу “китайской школы ТМО” достаточно много. Основной тезис о возможной китайской специфике в теории международных отношений строится на посылке о дуализме естественных и общественных наук, об их эпистемологической несводимости друг к другу.

Общественные науки отличаются от естественных не только степенью сложности, но и фундаментальной невозможностью достичь абсолютно объективных выводов. Теории международных отношений, кроме того, еще и имеют “государственную принадлежность”: ведь если существует “английская школа”, почему, по той же логике, не может быть китайской?⁶ Таким образом, сторонники создания китайской школы ТМО в качестве базовой теоретической установки принимают эпистемологический водораздел между общественными и естественными науками.

Профессор Лян Шоудэ, говоря о выдвигаемой им концепции “международной политики с китайской спецификой”, отмечает, что под “китайской спецификой” в данном случае понимается принцип “*лицзу Чжунго, мяньсян шицзе*” (буквально “смотреть в мир из Китая”). Применительно к теории МО это означает: исследовать законы эволюции и развития мировой политики, отталкиваясь от китайских национально-культурных основ⁷.

По мнению ученого, необходимость создания китайской национальной школы ТМО диктуется тем, что любые теории общественных наук должны соотноситься со страновым контекстом, в котором они применяются, и объяснять его. Китайская школа, таким образом, призвана внимательно изучать и объяснять смысл и направленность китайских общественно-политических процессов⁸. В качестве центральной концепции ТМО с китайской спецификой предлагается взять

“политику власти”⁹ “*цзяньли чжэнчжи*”, хотя мало говорится о том, как эта концепция будет работать и в чем ее специфика.

Профессор Мэй Жань из Института международных отношений при Пекинском Университете предпочитает формулировку “китайская школа”. Он отмечает, что, несмотря на высокий уровень научности американских разработок в области международных отношений, американские теории в основном обслуживают национальные интересы США и не могут ответить на вопросы, возникающие перед другими государствами. Поэтому китайские международники в своих исследованиях должны всеми силами стремиться к большей созидательности и меньшей зависимости от западной исследовательской мысли, чтобы в итоге создать свою китайскую школу, обращенную к центральным проблемам Китая¹⁰.

По мнению заместителя директора Института международных исследований при Фуданьском Университете профессора Жэнь Сяо, китайские международники должны внести свой особый вклад в развитие мировой науки о международных отношениях, стать производителями знаний и продвигать вперед исследовательскую разработку общемировых проблем. Для этого необходимо создать свою китайскую школу со своей теоретической парадигмой¹¹.

Ученый утверждает, что китайские исследователи обязательно должны изыскивать возможности создания новых методов анализа внешнего мира, генерировать новые импульсы развития своей собственной “китайской” теоретической парадигмы, а вслед за ней и системы теорий. В этом и заключается необходимость создания китайской школы ТМО¹².

Но создание своей теории вовсе не означает намеренного противопоставления своих разработок господствующим на западе теоретическим концепциям, стремления к какой-то надуманной уникальности или скатывания в изоляционизм и полное неприятие иных теоретических позиций. Нужно “стремиться к независимому исследовательскому подходу, избегать слепого копирования западных методов, не идти следом за другими, а иметь свой теоретический подход. В общем, внести свой собственный теоретический вклад”¹³.

Другой исследователь — Чжан Чжичжоу — поддерживает создание китайской школы по трем причинам. Во-первых, активное заимствование китайскими учеными западных теоретических концепций и подходов привело к фактической утрате “китайской сущности”, научные плюсы которой китайская школа должна будет выявить и возродить. Во-вторых, в современных китайских исследованиях МО налицо серьезная нехватка оригинальности и независимого видения исследовательской проблематики. В-третьих, китайские университеты и научные центры переполнены дублирующими друг друга работами методологически низкого качества. Именно поэтому китайские исследования в области международных отношений стали не источником китайской теории, а полигоном борьбы для конкурирующих западных теорий.

Чжан Чжичжоу также критически отмечает, что китайское сообщество международников не способно обеспечить надежный и эффективный аналитический тыл для стратегии мирного возвышения Китая. Поэтому китайским ученым необходимо создать свою собственную школу, берущую в качестве отправной точки исследований китайскую проблематику. Но автор, говоря о таком прикладном аспекте исследований, как научная поддержка стратегии развития Китая, почему-то трактует китайскую школу как “школу философии международных отношений” — *гоцзи чжэнчжи чжесюэ дэ чжунго сюэтай*¹⁴.

Можно заметить, что рассмотренные аргументы сторонников создания китайской школы ТМО редко выходят за рамки общих рассуждений об ее необходимости. Гораздо более содержательными являются работы профессора Цинь Яцина, который провел более глубокий и систематический анализ различных подходов к идее создания ТМО с китайской спецификой в своих теоретических исследованиях.

Пытаясь следовать методологическим установкам Имре Лакатоса, Цинь Яцин предпринял смелую попытку определить и ядро китайской теории международных отношений. Ученому удалось обрисовать теоретически многообещающие области исследования, которые в будущем, при условии детальной проработки, позволят выдвинуть новую, отличную от существующих на Западе исследовательскую программу.

Цинь Яцин утверждает, что китайская школа ТМО должна обладать двумя характеристиками: 1) опираться в своих установках на геополитически-обусловленную стратегическую культуру Китая; 2) по мере своего развития она должна обрести универсальность и не ограничиваться рамками одного государства¹⁵. Ученый полагает, что основным отличительным признаком новой китайской школы ТМО должно стать появление новых центральных гипотез (жесткого ядра). Формулировать эти гипотезы предстоит на основе анализа китайской реальности.

Поскольку теоретические основы общественных наук и человеческая деятельность — это “близнецы”, которые находятся в непрерывном процессе взаимодействия и взаимовлияния, то та социальная трансформация, которую на протяжении многих лет переживает Китай, вполне вероятно, может стать плодородной почвой для новых гипотез¹⁶. Цинь Яцин выделяет три потенциальных источника теоретического прогресса.

Во-первых, глубокие философские традиции, основанные на терминах *Тянься* (Поднебесная) и *Чаогун Тиси* (податная система сбора дани). Здесь ученый усмотрел эпистемологические преимущества перед западными теориями, а именно: холистический подход, роль моральных принципов и институциональный порядок. Эпистемологический холизм *Тянься*, рассматривающий весь мир как единое целое и исключая противопоставление индивидуального “Я” обществу, дает возможность преодоления бинарного мышления западных теоретиков, видящих все в формате дуалистических противоположностей. Вытекающие из *Тянься* моральные принципы *Датун* (идеальный мир гармонии) и институциональная организация *Чаогун Тиси*, как видится Цинь Яцину, содержат смысловые импульсы, которые могут продвинуть вперед современную дискуссию о мировом государстве¹⁷. По мнению ученого, в современном глобализирующемся мире, где страны становятся все более зависимыми друг от друга, а основополагающее понятие большинства западных теорий — понятие “государственной мощи” — становится все менее определенным, такое глобально-нормативное видение системы мира может способствовать развитию ТМО.

Во-вторых, революционные идеи и практики трактуются как важные источники будущей китайской теории международных отношений. Теоретизирования Мао Цзэдуна об “объединенном фронте”, “односторонней политике” и “концепции трех миров” обозначили четкую разграничительную линию между “мы” и “они” или между “друзьями” и “врагами”. Стратегия Мао Цзэдуна основывалась на различении трех категорий: “мы”, “союзники” и “враги”. “Мы” должны были объединить наших “союзников” против нашего “врага”. На внутригосудар-

ственном уровне Мао декларировал существование различных классов: некоторые из них были союзниками, а некоторые — врагами. На уровне международных отношений ситуация виделась аналогично: концепция трех миров фактически обосновывала различие между “нами”, “союзниками” и “врагами”. Таким образом, в идеях Мао помимо сильного влияния марксистской теории о непримиримой классовой борьбе можно усмотреть диалектическую схему “тезис—антитезис—синтез”, что может использоваться при создании новых китайских теорий.

В-третьих, немаловажную роль в формировании новых теоретических подходов может сыграть опыт вхождения Китая в международную систему. Сама идея присоединения к международному сообществу и практический опыт Китая может дать новый толчок развитию китайской школы ТМО¹⁸. На протяжении последних 150 лет основной проблемой, которую Китай активно пытался решить, была проблема международного признания. Сейчас быстрое развитие Китая, его радикальная трансформация в общественной сфере, глубокие изменения в системе ценностей китайского общества позволяют впервые успешно разрешить проблему отношений между китайским государством и международным сообществом. Этот опыт уникален и может стать богатым эмпирическим ресурсом для развития китайских теорий международных отношений.

Итак, основные причины создания китайской школы ТМО — это стремление китайских ученых изменить положение дел в китайском сообществе международных, преодолеть влияние западных схем анализа, понизить зависимость от господствующих на Западе теоретических концепций и уделить большее внимание изучению реальностей современного Китая. Другими словами, китайские исследователи пытаются преодолеть “парадигму освоения”¹⁹, прийти к созданию собственных теорий и внести свой вклад в развитие глобальной науки о МО.

Таковы взгляды ученых, условно принадлежащих к группе *чжичи пай* (сторонники). Они не отражают всех нюансов и аспектов дискуссии по данному вопросу, поэтому для более полного анализа необходимо рассмотреть и противоположные подходы.

2. Подход представителей скептиков

В китайском сообществе международных есть ученые, которые не поддерживают открыто создание китайской школы или относятся к ней крайне скептически. В отличие от *чжичи пай* (сторонников), которые, как было отмечено выше, исходят из дуализма естественных и общественных наук, отправной точкой скептиков является эпистемологический монизм, согласно которому кажущиеся различными общественные и естественные науки сводятся к единому эпистемологическому началу.

Эти ученые в своих исследовательских подходах часто выступают как крайние позитивисты, практикующие эмпирические исследования и отрицающие познавательную ценность нормативных подходов. Они утверждают, что поскольку нет китайской физики, экономики, математики, то нет и причин создавать китайскую школу ТМО. Наука едина, а существующие объективные законы и закономерности неизменны во времени и пространстве.

Ключевой фигурой выступает директор новой кафедры международных отношений университета Цинхуа профессор Янь Сюэтунь, написавший известную в Китае книгу “Анализ национальных интересов Китая”. Ученый

утверждает, что общественные и естественные науки едины. Цель их заключается в поиске универсальных законов природы и общества.

Двумя основными критериями научной теории являются универсальность (объективность теоретического знания) и повторяемость (законы, предсказываемые теорией, должны повторяться в пространстве и времени). Теория международных отношений, которая видится как теория научная, тоже должна быть универсальной и не иметь государственной принадлежности. В связи с этим китайский вариант ТМО в какой-либо форме не только не рекомендуется, но и в принципе невозможен²⁰. Таким образом, говорить об основании китайской школы, которая имела бы какое-то особое теоретическое содержание, не вполне оправданно.

Схожего подхода придерживается молодой китайский исследователь Лу Пэн, в настоящее время докторант кафедры политологии Университета Эксетера в Великобритании. Он отмечает, что необходимость в китайской школе ТМО появится только тогда, когда имеющиеся в настоящее время теории после их переработки и интерпретации китайскими учеными окажутся неспособными объяснить внешнеполитическую практику Китая²¹. По его мнению, такую способность современные теории не потеряли и вполне работают применительно к китайской реальности.

3. Взгляды приверженцев кумулятивного подхода

Помимо сторонников и скептиков существуют приверженцы третьего подхода — кумулятивного. Его представители утверждают, что развитие научных теорий — это поступательное движение, где каждый последующий шаг в пополнении знаний делается с опорой на предыдущие достижения. Теории развиваются постепенно, а не “выдвигаются” под влиянием лозунгов о национальной специфике.

Согласно этому подходу, современные исследования в области международных отношений в Китае уже прошли до-теоретическую фазу простого описания политической практики, однако говорить о появлении новых теорий преждевременно. На данном этапе самым важным является создание качественных и методологически строгих исследований. Самыми влиятельными представителями этого подхода являются профессор Чжан Жуйчжуан (Университет Нанькай), Ван Ичжоу (Институт мировой экономики и политики АОН), Су Чжанхэ (Центр американских исследований Фуданьского университета).

Профессор Чжан Жуйчжуан, который в конце 1980-х гг. был докторантом у одного из патриархов американской политологии Кеннета Уолтца, известен в китайских академических кругах как резкий критик псевдонаучности. Он не отрицает существования существования специфически китайской теоретической школы международных отношений. Однако ученый не приемлет существующего подхода к проблеме. Чжан Жуйчжуан согласен с теми учеными, которые утверждают, что “превзойти старое и основать новое” — это единственный путь создания нового, но если мы говорим о построении новых теоретических парадигм, то на этом пути необходима большая, тяжелая и кропотливая работа.

Креативная и оригинальная мысль должна быть, прежде всего, профессиональной. Только тогда она будет конструктивной и только тогда возможны новые прорывы. По мнению профессора Чжана, необходимо следовать принципу *юди фанши* (пускать стрелу, имея перед собой цель). Другими словами, надо бить по слабым местам и проблемным зонам существующих на Западе теоретических

подходов. Это требует от исследователей не просто знакомства с уже имеющимися учениями и теориями, но и глубокого овладения ими. “Чтобы не стать предметом насмешек “знатоков”, нельзя гнаться за сиюминутным успехом и, пуская в глаза пыль, победно заявлять об основании какой-либо школы”²².

Профессор Чжан отмечает, что в современной истории развития политической науки существует только один пример успешного вхождения ученых из развивающихся стран со своими теориями в мировой политологический мейнстрим — это пример латиноамериканских школ сравнительной политологии и международной политэкономии. Их опыт не стоит игнорировать.

В латиноамериканском опыте Чжан Жуйчжуан выделяет два важных момента. Во-первых, латиноамериканские школы компаративистики и международной политэкономии не были “созданы” по чьему-то желанию, а постепенно выкристаллизовались в результате непрерывных усилий и скрупулезной работы ученых. В результате практикуемые учеными подходы стали общепризнанными, что и свидетельствует о появлении своей “школы”.

Во-вторых, успех латиноамериканской школы появился не из неприятия и страха перед традиционными западными учениями, а в результате уверенного и повсеместного их использования. В процессе заимствования и критики западных подходов и методик появились зачатки новых идей и методов, которые впоследствии превратились в новые теории²³. Эти два момента, как утверждает ученый, являются поучительными примерами для современных китайских исследователей в области международных отношений.

Схожей точки зрения придерживается профессор Ван Ичжоу, который утверждает, что теоретическую школу нельзя спроектировать по плану. Она может возникнуть только тогда, когда в процессе развития теории созревают необходимые условия для ее появления. Ученый полагает, что сама формулировка “китайская школа” имеет идеологическую окраску и неблагоприятна для развития научных исследований. Более того, китайские исследователи в области международных отношений пока что не сделали никакого ценного вклада в развитие академической дисциплины международных отношений, поэтому право академического голоса крайне ограничено, а говорить о китайской школе ТМО чересчур рано²⁴.

Сам профессор Ван Ичжоу использует формулировку “*Чжунго шицзяо*” (китайская перспектива, или угол анализа). Ученый полагает, что основной акцент в развитии китайской науки о международных отношениях должен быть сделан на прикладных исследованиях. Вместо того, чтобы браться за фундаментальные теоретические вопросы, лучше сфокусировать внимание на так называемых *case studies* — методах эмпирического анализа конкретных ситуаций. Основательные и методологически аккуратные эмпирические исследования, нацеленные на решение узких и конкретных проблем, могут достичь новых теоретических обобщений, что, в свою очередь, будет означать развитие теории²⁵. Таким образом, предлагается путь развития теории посредством решения конкретных вопросов.

Профессор Су Чжанхэ, еще один участник дискуссии, указывает на то, что развитие академической дисциплины и, тем более, своей теоретической школы — результат процесса длительного накопления знаний в ходе многочисленных академических дискуссий. Своя теоретическая школа не может появиться в короткий промежуток времени. На самом деле, как полагает ученый, призывы побыстрее создать свою теоретическую школу “свидетельствуют о нашем недо-

вольстве и даже раздражении тем фактом, что мы не имеем своих теорий. Отсюда и торопливость, и нетерпимый подход”²⁶.

Когда научная дисциплина находится в начальной фазе развития, чрезмерные противопоставления “нашей” и “не нашей” науки не только бесполезны для зарождения китайской школы ТМО, но могут привести к ненужным псевдонаучным дискуссиям между различными, еще четко не оформившимися в теоретическом плане группами исследователей. Все это будет не способствовать, а наоборот, только препятствовать здоровому развитию дисциплины²⁷. Теоретическая школа не может быть самопровозглашенной, она должна быть признана широким международным академическим сообществом. Если основной целью является приумножение и развитие знания, а не создание “школ”, разве нельзя обойтись без “школы”?

Таким образом, в дискуссии в китайских академических кругах, касающейся создания китайской теоретической школы международных отношений, мнения настолько отличаются друг от друга, что консенсус не может быть достигнут. Отсюда вытекает другой, более важный вопрос: возможна ли с точки зрения развития теоретического знания теория международных отношений с китайской спецификой?

Потенциальные пути формирования ТМО с китайской спецификой

Появление “своей” теоретической школы имеет определенные предпосылки, самой важной из которых является наличие репрезентативной теории. Фундаментом такой теории должна стать первичная концепция. Такая концепция, как правило, имеет высокий уровень абстракции и лишь намечает общее проблемное поле. (Примером такой концепции является концепция “международного общества” английской школы ТМО). Затем вокруг общей базовой концепции должны выстраиваться более конкретные и имеющие потенциал развития теории среднего уровня²⁸.

Без своей теории китайская школа ТМО — всего-навсего воздушный замок. Именно поэтому создание своей оригинальной теории стало основной задачей, стоящей перед китайскими международниками на пути создания китайской школы²⁹. Цинь Яцин, Жэнь Сяо, Су Чжанхэ и другие ученые предприняли различные исследования и дали ряд рекомендаций, направленных на решение этой задачи.

1. Проблемно-ориентированный подход

Для создания новой теории, прежде всего, необходимо иметь четкое осознание той проблемной зоны, которую теория должна объяснить. Затем важно сформулировать центральные исследовательские вопросы, попытаться оформить концепции и определить характер отношений между этими концепциями.

Ученые Жэнь Сяо и Су Чжанхэ предупреждают о том, что китайским исследователям, работающим в области международных отношений, необходимо иметь четкое осознание нуждающихся в исследовании проблем: “Не можем же мы проблемы и те импортировать из-за границы”³⁰.

Китайские исследования в области международных отношений уже прошли фазу поглощения и переваривания западных теорий. Но для того, чтобы Китай смог иметь свой независимый и влиятельный голос в международных академических дискуссиях, необходимо уметь обнаруживать и ре-

шать конкретные исследовательские проблемы, что позволит в итоге выдвинуть свою концепцию и теорию³¹.

Профессор Цинь Яцин проанализировал этот вопрос и пришел к выводу, что в настоящий момент китайское сообщество международных по-прежнему не имеет своей оригинальной теории, которая позволила бы заявлять о своей теоретической школе. Как отмечает ученый, “оригинальная теория” подразумевает нечто гораздо большее, чем повсеместно проводимые в Китае эмпирические тестирования уже имеющихся теорий или объяснения реальности на основе использования этих теорий, какими бы качественными проведенные исследования не были.

Оригинальная теория — это совокупность предположений, гипотез и концепций, сложившихся на основе закономерно повторяющихся событий в какой-либо конкретной, порой даже узкой, проблемной области реального мира. Такая теория должна формировать свой, отличный от других теорий, научный дискурс и обладать универсальностью. Главная причина того, почему сейчас нет такой теории — это отсутствие центрального теоретического вопроса³².

Такой вопрос, по мнению ученого, должен удовлетворять трем условиям. Во-первых, быть специфическим (оригинальным); во-вторых, иметь теоретическое значение; в-третьих, иметь дело с закономерными явлениями. Постановка центрального вопроса представляется обязательным условием развития теоретической школы. Например, центральным вопросом большинства американских теорий МО является *бацюань взйху* (сохранение американской гегемонии). Центральный вопрос английской школы — это процессы формирования и развития “международного общества”. Для китайской школы центральным теоретическим вопросом, требующим осмысления, должен стать вопрос вхождения возвышающегося Китая в современное международное сообщество и его становление как полноправного актора международной политики³³.

За этим центральным вопросом следуют другие, более конкретные: может ли Китай мирно влиться в современную международную систему? Какие условия могут способствовать этому мирному вхождению, и какой смысл имеет понятие “ответственного участника” международного сообщества для Китая?

Эти и другие более конкретные вопросы, тесно связанные с центральным вопросом вхождения Китая в мировое сообщество, должны стать отправной точкой развития ТМО с китайской спецификой и, следовательно, быть важной частью формирующейся повестки китайских исследований в области международных отношений.

2. Конкретные пути и попытки формирования китайской школы ТМО

Ученые, которые сегодня активно пытаются развивать теорию международных отношений с китайской спецификой и таким образом формировать китайскую школу, предлагают три пути, которые, как они считают, помогают с различных позиций решать проблему создания новой теории.

Первый путь подразумевает опору на неамериканский опыт развития теории международных отношений. Для этого Жэнь Сяо, Ши Бинь и другие ученые предлагают детально исследовать опыт английской школы ТМО, понимание механизмов развития которой, по их мнению, поможет осознать процесс формирования неамериканской модели ведения международных политических исследований и разработки своих подходов. Полезный опыт может быть заимствован и использован при создании китайской школы³⁴.

Согласно второму пути, американский опыт исключать не надо, но и ограничиваться им было бы неправильно; необходимо исходить из модели развития западной науки в целом. Отслеживая эволюцию различных теорий и анализируя соперничество между различными теоретическими школами в ходе этой эволюции, ученые должны выявить роль общественных и исторических факторов, определяя, как общественные процессы в истории влияли на развитие научных теорий и обуславливали выдвижение определенных теорий на передовые позиции в науке, что позволяло теориям сохранять свою значимость или быть опровергнутыми. Цинь Яцин и другие ученые поддерживают этот путь. Цинь Яцин, анализируя процессы развития ТМО в Англии и Америке, пытается выявить общую логику формирования оригинальных теорий и применить ее для развития китайской школы ТМО.

Третий путь — путь синтеза: за отправную точку развития предлагается брать китайский вариант марксистской теории и новый практический опыт китайской дипломатии. Вместе с тем, следует в полной мере использовать уже имеющиеся методы исследования международных отношений, обогащая их соединением с элементами традиционной китайской политической культуры.

Такой путь поддерживают Лян Шоудэ, Е Цзычэн и другие ученые³⁵. Профессор Юй Чжэнлянь (Шанхайский университет Цзяотун, Центр изучения международных отношений) тоже выступает за этот путь. Он полагает, что существуют четыре основных теоретических источника развития китайской системы теории международных отношений: 1) марксистская теория и в особенности ее проекция на международные отношения; 2) новые достижения китайских исследований в области ТМО и практический дипломатический опыт КНР; 3) глубокие культурные традиции китайской цивилизации; 4) уже имеющиеся зарубежные теории МО³⁶.

В рамках третьего пути Цинь Яцин предпринял попытку сформулировать оригинальную теорию. Ученый, отталкиваясь от основных идей конструктивизма в вэндтовском исполнении³⁷, попытался имплантировать два важных для китайской общественной культуры понятия — *гуаньси* (отношения) и *гочэн* (процесс) в теорию международных отношений и выдвинул сложную теоретическую конструкцию под названием “конструктивизм процесса” — *гочэн цзяньгоучжуи*.

Цинь Яцин утверждает, что все три основные школы западных ТМО — структурный реализм, неолиберализм и конструктивизм — имеют один общий недостаток: они игнорируют состояние “процесса” в международной системе и сложные “отношения” в рамках мирового сообщества. Другими словами, ученый видит эти теории статичными. Статичность предлагается преодолеть путем внедрения понятий “процесс” и “отношения” в качестве новых независимых переменных.

Если центральным понятием индивидуализированного западного общества является “рациональность” (она же выступает основой многих западных теорий), то для китайской общественной культуры таким центральным понятием являются *гуаньси* (отношения), которые лежат в основе процесса. Таким образом, в китайском контексте понятия *гуаньси* (отношения) и *гочэн* (процесс) имеют постоянное и неизменное содержание (как рационализм в контексте западном) и, следовательно, могут выступать в качестве независимых переменных.

Но если концепция “рациональности” достаточно четко определена и уже лежит в основе ряда теорий под общим названием *rational choice theory* (теории рационального выбора), то понятия “процесс” и “отношения” еще не-

обходимо подвергнуть тщательной концептуализации, определить их природу и взаимосвязь.

Пока что Цинь Яцин утверждает только то, что между “процессом” и “отношениями” имеется неразрывная связь. Отношения лежат в центре процесса, который видится как своего рода “отношения в движении”. Цинь Яцин убежден, что если удастся применить “отношения” и “процесс” как независимые переменные, то можно будет сформулировать новые гипотезы отношений процесса, узнать, что движет процессом и какова его роль в международных отношениях.

Попытки Цинь Яцина концептуализировать понятия “процесс” и “отношения” и дополнить ими уже существующие теории, безусловно, способствуют развитию новой теории, однако, по мнению некоторых ученых, лишь в качестве эффективных умственных упражнений. К тому же подход Цинь Яцина наталкивается и на острую критику.

Профессор Чжан Жуйчжуан указывает на то, что объектом исследования международных отношений, т.е. зависимой переменной, естественным образом являются “отношения”. Теория международных отношений называется теорией международных отношений потому, что объясняет именно “отношения”. Если представить “отношения” как независимую переменную, то она должна будет объяснять саму себя. Тогда мы придем к очевидной тавтологии, не имеющей смысла. Более того, как утверждает профессор Чжан, теория — это высокоабстрактное объяснение причинно-следственных связей в определенной области. Любые детали и характеристики процессов, на которых предлагает фокусировать внимание Цинь Яцин, могут быть только объектом описания и не могут стать теоретическими категориями, поэтому эта попытка противоречит основным принципам теории и логики.

Заключение

Для того, чтобы создать китайскую школу ТМО (если это возможно в принципе), необходимо ответить на ряд вопросов. Во-первых, насколько это разумно и легитимно с точки зрения приращения нового знания? Во-вторых, в чем будет заключаться “жесткое ядро” китайской теории международных отношений, каким будет ее центральный вопрос? В-третьих, как использовать традиционную китайскую политическую культуру и содержащиеся в ней знания для развития китайской школы ТМО?

Неважно, будет ли результатом текущих дискуссий какой-то особый китайский вклад в общее развитие теории международных отношений, или же ученым удастся основать непосредственно китайскую школу ТМО — все это будет отражать активную работу и практические усилия китайских ученых. Сейчас пока сложно делать окончательные выводы. Однако из проведенного в данной работе анализа видно, что исследования в области международных отношений в Китае за последние годы вышли на качественно новый теоретический уровень и продолжают активно развиваться.

Новая российская наука о международных отношениях решает, отчасти, схожие задачи дистанцирования от исключительно западных исследовательских и теоретических матриц. Российским ученым удалось создать “сеть” международников, в центре которой находится Научный образовательный форум по международным отношениям (НОФМ), и к этой сети хотят подключиться многие молодые исследователи.

В то же время о тенденциях теоретического поиска китайских коллег в России знают мало. Одна из главных причин — это языковой барьер: особый научный язык и новый академический дискурс, сформировавшийся в Китае в результате многолетнего освоения западных концепций. Необходимо преодолевать этот барьер и налаживать более активный научный диалог между исследователями из России, Китая и других незападных стран, переживающих периоды общественно-политической трансформации. Возможно, именно это и будет способствовать преодолению “парадигмы освоения” западных концепций.

1. За последние годы среди множества англоязычных работ, посвященных данному вопросу, можно выделить следующие: *Acharya A, and Buzan B.* Preface: Why is there no non-Western IR theory: reflections on and from Asia // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2007. Vol. 7. P. 285–286; *Callahan W.A.* Nationalizing International Theory: The Emergence of the English School and IR Theory with Chinese Characteristics // A paper presented at International Studies Association. Portland (Oregon). 2003. February; *Wang Jisi.* International Relations Studies in China Today: Achievements, Trends, and Conditions // A Report to Ford Foundation, Institute of American Studies, Chinese Academy of Social Sciences. 2005; *Snyder J.* Some Good and Bad Reasons for a Distinctively Chinese Approach to International Relations Theory // A paper prepared for delivery at the 2008 Annual Meeting of the APSA. 2008. August 28-31; *Wang Yuan-kang.* The Case against Chinese Exceptionalism: Confucian Culture and the Use of Force // Paper prepared for delivery at the Annual Meeting of the APSA in Boston. 2008. August 28-31; *Qin Yaqing.* Why Is There No Chinese International Relations Theory? // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2007. Vol. 7. P.313—340.; *Kang D.C.* Getting Asia Wrong: The Need for New Analytical Frameworks // *International Security*. 2003. Vol. 27. No. 4. P. 57-85.
2. Профессор Го Шуюн в заключительном слове после конференции отметил: “В основу этой конференции лег 25-летний теоретический поиск в сфере международных отношений. Целью конференции была попытка продвинуть вперед теоретическое строительство, сутью которого должна стать наша китайская специфика. Необходимо сохранить центральный компонент марксистской мысли о международных отношениях, но в то же время пытаться извлечь “рациональное ядро” реализма, нео-институционализма, конструктивизма и других западных научных теорий. При этом нельзя утратить квинтэссенцию выдающейся китайской культуры и ее теоретический потенциал. Нужно активно отслеживать события, происходящие на международной арене в новом столетии. Наша конференция стала смелой попыткой преодолеть копирование западных теорий и попытаться перевести гуманитарную науку на китайскую основу. Все это должно стимулировать вхождение китайской теории международных отношений в новый этап своего развития”. Пер. Королева А., оригинал текста Го Шуюн: “Цуаньго гоцзи гуаньси лилунь яньтаоху эй цзай Шанхай цзяода национальная конференция, посвященная теории международных отношений”. — <http://www.irchina.org/news/view.asp?id=706>.
3. *Ши Бинь.* Гоцзи гуаньси лилунь ‘Чжунго ши таньсо’ дэ цзи гэ цзибэнь вэньти [Несколько базовых вопросов о китайских исследованиях МО] // *Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи* [Мировая экономика и политика]. 2004. № 5. С. 8—13.
4. *Е Цзычэн.* Гоцзи гуаньси яньцзю чжун дэ Чжунго шице [Китайский взгляд на исследования в области международных отношений] // *Вайцзю пинлунь* [Дипломатическое обозрение]. 2005. № 3. С. 64—71.
5. В дальнейшем термины “китайская школа ТМО” и “теория международных отношений с китайской спецификой” употребляются как тождественные. В данной работе эти

- термины означают не просто исследования международных отношений в Китае, а наличие в Китае своей, отличной от западных, научной теории, способной объяснять процессы и законы международных отношений. Поэтому вопрос создания китайской школы, по сути, является вопросом развития научной теории с китайской спецификой.
6. *Жэнь Сяо*. Сян Иньго сюэпай сюэзи [Учась у английской школы] // Шицзе цзинци юй чжэнчжи [Мировая экономика и политика]. 2003. № 7. С. 70—71.
  7. *Лян Шоудэ, Хун Иньсянь*. Гоцзи чжэнчжи сюэ гайлунь [Введение в теорию международной политики]. Пекин, 2000. С. 31—33.
  8. Там же. С. 42.
  9. *Лян Шоудэ*. Чжунго гоцзи чжэнчжи сюэ лилунь цзяньшэ дэ таньсо [Исследование строительства китайской теории международной политики] // Шицзе цзинци юй чжэнчжи [Мировая экономика и политика]. 2005. № 2. С. 17—18.
  10. *Мэй Жань*. Гай бу гай ю гоцзи чжэнчжи лилунь дэ Чжунго сюэпай: цзяньпин Мэйго дэ гоцзи чжэнчжи лилунь [Нужна ли китайская школа ТМО — анализ американских теорий] // Гоцзи чжэнчжи яньцзю [Исследования международной политики]. 2000. № 1. С. 63—64.
  11. *Жэнь Сяо*. Цзоу цзичжу фачжань чжи лу — чжэнлунь чжун дэ “Чжунго сюэпай” [Идти своим путем развития — дискуссии о “китайской школе” МО] // Гоцзи чжэнчжи яньцзю [Исследования международной политики]. 2009. № 2. С. 22.
  12. *Жэнь Сяо*. Лилунь юй гоцзи гуаньси лилунь: исе сыкао [Теория и теория международных отношений: некоторые размышления] // Оучжоу [Европа]. 2000. № 4. С. 24.
  13. Там же. С. 25.
  14. *Чжан Чжичжоу*. Гоцзи гуаньси сюэпай дэ Чжунго цзиньлу — цзяньлунь гоцзи гуаньси яньцзю дэ чженцэсин хэ сюэшусин [Китайский путь к теории международных отношений — анализ фундаментальных и прикладных подходов к исследованиям] // Гоцзи чжэнчжи яньцзю [Исследования международной политики]. 2009. № 3. С. 75—78.
  15. *Цинь Яцин*. Гоцзи гуаньси лилунь Чжунго сюэпай шэнчэн дэ кэнэн хэ бижань [Возможность и необходимость создания китайской школы ТМО] // Шицзе цзинци юй чжэнчжи [Мировая экономика и политика]. 2006. № 3. С. 9.
  16. *Qin Yaqing*. Why Is There No Chinese International Relations Theory? // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2007. Vol. 7. P. 329.
  17. Современные дискуссии о “мировом государстве” или “мировом правительстве” перешли в плоскость телеологии. В этом плане интересна работа Александра Вэндта, который трактует появление мирового государства как телеологическую неизбежность. См.: *Wendt A. Why a World State is Inevitable* // *European Journal of International Relations*. 2003. Vol. 9(4). P. 491—542.
  18. *Цинь Яцин*. Гоцзи гуаньси лилунь Чжунго сюэпай шэнчэн дэ кэнэн хэ бижань [Возможность и необходимость создания китайской школы ТМО] // Шицзе цзинци юй чжэнчжи [Мировая экономика и политика]. 2006. № 3. С. 7—13.
  19. Меткий термин “парадигма освоения” был введен известным российским политологом А.Д. Богатуровым для выражения состояния постсоветского общественознания в целом и науки МО в частности. См.: *Богатуров А.Д. Десять лет парадигмы освоения* // *Pro et Contra*. 2000. Т. 5. № 1. Как нам кажется, в какой-то мере этот термин применим и для описания китайской науки МО на современном этапе.
  20. *Янь Сюэтин*. Гоцзи гуаньси лилунь ши пушисин дэ [Теории международных отношений универсальны] // Шицзе цзинци юй чжэнчжи [Мировая экономика и политика]. 2006. № 2. С. 1.
  21. *Лу Пэн*. Чуанцзянь Чжунго гоцзи гуаньси лилунь сы чжун туцзин дэ фэньси юй пинцзя [Анализ и оценка четырех путей создания китайской теории международных отношений] // Шицзе цзинци юй чжэнчжи [Мировая экономика и политика]. 2006. № 4. С. 59.
  22. *Чжан Жуйчжуан*. Вого гоцзи гуаньси сюэкэ фачжань цуньцзай дэ жогань вэньти [Некоторые вопросы развития науки о международных отношениях в Китае] // Шицзе цзинци юй чжэнчжи [Мировая экономика и политика]. 2003. № 5. С. 71.

23. Там же. С. 70—73.
24. Ван Ичжоу. Чжунго Гоцзи чжэнчжи яньцзю дэ цзи гэ вэньти [Несколько вопросов об исследованиях международной политики в Китае] // Оучжоу [Европа]. 1998. № 3. С. 28—30.
25. Ван Ичжоу. Чжунго гоцзи гуаньси яньцзю (1995—2005) [Китайские исследования международных отношений (1995—2005)]. Пекин, 2006. С. 16.
26. Су Чжанхэ, Пэн Чжаочан. Чжунго гоцзи гуаньси лилунь дэ пинькунь — Дуи цзинь 20 нянь лай гоцзи гуаньси сюэ цзай чжунго дэ фаньсы [Скудость китайских теорий международных отношений — рефлексии о международно-политических исследованиях в Китае за последние 20 лет] // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи [Мировая экономика и политика]. 1999. № 2. С. 19.
27. Там же. С. 21.
28. Жэнь Сяо. Лилунь юй гоцзи гуаньси лилунь: исе сыкао [Теория и теория международных отношений: некоторые размышления] // Оучжоу [Европа]. 2000. № 4. С. 24.
29. Цинь Яцин. Чжунго гоцзи гуаньси лилунь яньцзю дэ цзиньбу юй вэньти [Достижения и проблемы в исследованиях теории международных отношений в Китае] // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи [Мировая экономика и политика]. 2008. № 11. С. 21—23.
30. Жэнь Сяо. Гоцзи вэньти яньцзю дуаньсянь [Неполноценность исследований международных отношений] // Гоцзи гуаньча [Международное обозрение]. 1998. № 4. С. 51—53; Су Чжанхэ. Вэньти юй Сысян: Цзайтань гоцзи гуаньси яньцзю цзай Чжунго [Проблемы и мысли: вновь об исследованиях в области международных отношений в Китае] // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи [Мировая экономика и политика]. 2003. № 3. С. 29.
31. Су Чжанхэ. Вэйшэньмо мэю Чжунго дэ гоцзи гуаньси лилунь [Почему нет китайской теории международных отношений] // Гоцзи гуаньча [Международное обозрение]. 2005. № 4. С. 28.
32. Цинь Яцин. Гоцзи гуаньси лилунь дэ хэсинь вэньти юй Чжунго сюэпай дэ шэнчэн [Центральный вопрос теории международных отношений и развитие китайской школы] // Чжунго шэхуэй кэсюэ [Общественные науки Китая]. 2005. № 3. С. 165—166.
33. Там же. С. 174—176.
34. Жэнь Сяо. Сян Инго сюэпай сюэси [Учась у английской школы] // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи [Мировая экономика и политика]. 2003. № 7. С. 70—71; Жэнь Сяо. Гуанцзянь цзайюй Чжунго тэсин — Е тань инго сюэпай цзи цита [Главный вопрос о китайской особенности — дискуссии об английской и других школах] // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи [Мировая экономика и политика]. 2009. № 1. С. 71—72; Ши Бинь. Гоцзи гуаньси яньцзю “Чжунгохуа” дэ чжэнлунь [Дискуссии о китаизации исследований международных отношений] // Ван Ичжоу. Чжунго гоцзи гуаньси яньцзю (1995—2005) [Китайские исследования международных отношений (1995—2005)] / Пекин, 2006. С. 259.
35. Е Цзычэн. Гоцзи гуаньси яньцзэ чжун дэ Чдунго шиэ [Китайский подход к исследованиям международных отношений] // Вайцзю Пинлунь [Дипломатическое обозрение]. 2005. № 3. С. 64—71.
36. Юй Чжэнлянь: Цзяньгоу Чжунго гоцзи гуаньси лилунь — Чуанцзянь Чжунго сюэпай [Выстраивая китайскую теорию международных отношений — развивая китайскую школу] // Шанхай Цзюотун дасюэ сюэбао [Вестник Шанхайского университета Цзюотун]. 2005.
37. Александр Вэндт применил идеи социального конструктивизма для анализа сферы международных отношений. Согласно его теории, основные силы международных отношений, даже такие реалистичные, как политика, являются социально зависимыми, т.е. представляют собой систему конструктов, порождаемых самими факторами в процессе познания на основе своего сенсорного опыта.

К 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Вспоминая о Великой Победе

© 2010

В. Антонов

Статья одного из ветеранов российского китаеведения, участника Великой Отечественной войны посвящается воспоминаниям о том, как эта суровая и трагическая страница нашей общей истории повлияла на его личную судьбу и выбор дальнейшего жизненного пути.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, бомбардировки, Военный институт иностранных языков, Маньчжурия, газета "Шихуа бао" ("Голос Правды"), Бюро переводов ЦК КПК.

В юности у каждого есть своя мечта. Помню, как в мои детские годы в подвале нашего дома жильцы организовали клуб, где дети занимались в кружках: фотолубительском, шахматном, музыкальном, танцевальном. В струнном оркестре участвовал и я, учился играть на домре. Руководил музыкальным кружком Николай Николаевич Некрасов. Позже он пригласил меня в музыкальную школу, где преподавал игру на народных струнных инструментах. В те годы он был также известным дирижером оркестра народных инструментов, который под его руководством выступал в различных клубах и учреждениях. Окончив в 1941 г. детскую музыкальную школу, я мечтал стать музыкантом, но началась Великая Отечественная война и мечта моя не сбылась. Летом 1941 г. в возрасте 17 лет я получил аттестат об окончании 10 класса 173-й школы Свердловского района г. Москвы. На документе стояла дата: 19 июня 1941 г.

Через пять дней после начала войны нас — комсомольцев призвали в райком комсомола с рюкзаками, мылом, зубной щеткой, кружкой, ложкой, полотенцем, парой белья и послали на трудовой фронт — поездом с Савеловского вокзала до г. Вязьмы. Там посадили на грузовики, привезли в деревню Ильино Коблуковского сельсовета Издешковского района Смоленской области. Деревня находилась на восточном берегу реки Днепр. На западном берегу Днепра был город Смоленск.

Перед нами была поставлена задача вырыть противотанковый ров на восточном берегу Днепра. Работали мы круглосуточно, посменно. Ночевали на сене в сараях деревни Ильино. Слева от нас проходило шоссе Москва—Минск, берега Днепра соединял мост. Немецкие самолеты бомбили советский транспорт на шоссе. Над нами, строившими военные оборонительные сооружения, летали фашистские самолеты-разведчики. В отряде молодежи Москвы, строившей противотанковый ров и другие оборонительные сооружения, я числился в составе пятой роты штаба Свердловского района. Сохранилось мое письмо родителям с места оборонительного строительства от 7 июля 1941 г., которое пришло в Москву 3 августа 1941 г. со штампом “Просмотрено военной цензурой”.

Приблизительно 15 июля 1941 г. после завершения строительства противотанкового рва нам было приказано идти к железнодорожной станции. Там мы сели в товарные вагоны-платформы, загруженные машинами, станками. Примерно 18 июля 1941 г. я прибыл в Москву. Через несколько дней мой старший брат Валентин был призван в армию. 22 июля 1941 г. немецкие самолеты первый раз бомбили Москву. Мы наблюдали, как лучи прожекторов бороздили небо, наши зенитные орудия обстреливали фашистские самолеты, а немецкие бомбы взрывались в соседних районах Москвы. Зажигательные бомбы загорались на крышах, а дежурившие там люди сбрасывали их на землю. Небо светилось и громыхало от рева авиамоторов.

В конце августа 1941 г. я получил повестку из Свердловского райвоенкомата для призыва в армию. В назначенный день я явился в райвоенкомат, прошел медицинскую комиссию, которая определила, что “Антонов В.И. годен к нестроевой службе” из-за миокардита сердца, который я получил как осложнение после дифтерита, перенесенного в 1939 г.

В Свердловском райвоенкомате мне сообщили, что с 1 сентября 1941 г. я призван в Красную армию и буду проходить службу красноармейцем в самом военкомате. Главная задача райвоенкомата состояла в призыве граждан в ряды Красной армии, формировании в зданиях средних школ воинских подразделений, обеспечении их обмундированием, оружием, назначении командиров и отправлении на фронт. В тяжелые дни сентября—октября 1941 г., когда фашистские войска были под Москвой, Свердловский райвоенкомат мобилизовывал живую силу, назначал командиров и, не оснащая обмундированием и оружием, пешим ходом направлял подразделения в Йошкар-Олу. В этот период Москву ежедневно бомбили, гибли люди. 5 декабря 1941 г. советские войска нанесли фашистам контрудар и отогнали немецкие войска от Москвы на 100 с лишним километров.

В марте 1942 г. военком Свердловского района вызвал меня к себе и сказал: “Красноармеец Антонов, ты окончил в прошлом году 10-й класс, а сейчас хочешь учиться?”. Я ответил: “Конечно, хочу!”. Тогда райвоенком продолжил: “Товарищ Сталин подписал приказ о создании Военного института иностранных языков Красной Армии. Сдавай вступительные экзамены и можешь продолжать учиться”. Я сдал экзамены и в июле 1942 г. прибыл в г. Ставрополь-на Волге (ныне г. Тольятти). Там и находился ВИИЯ. Мне было приказано изучать китайский язык. В 1943 г. ВИИЯ вернулся в Москву и расположился в школьном здании на Котельнической набережной. Позже институт переехал в Танковый проезд, где и находится до настоящего времени.

24 июня 1945 г. в составе подразделения ВИИЯ я участвовал в параде Победы на Красной площади в Москве.

В конце июля 1945 г. группа китаистов-слушателей ВИИЯ во главе с преподавателем Р.В. Вяткиным была направлена на Дальний Восток. В августе наша группа прибыла в населенный пункт Красино на границе с Китаем. Там располагался штаб Дальневосточной армии. 9 августа 1945 г. советские войска в Маньчжурии перешли в наступление против частей японской Квантунской армии. 15 августа 1945 г. Квантунская армия была разбита, а война фактически закончена. Советское командование приняло решение вернуть нашу группу в Москву для окончания учебы. После подписания пакта о капитуляции Японии 2 сентября 1945 г. завершилась Вторая мировая война.

23 сентября 1945 г. в Свердловском ЗАГСе я зарегистрировал брак с Ниной Сергеевой Антоновой (в девичестве Елизаровой).

После окончания 4-го курса ВИИЯ в 1946 г. я был направлен на стажировку в представительство Совинформбюро в г. Дальний (Китай). В начале 1947 г. я стажировался в представительстве Совинформбюро в г. Пхеньян (Корея). В том же году вернулся в Москву, продолжил учебу в ВИИЯ и окончил Военный институт иностранных языков с квалификацией переводчика-референта по китайскому языку и переводчика 1-го разряда по английскому языку.

После окончания Института я был направлен в 39-ю армию, расквартированную в Порт-Артуре и Дальнем. Там я служил корреспондентом-организатором в редакции газеты "Шихуабao" ("Голос Правды"), издававшейся 39-й армией на китайском языке для местного населения Ляодунского полуострова. Со мной в командировке находились жена и старшая дочь Лена (1946 г. рождения). В г. Дальнем 20 декабря 1950 г. родилась наша младшая дочь Ольга.

Газета "Шихуабao" была первой официальной советской ежедневной газетой на китайском языке, издававшейся в 1946–1951 гг. в китайском городе Дальнем для местного населения.

Вопрос о ее издании обсуждался в Москве в ЦК ВКП(б). В результате было принято следующее постановление: "Протокол № 280 заседания Секретариата ЦК ВКП(б) от 6 июля 1946 года. П. 224г. — Об издании в г. Дальнем газеты "Шихуабao" ("Голос Правды") на китайском языке.

1. Принять предложение Главного Политического Управления Вооруженных сил СССР об издании военным командованием в г. Дальнем ежедневной газеты "Шихуабao" ("Голос Правды") на китайском языке для местного населения.

Установить для газеты "Шихуабao" тираж 20 тыс. экземпляров и объем четыре полосы половинного формата газеты "Правда".

2. Внести на утверждение Политбюро"¹.

В соответствии с этим постановлением Секретариата ЦК ВКП(б), приказом по 39-й армии в июле 1946 г. была сформирована редакция газеты "Шихуабao".

Главным редактором газеты был назначен подполковник Советской армии В.Я. Сидихменов, заместителем главного редактора — подполковник К.В. Лепешинский, ответственным секретарем — подполковник С.С. Лозин. В.Я. Сидихменов возглавлял газету по ноябрь 1948 г.; его преемником на посту главного редактора газеты стал подполковник М.И. Грудинин.

Руководители газеты, а также многие ее сотрудники хорошо владели китайским языком. В августе—сентябре 1945 г. в составе советских войск В.Я. Сидихменов, К.В. Лепешинский, С.С. Лозин, В.Д. Сабанов, Н.П. Глазачев и некоторые другие будущие сотрудники газеты "Шихуабao" участвовали в Маньчжурской операции, разгроме японской Квантунской армии и освобождении Северо-Восточного Китая.

М.И. Грудинин, К.В. Лепешинский и С.С. Лозин оставались на своих должностях до октября 1951 г., когда газета была закрыта как выполнившая свою задачу.

Редакция газеты “Шихуабao” размещалась в городе Дальнем в каменном здании, доме № 2 по улице Миньканцзе, которая выходила на площадь Чжуншань гуанчан. Справа от входа в редакцию на стене была вывеска на китайском языке: “Шихуабao шэ” (“Редакция газеты “Голос Правды”).

В зале на первом этаже в рабочее время проводились производственные заседания и партийные собрания. В часы досуга сюда приглашались также члены семей всего коллектива “Шихуабao” на просмотр советских и китайских кинофильмов, праздничные мероприятия и концерты художественной самодеятельности.

На втором этаже здания располагались кабинет и приемная главного редактора, кабинеты заместителя главного редактора и ответственного секретаря и рабочие кабинеты сотрудников редакции, а также хозяйственный отдел, экспедиция и комната дежурного.

Редакция газеты “Шихуабao” имела несколько структурных подразделений: редакционный отдел, отдел переводов, отдел местной жизни (района Льюда). В редакционном отделе было несколько секторов: передовых статей, информации о жизни Советского Союза, международной жизни, жизни Китая, литературы и искусства.

Процесс работы над каждым номером газеты состоял из нескольких этапов. Статьи и другие материалы для газеты готовились в отделах редакции на русском языке, затем утверждались руководством и направлялись в переводческий отдел. В переводческом отделе работали вольнонаемные китайские граждане, знавшие русский язык. Они переводили материалы для газеты “Шихуабao” на родной китайский язык. В качестве консультантов выступали советские офицеры — сотрудники редакции, владевшие китайским языком: они оказывали китайским товарищам помощь в трактовке и понимании тех или иных русских выражений и идеом. Контрольную редакцию переведенных на китайский язык материалов осуществляли советские офицеры-драгомены. После этого готовые материалы на китайском языке направлялись в типографию газеты “Ляодун жибао” г. Дальнего, где ежедневно вольнонаемные китайские граждане набирали их иероглифами и готовили верстку. Сверстанный номер газеты “Шихуабao” сначала проверяли советские офицеры-корректоры, затем его читал главный редактор, а также заместитель главного редактора К.В. Лепешинский, в случае необходимости они вносили исправления, затем сигнал газеты подписывался в печать.

Газета “Шихуабao” была зарегистрирована в Народном почтовом управлении Китая в качестве органа печати 1-й категории и в почтовом управлении Льюда (лицензия № 7). Подписка проводилась в почтовом управлении Льюда и местных почтовых управлениях.

Газета, продававшаяся также в розницу, выходила шесть раз в неделю, кроме понедельника; издавалась тиражом 20 тыс. экземпляров и распространялась среди населения Ляодунского полуострова.

Первый номер ежедневной газеты “Шихуабao” вышел 14 августа 1946 г. Всего за весь период существования газеты было выпущено свыше 1500 ее номеров.

В архиве В.Д. Сабанова сохранилась подшивка “Шихуабao” за июль 1951 г. Беру в руки старые газеты, читаю... В июле 1951 г. вышло 26 номеров газеты, в них опубликовано 518 статей, в том числе о Советском Союзе — 211, о советско-китайской дружбе — 6, о Китае — 19, о районе Льюда — 1, о со-

циалистических странах — 119, о международной жизни — 162. Анализ материалов, опубликованных в “Шихуабao” в июле 1951 г., свидетельствует о многообразной, богатой, познавательной, интересной и полезной информации, размещенной на страницах газеты.

Газета имела несколько рубрик: передовая статья; информация о жизни Советского Союза; международная жизнь; жизнь Китая; литература и искусство. Среди наиболее интересных статей, опубликованных в июле 1951 г., отмечу материалы о Советском Союзе: “Советское государство проявляет заботу о здоровье трудящихся”, “Поднять благосостояние трудящихся — в этом закон социализма”, “О новых успехах высшей школы СССР”, “Советский военно-морской флот стоит на страже мира”, “Слава Сталинским военно-воздушным силам!”, “Великая Октябрьская социалистическая революция и Китай”, “О 13-м томе Сочинений И.В. Сталина”, “Выступления В.М. Молотова и маршала Жукова на торжественном собрании, посвященном 7-й годовщине национального праздника Польши”, “Великая сила творческого марксизма” (передовая “Правды” за 20 июня 1951 г.).

Большое место в газете было отведено разнообразным материалам, посвященным международной жизни и информации о странах народной демократии: “Важный этап в развитии экономики в странах народной демократии”; “Чудовищные преступления американских агрессоров в Корею”; “Албания использует достижения аграрной науки Советского Союза”; “О 30-летнем юбилее Монгольской Народной Республики”.

Подшивка за июль 1951 г. показывает, что газета оперативно реагировала на события в Китае: “Тридцать лет со дня создания Коммунистической партии Китая”; “Выступление товарища Лю Шаоци на собрании, посвященном 30-летию КПК”; “Народ Люйда торжественно отметил тридцатую годовщину создания Коммунистической партии Китая”.

Большое просветительское значение имели материалы, публиковавшиеся в рубрике “Литература и искусство”: только в течение одного месяца были подготовлены такие материалы, как “Великий русский путешественник Миклухо-Маклай”; “Выдающийся русский художник Виктор Васнецов”; “Великий русский поэт М.Ю. Лермонтов: к 110-й годовщине со дня смерти”; “Лу Синь — основоположник новой китайской литературы”.

Краткий перечень статей, опубликованных в газете “Шихуабao” за один месяц, свидетельствует о том, что она представляла собой кладезь богатого политического и экономического опыта СССР, популяризации марксизма-ленинизма, информации о Китае, странах народной демократии, сообщений о международной жизни.

Газета “Шихуабao” пользовалась большой популярностью у китайских читателей, поскольку освещала жизнь Советского Союза, публиковала материалы о послевоенном восстановлении его народного хозяйства, новых стройках, культурном строительстве в стране, братской поддержке и помощи китайскому народу, сообщала о событиях в Китае, давала свежую международную информацию.

После образования 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики в редакцию газеты “Шихуабao” стало приходиться огромное количество писем от китайских читателей из всех провинций КНР. В этих письмах давалась высокая оценка публикациям в “Шихуабao”, а также высказывались просьбы выслать им номера газеты, делались заявки на ее подписку.

В сентябре 1951 г. командование Советских войск приняло решение расформировать редакцию газеты “Шихуабao” в городе Дальнем как выполнившую свою задачу. После расформирования редакции “Шихуабao” многие

китайские переводчики были отозваны в Пекин для работы в государственных и партийных органах КНР.

В конце 1951 г. Советское правительство по просьбе ЦК КПК откомандировало из Порт-Артура в Пекин группу специалистов со знанием китайского языка, в которую вошли В.И. Антонов, Н.П. Глазачев, К.В. Лепешинский, С.С. Лозин, Д.М. Поспелов, В.Д. Сабанов. Мы приехали в Пекин 2 марта 1952 г., в 1953 г. к нам присоединился В.Я. Сидихменов.

Сначала все работали специалистами-редакторами в Издательстве литературы на иностранных языках КНР. С мая 1952 г. К.В. Лепешинский, Н.П. Глазачев и я были переведены на работу в Бюро переводов ЦК КПК, которое по решению партийного руководства КНР было преобразовано 29 января 1953 г. в Бюро переводов произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина при ЦК КПК. Возглавлял Бюро Ши Чжэ — личный переводчик Мао Цзэдуна, его заместителями были Цзян Чуньфан и Чэнь Чанхао.

В начале работы сотрудники Бюро перевели на китайский язык и издали: Полное собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (в 50 томах), Сочинения В.И. Ленина (в 39 томах), Сочинения И.В. Сталина (в 13 томах), Устав КПСС (принятый на XIX съезде КПСС), “Краткий философский словарь” (под редакцией М. Розенталя и П. Юдина), учебник по политэкономии и другие материалы.

В Пекине В.Я. Сидихменов, Д.М. Поспелов и С.С. Лозин работали в редакции журнала “Жэньминь Чжунго” (“Народный Китай”), который издавался на русском языке Издательством литературы на иностранных языках. В.Д. Сабанов в 1952–1955 гг. работал в иллюстрированном журнале “Жэньминь хуабао” (“Китай”), издававшемся на русском языке Издательством иностранной литературы КНР.

Следует отметить, что газета “Шихуабао” явилась важным инструментом укрепления дружбы между советским и китайским народами. Редакция газеты стала кузницей подготовки квалифицированных китайских переводчиков с русского на китайский язык. Советские офицеры-драгомены учились у китайских переводчиков и обогащали свои знания китайского языка.

Все руководители “Шихуабао” и многие сотрудники редакции прекрасно владели китайским языком, имели высшее специальное востоковедческое образование: М.И. Грудинин и В.Д. Сабанов окончили китайское отделение Института востоковедения им. Н.Н. Нариманова в Москве, В.Я. Сидихменов и С.С. Лозин — восточный факультет Дальневосточного государственного университета во Владивостоке; Военный институт иностранных языков окончили В.И. Антонов, П.Н. Леляков, М.И. Яковлев; для К.В. Лепешинского китайский язык был родным. В.Я. Сидихменов регулярно выступал на митингах местного китайского населения, так как хорошо знал китайский язык и искусно им владел.

Среди китайских товарищей вспоминаются Чжан Мулянь, Го Цзинтянь, Сун Шушэн, Оуян Хуэй, Лю Хэвэнь и другие профессионально подготовленные переводчики и очень хорошие люди.

Годы жизни в Китае, работа в редакции газеты “Шихуабао” в г. Дальнем, а затем в Издательстве литературы на иностранных языках и Бюро переводов ЦК КПК в Пекине, общение с китайскими специалистами-языковедами и простыми китайцами оставили у меня очень яркие воспоминания, явились большой школой для моей китаеведческой профессии и во многом предопределили дальнейшую судьбу. Я полюбил трудолюбивый, дисциплинированный, мудрый китайский народ, увлекся его богатым культурным достоянием и до сих пор продолжаю совершенствовать свои скромные навыки.

Р.С. В.И. Антонов возвратился в Москву из командировки в КНР в мае 1955 г. Демобилизовавшись из Советской армии в звании капитана, он продолжил свою деятельность на поприще китаеведения. В 1955–1957 гг. работал в академических институтах, а в 1957–1987 гг. — в должности референта Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. С 1987 г. Владимир Иванович работает в Институте Дальнего Востока, в настоящее время — в Центре научной информации и документации ИДВ РАН. Составной частью его вклада в советскую и российскую синологию является участие в составлении Большого китайско-русского словаря под редакцией И.М. Ошанина. Он — один из авторов V тома издания “ВКП(б), Коминтерн и китайская революция”, а также т. IV энциклопедии “Духовная культура Китая”.

-
1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 116, л. 268.

Китайская армия в бирманских кампаниях Второй мировой (1942–1945 гг.)

© 2010

А. Юркевич

Статья посвящена действиям китайских соединений против японской армии в бирманских кампаниях союзников, приведших к восстановлению сухопутного пути военных поставок в Китай. Показаны стратегические расчеты и столкновение интересов союзников при подготовке этих операций. По мнению автора, бирманский успех не мог быть повторен на китайской территории, так как в Бирме китайские войска действовали в рамках унифицированной, передовой военной организации, которой в Китае не было.

Ключевые слова: Китай, Вторая мировая война, армия Китайской Республики, бирманские кампании, Стиллуэлл.

Участие китайских соединений в действиях союзных войск в Бирме в 1942–1945 гг. не принадлежит к числу сюжетов, особенно популярных у историков, по крайней мере за пределами США и Великобритании¹.

Забвение этой темы исследователями представляется незаслуженным. Она интересна прежде всего с двух точек зрения. Во-первых, операции в Бирме — редкий пример успешных наступательных действий китайских войск против японской императорской армии. Во-вторых, эти кампании стали результатом сложного переплетения конкурировавших стратегий и интересов, изменчивых приоритетов, даже личных симпатий и антипатий государственных и военных руководителей.

Главной причиной, обусловившей применение войск Китая в Бирме, было намерение сначала отстоять, а затем — вернуть сухопутный путь, по которому в страну приходило американское оружие и снаряжение, получаемое по ленд-лизу.

Снабжение Китая зависело от Бирманской дороги, которая вела от Рангун на север до Куньмина в пров. Юньнань. Дорога могла пропускать до 30 тыс. т в месяц, что было достаточно для содержания одного американского или британского армейского корпуса. Реальные условия транспортировки были таковы, что из 14 тыс. т грузов, отправлявшихся из Лаши в Бирме, лишь 5 тыс. т достигали Чунцина — остальное расходилось на китайском черном рынке². Но без этого ручейка вы-

---

Юркевич Александр Геннадьевич, кандидат исторических наук, директор Центра азиатских исследований Российского университета дружбы народов. E-mail: urkevich_a@rambler.ru.

живание Национального правительства оказывалось под вопросом. Таким образом, судьба Китая серьезно зависела от военной ситуации в Юго-Восточной Азии.

Для координации обороны ЮВА было создано Американско-британско-голландско-австралийское командование во главе с генералом (впоследствии фельдмаршалом) Арчибальдом Вейвелом, командующим Индийской армией. Союзным войскам пришлось отражать наступление японцев на Бирму уже в конце 1941 г. 11 декабря императорская 15-я армии начала продвижение от перешейка Кра в глубь бирманской территории. В условиях труднопроходимой местности и слабо развитой дорожной сети легковооруженная японская пехота, которая могла двигаться через болота и джунгли, получала преимущество над британцами с их тяжелой техникой, привязанной к дорогам. Уже тогда Чан Кайши предложил помощь в обороне Бирмы, но союзники поначалу отклонили содействие китайцев³. Только в январе в Бирму выдвинулись 5-я и 6-я армии НРА, а также 200-я дивизия — единственное оставшееся у Китая механизированное соединение.

Действия этой группировки в Бирме стали одной из главных забот генерал-лейтенанта Джозефа Стилуэлла, который возглавил Американскую военную миссию после Перл-Харбора и официального объявления Китаем войны Японии. Он стал также начальником штаба, представлявшего союзное военное командование Китая, Соединенных Штатов, Великобритании и Нидерландов, и формально возглавил Главный штаб китайской армии вместе с генералом Хэ Инцинем (поскольку генералиссимус Чан Кайши принял пост верховного командующего союзным Китайским ТВД).⁴ На встрече со Стилуэллом 6 марта Чан Кайши, казалось, дал согласие на подчинение тому китайских экспедиционных сил в Бирме. На деле Чан поставил его в положение подотчетного генерала и стал держать себя с ним соответствующим образом. При этом начальник штаба Стилуэлла Ло Чжуин и остальные китайские командиры связывались с Чан Кайши напрямую и выполняли приказы американца только с санкции Чана⁵.

Перечень имен генералов, направленных в Бирму, говорит о крайней заинтересованности Чан Кайши в успехе операции. Почти все они принадлежали к так называемой клике Хуанпу. Эта группировка в Гоминьдане объединяла бывших курсантов и офицеров военной школы Хуанпу, созданной в 1924 г. в Гуанчжоу при содействии СССР и возглавленной Чан Кайши. Командующие 5-й армией Ду Юймин, 6-й армией Гань Личу и 66-й армией Чжан Чжэнь были выпускниками 1-го набора Хуанпу, командир 22-й дивизии Ляо Яосян — выпускником 6-го набора, командир 200-й дивизии Дай Аньлань — 3-го⁶. Главный герой бирманских кампаний комдив-38 (потом командующий Новой 1-й армией) Сунь Лижэнь не был хуанпусцем, но он окончил Вирджинский военный институт и пользовался покровительством “американофилов” в окружении Чана. Ближайшие подчиненные этих генералов в большинстве были выпускниками Центральной офицерской школы, которая стала преемницей школы Хуанпу⁷.

На базе школы некогда были созданы формирования, положившие начало Центральной армии Чан Кайши, позволявшей ему держать в узде провинциальных генералов. К 1942 г. войска Центральной армии, принявшие на себя основной удар японцев, понесли большие потери и уже не имели прежнего превосходства над силами местных милитаристов. Тем не менее Чан решил бросить в Бирму свои лучшие части.

После ввода китайских соединений общая численность войск союзников в Бирме достигла 81 тыс. чел.: девять китайских дивизий (около 50 тыс.), пять индийских пехотных бригад, британская бронетанковая бригада и шесть

пехотных батальонов генерал-лейтенанта Т.Дж. Хаттона. Их действия поддерживались Китайско-американской авиагруппой и несколькими эскадрильями британских ВВС⁸. Эта внушительная группировка, почти равная японской по боевой мощи, уступала японцам в организации и согласованности действий. К концу января 33-я и 55-я дивизии японской 15-й армии заняли Моламьяин (Моулмейн, порт на юго-востоке, в заливе Маутама Андаманского моря), 22–23 февраля у моста через р. Ситаун разгромили 17-ю Индийскую дивизию и 7 марта овладели Рангуном. 21 марта китайская 200-я дивизия заняла оборону на подступах к Таунгу на Ситауне (около 200 км к северу от южного побережья), в то время как 17-я Индийская дивизия защищала Проме на Иравади (совр. Пьи, около 250 км северо-западнее Рангуна).

200-я дивизия удерживала Таунгу до 31 марта, отбивая атаки японской 55-й дивизии. Эти бои считаются самыми напряженными во всей 1-й Бирманской кампании. Прославилась своими контратаками, спасавшими окруженные британские части, и 38-я дивизия Сунь Лижэня. Однако на эффективности действий китайских войск сказывались стремление командиров уменьшить потери своих частей, и отсутствие взаимоподдержки. Стилуэлл пытался вынудить командующего 5-й армией генерала Ду Юймина помочь 200-й дивизии, но безуспешно.

В марте-апреле в Рангуне высадились 18-я и 56-я японские дивизии. Им предстояло развивать наступление на центральном направлении, на Мандалай, важный транспортный узел в центре Бирмы. 29 апреля на восточном фланге 56-я дивизия заняла Лашо (около 200 км к северо-востоку от Мандалая по Бирманской дороге), 1 мая пал Мандалай. Китайская 6-я армия отступила на родину через Тайнджи (на половине пути от Рангуна к Лашо) на восток, а едва успевшая вступить в дело 66-я китайская армия отошла на север через Лашо по Бирманской дороге. На западе 33-я японская дивизия продвинулась до Проме. В тот же период 1-й флот японских ВМС отеснил к африканскому побережью британский Восточный флот. Теперь суда с грузами для Китая не могли швартоваться не только в Рангуне, но даже в Калькутте.⁹ На севере японские войска вторглись на территорию пров. Юньнань и заняли города Тэнчун и Лунлин.

Объем военных поставок в Китай резко снизился. В мае они составили 80 т, в июне 106, в июле — 73 т, тогда как по ленд-лизу в мае и июне Китай должен был получать по 3500 т грузов. Доставка осуществлялась от Бомбея железной дорогой до Калькутты, оттуда узкоколейкой в Ассам и далее по воздуху либо по труднопроходимым горным дорогам через северную Бирму¹⁰.

В середине апреля Стилуэлл выступил с проектом, который в дальнейшем обусловил успех операций в Бирме. Он предложил сосредоточить в Индии 100-тысячную китайскую группировку, вооружить ее по ленд-лизу и обучить с помощью американских инструкторов. По сути, Стилуэлл исходил из ситуации с военными поставками: если снаряжение нельзя доставить к войскам, приходится доставлять войска к снаряжению¹¹. Кроме того, у него появлялся шанс подчинить эти части собственному влиянию.

Чан Кайши одобрил проект. Для обучения "сил Икс" (X-Force), как называли эту китайскую группировку в оперативных планах Китайско-бирманско-индийского командования (СВИ), была создана учебная база в Рамгархе (штат Бихар)¹². Помимо 22-й и 38-й дивизий из состава 5-й армии, отошедших на территорию Индии (96-я дивизия той же армии отступила в Китай), в Рамгарх позже были доставлены части 14-й, 30-й и 50-й дивизий¹³.

На основе тех сил, что предполагалось укомплектовать, вооружить и обучить в Рамгархе, Стилуэлл и намеревался впоследствии создать 30 дивизий, которые составили бы основу новой китайской армии. Британцы обеспечивали китайские войска питанием, горюче-смазочными материалами, а также предоставили полигоны и стрельбища для обучения пехоты, артиллерии и танкистов, расширенные с участием китайских военнослужащих. Оружие, снаряжение, обмундирование, медицинское обеспечение предоставляли американцы — по тем же нормам, что и для собственных военнослужащих. Тренировочными центрами, службами технической поддержки и материального обеспечения руководили американские офицеры. Руководителем программы обучения в Рамгархе был назначен бригадный генерал Ф. МакКейб (впоследствии его сменил полковник Д.А. Янг)¹⁴.

На первых порах между китайскими и американскими офицерами возникли трения. Китайцы настаивали, чтобы сначала обучение у инструкторов проходили офицеры, которые потом сами натаскивали бы своих солдат. К тому же им трудно было воспринимать критику со стороны инструкторов, никогда не бывавших под огнем¹⁵. Американцы опасались, что многолетний опыт оборонительных боев затруднит обучение китайских офицеров агрессивным наступательным действиям. Инструктора жаловались, что китайские солдаты, привыкшие к скудной экипировке и нерегулярному снабжению, без дополнительных напоминаний постоянно забывали о неперемных для американцев “мелочах”: о флягах с водой, шанцевом инструменте, вьючных животных и т.п.¹⁶

Методика обучения, применявшаяся в Рамгархе, по выражению американского историка Ф.Ф. Лю, “задействовала всю помощь, которую могли оказать фильмы по комиксам о Дональде Даке”¹⁷, т.е. главным образом методы показа и повтора. Весьма выразительно по этому поводу высказался полковник Дж.В. Слайни, руководитель артиллерийской подготовки: “Благодарение Господу, мы не говорим по-китайски и не имеем переводчиков... Мы показываем и они копируют. Они величайшие мимы в мире и обучаются очень быстро”¹⁸. Подопечные полковника Р.М. Кенона, по его отзывам, освоили 75-миллиметровую гаубицу за неделю. Пулеметы Браунинга и автоматы Брена потребовали больше времени, но и ими китайцы овладели в рекордные сроки¹⁹. На тактических занятиях упор делался на отработку действий в джунглях и форсирование водных преград²⁰. База в Рамгархе стал образцом для учебных центров на территории Китая — в Куньмине и Гуйлине. Там обучался как рядовой и сержантский, так и офицерский состав, вплоть до высших командных кадров²¹.

Наряду с подготовкой ударных частей в Индии, Стилуэлл предложил Чан Кайши широкую программу реорганизации армии, включая слияние недоукомплектованных дивизий и очищение командного состава от тех, кого он считал некомпетентными и коррумпированными²². Эти предложения были во многом идентичны тем, что в начале 30-х годов выдвигали немецкие советники²³.

Тогда Чан поначалу приветствовал рекомендованные преобразования, ибо они сулили ослабление его военных конкурентов в Гоминьдане, но скоро вынужден был отказаться от попыток опасных новаций, ввергших его в войны с недавними союзниками и подчиненными. Подобным образом посягательство на авторитет и власть как соперников, так и сторонников, буде они окажутся командирами недоукомплектованных соединений либо проявят “некомпетентность”, могло привести к бунтам и переходу части генералитета на сторону врага. Правда, благодаря ленд-лизу Чан Кайши получил новый канал стимулирования преданности своих генералов, но блокада существенно уменьшала возможности этого канала.

Ближайшей целью Стилуэлл считал восстановление сухопутного пути доставки военных грузов в Китай. Этот замысел исходил из установки американского политического руководства и военного командования на то, что судьбу войны против Японии должны решить операции на китайской территории²⁴. Начальнику штаба армии США Дж. Маршаллу Стилуэлл рекомендовал усилить китайскую группировку в Индии американскими частями и организовать вторжение в Бирму при поддержке китайских войск со стороны Юньнани. Чан Кайши неохотно пошел на создание там вспомогательной группировки, "сил Игрек" (Y-Force). Правда, ответственным за подготовку группировки он назначил видного хуанпусца Чэн Чэна, начальника политотдела Военного совета и бывшего командующего 6-й военной зоной²⁵, которого Стилуэлл весьма ценил. Программа подготовки "сил Игрек", намеченная Стилуэллом, тормозилась как отсутствием заинтересованности со стороны высшего командования, так и столкновением амбиций и юрисдикций китайских генералов — Чэн Чэна и фактического хозяина Юньнани Лун Юня²⁶.

И Чан Кайши, и американское политическое руководство в 1942–1943 гг. в большей степени были настроены на развертывание с территории Китая воздушной войны против Японии по планам, предлагавшимся командующим американской военно-воздушной группой в Китае бригадным генералом Клэрмом Чэннолтом (формально подчиненным Стилуэллу). Для Чан Кайши это означало возможность не рисковать своими войсками и ожидать высадки в Китае армии Соединенных Штатов, не выпадая при этом из фокуса внимания американского истеблишмента. Военному командованию США упования политического руководства на успехи ВВС позволяли не отвлекаться на второстепенные направления и заниматься в первую очередь операциями на Тихом океане. Чэннолт рисовал начальству картины сокрушительных ударов по японской авиации, которые должны кардинально подорвать ее боеспособность, обратить в руины промышленные районы Японии и разрушить коммуникации императорской армии. Эти обещания производили впечатление как на Чан Кайши, так и на Рузвельта. В марте 1943 г. Чэннолт был назначен командующим 14-м авиасоединением. Объем поставок по воздушному мосту составлял в тот период 3 тыс. т грузов ежемесячно, львиная доля которых шла на нужды авиаторов²⁷.

В 1942–1943 гг. союзники отнюдь не имели излишков сил и средств, и обеспечение одного фронта означало ущемление другого. В 1942 г. рывок Роммеля к Эль-Аламейну означал, что поставки самолетов и других военных грузов, направлявшихся морским путем через Мыс Доброй Надежды в Индию, в том числе для Китая, необходимо было переадресовывать в Египет. Маршалл предлагал направлять китайскую долю поставок по ленд-лизу в Британскую Индию, с тем чтобы англичане использовали ее для возвращения Бирмы и открытия Бирманской дороги в Китай²⁸. Это было неприемлемо для Чан Кайши, которому американская техника и снаряжение были нужны в Китае. 29 июня 1942 г. он пригрозил выйти из войны и выдвинул требования: послать три американских дивизии в Индию, довести авиагруппу в Китае до 500 самолетов, а поставки по авиамосту из Индии — до 5000 т в месяц²⁹. На тот момент требования Чана были не вполне реалистичными.

Но победа при атолле Мидуэй в июле 1942 г. побудила американское командование для удержания инициативы последовательно предпринимать ограниченные наступательные действия. В этой связи кстати оказались и планы операции в Бирме. Американцы сочли возможным частично удовлетворить требования Чан Кайши. На зиму 1942 г. планировалась кампания по освобождению Бир-

мы, которую Чан обещал поддержать действиями войск из Юньнани. При этом значительные силы японцев должна была отвлечь намеченная на 1943 г. десантная операция союзников в Бенгальском заливе ("Буканир").

Но планировавшееся вторжение британцев в Северную Африку требовало кораблей в первую очередь, что ставило операцию в Бенгальском заливе под вопрос. К тому же в Бирме, в условиях влажных джунглей и бездорожья, активно воевать можно было только в течение относительно прохладного осенне-зимнего сезона, до наступления периода жары и муссонных дождей. Поэтому британцы на 1942-1943 гг. наметили ограниченные цели в Аракане (западное побережье) и на севере, оставляя операции по освобождению Рангуна и долины Иравади на 1944 г. "Силам Икс" зоной операций была назначена долина Хукоун в верхней Бирме.

Попытка британского наступления 1942-1943 гг. в Аракане провалилась в результате успешных контратак японских войск. Главное наступление союзников в Бирме, намеченное Стилуэллом ("Анаким"), стало теперь планироваться на зимний сезон 1943-1944 гг.³⁰

Однако в мае 1943 г. на англо-американской конференции британские делегаты вообще выразили сомнение в целесообразности операции "Анаким" и предложили высадку на Суматре с целью нарушения снабжения Японии нефтью. Эти планы, требовавшие привлечения значительного числа судов и авиации наземного базирования, грозили отодвинуть высадку войск союзников во Францию, которая была центральным пунктом американской стратегии. В конце-концов британцы и американцы пришли к компромиссу, согласившись на урезанный вариант "Анакима", предусматривавший в 1943-1944 гг. проведение операции с целью открытия сухопутного пути из Индии в Китай, тогда как кампания по освобождению Рангуна и долины Иравади откладывалась на 1944-1945 гг.

Тем временем произошли изменения в оперативной обстановке в Южном Китае. В мае-июне 1943 г. японская 11-я армия силами пяти дивизий начала операции в Хубэе, имевшими целью реквизицию возможного большего числа речных судов. Однако Чан Кайши увидел в действиях японцев угрозу Чунцину и приказал Чэн Чэну отвести 70-тысячную группировку "сил Игрек" на территорию 6-й военной зоны, чтобы прикрыть временную столицу Китая³¹.

Помимо отвода "сил Игрек" от границы с Бирмой, операции "Анаким" продолжала угрожать позиция Британии. На прошедшей в августе 1943 г. встрече глав Великобритании и США, а также представителей их военного командования в Квебеке британцы настаивали на активизации средиземноморских операций, а также выступали против действий в Бирме, высказывая сомнения в способности Китая сыграть решающую роль в войне. Тем не менее предыдущие решения относительно "Анакима" американцы отстояли без принципиальных изменений. Была лишь преобразована структура союзного военного руководства в регионе: создано Восточноазиатское командование (SEAC) во главе с вице-адмиралом лордом Л. Маунтбетгеном, его заместителем стал генерал Стилуэлл.

Однако осенью 1943 г. главный разработчик и промоутер бирманской операции Стилуэлл едва не утратил возможность влиять на ситуацию. В своих планах развертывания наступательных действий китайской армией, предложенных на рассмотрение Чан Кайши, Стилуэлл, во-первых, продолжал настаивать на коренной реорганизации китайской армии, во-вторых, предлагал задействовать войска коммунистов, формально причисленные к НРА. Чан Кайши потребовал отозвать Стилуэлла. За того вступились начальник штаба армии Маршалл и

Рузвельт, и Чан пошел на попятный, объяснив все “недопониманием” и переведя стрелки на министра иностранных дел³².

После встречи в Квебеке союзнический Объединенный комитет начальников штабов (ССС) отдал приказ о проведении наступления в северной Бирме. Целью операции был захват долины Хукоун и района Могаун — Мьичина (Мьичина — город на севере страны, где находится переправа через р. Иравади, пересекающую Бирму с севера на юг; Могаун — населенный пункт, на который выходит путь из Ассама на юг через долину Хукоун, примерно на одной широте с Мьичина, примерно в 50 км к западу от него). Таким образом, во-первых, сухопутный путь из Северного Ассама в Китай должен был соединиться с прежней Бирманской дорогой севернее захваченного японцами Лашо; во-вторых, японская истребительная авиация вытеснялась из района Могаун, что делало более безопасными поставки в Китай воздушным путем из Индии, позволяя обгибать наиболее высокие горы с юга. Ведущая роль в операции отводилась китайским “силам Икс”, готовившимся в Индии. В период подготовки операции Стилуэлл вынужден был конкурировать с Чэннолтом, отказывая ему в приоритетных поставках в пользу своего плана создания в Хунани третьей группы китайских дивизий (“сил Зет” — Z-Force), тоже снабжавшихся американцами³³.

По иронии судьбы, именно в тот период значимость Китая для судеб войны в Азии существенно уменьшилась. В течение 1943 г. американский флот получил несколько авианосцев класса “Эссекс”, что на порядок увеличило возможности флота США. События в Европе и на Тихом океане делали Бирму дальней периферией Второй мировой. Но для Чунцина, отчаявшегося решить свои проблемы увеличением американской авиагруппировки в Китае и вмешательством сухопутных войск США, Бирма оказывалась фронтом первостепенной важности.

Судьба бирманской операции решалась на Каирской встрече Черчилля и Рузвельта с Чан Кайши, состоявшейся накануне октябрьской 1943 г. встречи лидеров Британии, США и СССР в Тегеране. Чан предложил перевооружение и переподготовку не 60, как в плане Стилуэлла, а 90 китайских дивизий, поддержал заявку Чэннолта на обеспечение воздушных операций в Китае 10 тыс. т поставок ежемесячно, подверг критике ограниченность целей намеченной в Бирме кампании и настаивал на непременном проведении десантной операции в Бенгальском заливе.

Однако на позицию держав в отношении Китая повлияло обязательство СССР вступить в войну против Японии после поражения Германии. Тем самым Советский Союз обещал сделать то, что в перспективе ожидалось от Китая, и, по всем прикидкам, имел для того куда большие возможности. В результате Британия и США отказались от операции “Буканир”³⁴.

2-я Бирманская кампания началась в октябре 1943 г. вступлением китайской 38-й дивизии в долину Хукоун. Стилуэлл направился в Ледо (Ассам) для руководства операцией. В его подчинении, помимо китайских войск, находилась также 5307-я сводная часть бригадного генерала Фрэнка Д. Меррилла (получившая любопытную известность как “мародеры Меррилла”), состоявшая из легковооруженных формирований типа рейнджерских. Группировке Стилуэлла предстояло действовать против 18-й японской дивизии со штабом в Мьичине. Японской 56-й дивизии, занимавшей Лунлин на территории пров. Юньнань, на восточном берегу р. Салуин противостояли 11 дивизий “сил Игрек”, чье участие в кампании целиком зависело от доброй воли Чан Кайши, обиженного отменой операции “Буканир”. Британские соединения — 4-й корпус, зоной ответственности которого была долина р. Чиндуин (текущей, как и все основные реки Бирмы, с севера и впада-

ющей в Иравади с запада чуть южнее широты Мандалая), и 15-й корпус в Акьябе (Ситуэ, порт на побережье Бенгальского залива) — должны были вступить в дело только при угрозе усиления японской группировки в северной Бирме.

Японские войска оказывали ожесточенное сопротивление. 38-я дивизия до конца декабря вгрызалась в оборону противника у деревушки Юпбан Га. Китайские командиры воевали в привычной манере, избегая рискованных маневров и скрупулезно следуя свежейизученным американским уставам. В то же время военные историки отмечают организованность действий китайских частей, их взаимоподдержку, стойкость при отражении контратак и грамотное использование артиллерии — те аспекты боевой выучки, которые никак нельзя было поставить в плюс обычным частям гомиьндановской армии³⁵. В начале января противник был выбит из Юпбан Га. Однако задержка в начальной фазе наступления вынудила китайцев в конце операции довольствоваться занятием Валоубума — пункта в южной части долины Хукоуна, примерно в 100 км северо-западнее Мьичины. Тем не менее за наступающими частями шли саперы, прокладывавшие так называемую дорогу Ледо, которой предстояло соединиться с Бирманской дорогой³⁶.

Операция на севере Бирмы побудила японское командование ответить активными действиями против британских войск в Аракане, начавшимися в феврале 1944 г. В марте они предприняли наступление в направлении Импхал (центральная часть штата Манипура) — Кохима (Ассам), задачей которой было перерезать железную дорогу Бенгал — Ассам в районе Димапура, к западу от Кохимы. Операция должна была свести на нет результаты северобирманской кампании, так как прекращала сообщение по той самой ветке от Калькутты к Ледо, по которой поступали военные грузы для Китая, при том что Центральная и Южная Бирма оставались под контролем японцев. В 1944 г., однако, союзники имели превосходство в воздухе, и отрезанные британские группировки получили категорический приказ держаться и ждать снабжения и поддержки от авиации. В результате поставки, которых ждал Стилуэлл, шли британцам. Под предлогом нерезультативности действий в Бирме Черчилль вновь попытался дезавуировать операцию Стилуэлла и протолкнуть идею наступления на Суматре (“Калверин”), но успеха не имел³⁷.

Под Валоубумом левофланговый обход с выходом в тыл японским войскам, предпринятый “мародерами Меррилла”, вынудил японцев к отступлению. Однако в марте подобный маневр против японских частей в районе Инкангахтоуна (около 50 км северо-западнее Могауна) окончился отступлением американцев в джунгли и болота, где они оставались до тех пор, пока 29 марта китайские части не вытеснили японцев из Шадузупа (25–30 км севернее Инкангахтоуна). Но и после этого японская 18-я дивизия удерживалась чуть южнее, на подступах к Камаину, около двух месяцев. В конце концов рейд 112-го полка 38-й дивизии, обошедшего Сетон (между Камаином и Могауном) с левого фланга, привел к паническому отступлению японцев на Могаун через джунгли. 16 июня пал Камаин, через 10 дней — Могаун.

Для выполнения задач наступления этого было недостаточно — город Мьичина оставался под контролем японцев. Взять его Стилуэлл поручил отдельной группе войск, концентрировавшейся вокруг китайской 30-й дивизии и 5307-й части Меррилла. 16 мая они достигли окраин Мьичины. Однако японцы усилили свою группировку за счет 56-й дивизии. К осаде присоединились войска 14-й и 50-й китайских дивизий. Японский гарнизон, не превышавший 3,5 тыс. чел., оборонялся до начала августа и был эвакуирован, избежав пленения. К концу осады

“мародеры Меррилла” понесли такие потери, что фактически перестали существовать как боевая единица.

2-я кампания в северной Бирме доказала, что должным образом обученные и экипированные китайские части могут выдержать открытое столкновение с императорской армией. Но блокада с Китая снята не была. 56-я японская дивизия продолжала удерживать Лунлин в Юньнани, блокируя Бирманскую дорогу, и ее освобождение требовало наступательных действий “сил Игрек” с китайской территории. Однако вступлению в дело юньнаньской группировки препятствовал Чан Кайши, оскорбленный теперь еще и тем, что поставки по ленд-лизу доставались британской армии в Индии, вместо того чтобы идти в Китай³⁸. Чан потребовал от союзников 1 млрд долл., угрожая выйти из войны. В ответ в январе 1944 г. Рузвельт без обиняков пригрозил прекратить поставки, пока “силы Игрек” не перейдут р. Салуин. 14 апреля китайское командование дало добро на проведение наступления³⁹.

В тот период ставку Чан Кайши более беспокоили действия японцев в Южном Китае. 17 января Главный штаб императорских войск отдал приказ о проведении операции “Итиго”, имевшей целью захват железнодорожных линий Пекин—Ханькоу, Гуанчжоу—Ханькоу и Хунань—Гуанси, что угрожало также использовавшимся американцами аэродромам в Хэнъяне, Линлине, Гуйлине и Лючжоу. В апреле-мае японцы легко заняли хунаньский отрезок Пекин—Ханькоуской дороги. Чэннолт, еще недавно жаловавшийся на скудость снабжения своего авиасоединения, поспешил возложить вину на Стилуэлла, якобы обделившего американскими поставками защищавшие Хунань “силы Зет”.

На Салуинском фронте 12 дивизий “сил Игрек” под общим командованием Вэй Лихуана были укомплектованы лишь на 40% штатного состава и насчитывали 72 тыс. чел. По вооружению, экипировке и боевой выучке юньнаньская группировка значительно уступала “силам Икс”. Входившие в “силы Игрек” 53-я и 54-я армии, действовавшие на правом фланге, должны были захватить Тэнчун к западу от Салуина, от которого дальше на запад к Мьичину вела горная дорога, восточной оконечностью соединявшаяся с Бирманской дорогой. Захват Тэнчуна позволял проложить путь от Мьичины к Бирманской дороге и использовать по крайней мере тот ее отрезок, который вел от Салуина на север, к Меконгу и далее, для сухопутной транспортировки грузов из Ассама. На левом фланге 2-я и 71-я армия концентрировались для удара в направлении Лунлина (на Бирманской дороге, примерно в 80 км южнее Тэнчуна).

На правом фланге китайские войска форсировали Салуин в ночь на 12 мая 1944 г. Через месяц отчаянно сопротивлявшиеся японцы были выбиты из Тэнчуна. Однако части, наступавшие на Лунлин, были отброшены контрударом. К началу сезона дождей, вынудившего прекратить активные действия, “силы Игрек” были по-прежнему отрезаны от “сил Икс”.

Тем временем японцы завершали операцию в Хунани. 18 июня китайские войска оставили Чанша. В конце июня противник занял аэродром в Хэнъяне, откуда прежде действовала американская авиация, а 8 августа захватил город. Разгромив к юго-западу от него остатки 27-й армейской группы, японские войска вторглись в Гуанси, а их 23-я армия продвинулась на север от Гуанчжоу. Ситуацию, сложившуюся на Юге, Стилуэлл назвал “мышеловкой”⁴⁰.

Добавляя нервозности и Чан Кайши, угрожавший отвести “силы Игрек” для обороны Куньмина, если “силы Икс” из Мьичины не начнут наступление на юг, в направлении Бамо. Эти угрозы исчерпали терпение американского руково-

дства. 19 сентября Китайско-бирманско-индийское командование получило радиограмму от президента США, где тот требовал от Чана “немедленно подкрепить” армии на Салуине и “усилить их наступление”, предоставив все имеющиеся силы “в неограниченное распоряжение генерала Стилуэлла”⁴¹. Последний показал радиограмму Патрику Херли, личному представителю Рузвельта при Чан Кайши. Тот попросил генерала смягчить тон “предложения” при передаче его Чану. Но Стилуэлл предпочел оправдать свое прозвище “Укусный Джо” и унижить генералиссимуса, которого в личных письмах называл Peanut — “Земляной орешек” (на американском сленге peanut politician означает “мелкого политика”). “Я опустил Орешка (I’ve laid the Peanut low)”, — с гордостью писал он в дневнике⁴².

Миг торжества дорого стоил Стилуэллу. Разозленный Чан Кайши стал усиленно добиваться его отставки. В октябре 1944 г. “Укусный Джо” был отозван (свою роль сыграли и трения внутри миссии), а вместо него назначен генерал-майор (впоследствии генерал-лейтенант) Альберт Ведемейер. Одновременно расформировывалось общее союзное командование Китайско-бирманско-индийским театром военных действий, который был разделен на Китайский и Индийско-бирманский ТВД (последний ставился под начало британского генерал-лейтенанта Д.И. Султана и таким образом выводился из формального ведения Чан Кайши)⁴³.

Чунцинское правительство продолжало проявлять военную беспомощность, ставившую крест также на авиапроектах Чэннолта. Японские войска теснили китайскую армию из Хунани в Гуанси. В ноябре были потеряны главные аэродромы американцев — в Гуйлине, Лючжоу и Наньнине, а в декабре японцы соединили контролировавшиеся ими территории во Французском Индокитае с зоной оккупации в Южном Китае.

Захват Гуйлиня и Лючжоу создавал угрозу Гуйяну — центру пров. Гуйчжоу, откуда открывался путь на Куньмин. Это вызывало у Ведемейера опасения, что целью японского наступления может быть захват терминального пункта Бирманской дороги, что гипотетически могло вывести Китай из войны. Ведемейер предложил план обороны главного города Юньнани, предусматривавший создание на подступах к нему второго эшелона войск на случай неудачной защиты Гуйяна. Для этого предполагалось использовать 57-ю армию, сняв ее с блокады коммунистических баз в Шэньси, и 53-ю армию с Салуинского фронта. В Куньмин намечалось перебросить также знаменитые 22-ю и 38-ю дивизии из Бирмы. Координировать действия “сил Игрек” и “сил Зет” должно было китайско-американское командование, которое возглавил военный министр Хэ Инцинъ — представитель “клики Хуанпу”⁴⁴.

В итоге в Куньмин из Бирмы по воздуху в начале января 1945 г. были переброшены 22-я и 14-я дивизии⁴⁵. Началось и выдвижение 53-й армии “сил Игрек” в Юньнань. Однако японцы показали, что Куньмин не является их целью, начав отвод 11-й армии из Гуйчжоу в Гуандун. Операция “Итиго” в январе 1945 г. завершилась. Это дало возможность не отвлекать войска от 3-й Бирманской кампании, начавшейся еще при Стилуэлле.

В сентябре 1944 г., когда британская 14-я армия отбивала японское наступление в Аракане и в долине Чиндуина, китайские войска в Юньнани и союзные части в северной Бирме вступили в соприкосновение с японской 33-й армией (56-я дивизия в Лунлине, 18-я в Бамо, 2-я — в резерве в Лашо). В октябре Новая 1-я армия под командованием Сунь Лижэня (38-я, 30-я и 50-я дивизии) выдвинулась к югу от Мьичины для наступления на Бамо с востока. 36-я британская дивизия и Новая 6-я армия Ляо Яосяна (14-я и 22-я дивизия, позже переброшенные в Юнь-

нань) продвинулись на юго-запад, в район Индо — Пинве (около 100 км к западу от Бамо). Авиация союзников абсолютно господствовала в воздухе, позволяя осуществлять и связь между частями, и их снабжение. 30 ноября британцы заняли Пинве и продолжили продвижение вниз по течению Иравади. Две китайские армии к середине ноября окружили Бамо и 15 декабря вынудили противника к сдаче.

К тому времени “силы Игрек” в Юньнани атаковали японцев и вытеснили их с территории Китая в приграничье, в район Ваньтина (около 200 км севернее Лашо). Для японцев, знавших из радиоперехвата о переброске двух дивизий в Юньнань, стало сюрпризом быстрое наступление Новой 1-й армии, освободившей в декабре 1944 — январе 1945 гг. район между Бамо на западе и Ваньтином на востоке, а в марте — Лашо. Тем самым сухопутный путь из Ледо получил пригодный к использованию в любой сезон участок от Бамо до Мон Юя — населенного пункта к югу от Ваньтина, у соединения так называемой дороги Ледо с Бирманской дорогой. Транспорты из Ассама уже в январе двинулись по этому маршруту и первый из них достиг Куньмина 4 февраля 1945 г. С блокадой Китая было покончено. Развивая успех, в марте британцы заняли Мандалай, а в мае Рангун⁴⁶.

2-я и 3-я бирманские кампании км войск продолжались в течение 17 месяцев. В общей сложности “силы Икс” прошли от своих баз в Индии до последних операционных рубежей более 600 километров, не потерпев ни одного поражения. Стилуэлл резюмировал их успехи в присущей ему солдафонской манере: “Китайские войска были великолепны — и они выполнят все, что я скажу. Их хвосты задраны, и они вгрызаются в джапов с полным сознанием того, что могут выбить из них дух ко всем чертям”⁴⁷. По утверждению Стилуэлла, японцы в боях против “сил Икс” только убитыми потеряли более 20 тыс. чел.⁴⁸. Всего китайские части вместе с “мародерами Меррилла” записали на свой счет 75 тыс. убитых и раненых солдат и офицеров противника, 3 023 чел. были взяты в плен⁴⁹.

В значительной мере успех китайских войск был достигнут за счет того, что в период тренировок и боев они являлись частью отлаженной, унифицированной, передовой военной организации. Американский проект, элементом которого было вооружение и обучение китайской группировки в Индии, исходил из возможности создания подобной организации в Китае волевым политическим решением. В расчет не принималась шаткость внутреннего военно-политического баланса, который как раз в результате такого решения мог рухнуть безвозвратно. Поэтому бирманский триумф вряд ли возможно было повторить на китайской территории.

Операции в Бирме были осуществлены благодаря сложному согласованию интересов и усилий и решали задачи, принципиально важные для союзных государств, войска которых участвовали в этих кампаниях. Их результатом стало восстановление сухопутного пути военных поставок в Китай, поддержание пошатнувшегося авторитета чунцинского правительства, изгнание японской армии из британских владений в Южной Азии и лишение таким образом Японии важного стратегического плацдарма. Успех бирманских кампаний содействовал приближению общей окончательной победы союзников, обильно оплаченной кровью фронтовиков, в том числе китайского солдата.

---

1. В российской литературе эта тема почти не поднималась, а в Китае некоторое внимание к ней после длительного перерыва было проявлено только с 1980-х годов. Такая ситуация во многом обусловлена политическими причинами. Для советских историков

- изгнание японцев из Бирмы было эпизодом борьбы за колониальные владения; к тому же главная заслуга в этой победе принадлежала войскам нелюбимого в СССР чанкайшистского режима и британцам. Та же причина мешает оценить действия китайских войск в Бирме историкам КНР. В статье "Вторая мировая война" раздела "Военное дело" ["Цзюньши", т. 1] "Большой китайской энциклопедии" ["Чжунго да байкэ цюаньшу". Пекин: Чжунго да байкэ цюаньшу чубаньшэ, 2002] лишь парой строк упомянуто участие китайских войск в освобождении Бирмы в 1944—1945 гг., а статья "Война сопротивления Японии" бирманские операции игнорирует вовсе. Вышедшая в 1987 г. книга Ло Хуаньчжана и Чжи Шаоцэна "Чжунхуа миньцзудэ канжи чжаньчжэн" ["Война сопротивления китайской нации Японии". Пекин] посвящает бирманским кампаниям небольшие главы и параграфы (с. 347—355, 446—452). Невнимание гоминда-новских властей на Тайване к тем событиям тоже имело политическую подоплеку: на их главном герое, генерале Сунь Лижэне, с 1955 г. висел ярлык оппозиционера. Лишь через 30 с лишним лет начали выходить книги о нем, см. напр.: Сунь Кэган. Чжунго цзюнь хунь: Сунь Лижэнь цзянцзюнь Мяндянь цзочжань шилу [Душа китайской армии: правдивые записи о боевых действиях генерала Сунь Лижэня в Бирме]. Тайбэй, 1993).
2. *Romanus Ch.F., Sunderland R.* Stilwell's Mission to China. United States Army in World War II, Series 9: China Burma-India Theater. Wash., 1953. Vol. 1. P. 43-45; *Dreyer E.L.* China at War, 1901—1949. L.; N.Y., 1995. P. 267.
  3. *Dreyer E.L.* Op. cit. P. 267.
  4. *Liu F.F.* A Military History of Modern China, 1924—1949. Princ.; N.J., 1956. P. 177; *Romanus Ch.F., Sunderland R.* Op. cit. China Burma-India Theater. Wash., 1953. Vol. 1. P. 32—35; *Dreyer E.L.* China at War, 1901—1949. L.; N.Y., 1995. P. 267.
  5. *Dreyer E.L.* China at War, 1901—1949. L.; N.Y., 1995. P. 271; *Romanus Ch.F., Sunderland R.* Op. cit. P. 118.
  6. См.: Ван Юнцзюнь. Хуанпу цзюньсяо сань бай мин цзян чжуань [300 биографий знаменитых генералов, вышедших из военной школы Хуанпу]. Наньнин, 1989. С. 104—105, 200—206, 390—391, 803—806, 835—839.
  7. См.: *Liu F.F.* Op. cit. P. 184—185.
  8. *Liu F.F.* Op. cit. P. 212. По другим данным, численность только китайских войск составляла около 100 тыс. См.: Ло Хуаньчжан, Чжи Шаоцэн. Чжунхуа миньцзудэ канжи чжаньчжэн [Война сопротивления китайской нации Японии]. Пекин, 1987. С. 355.
  9. *Romanus Ch.F., Sunderland R.* Op. cit. P. 93—148; *Dreyer E.L.* Op. cit. P. 271.
  10. *Romanus Ch.F., Sunderland R.* Op. cit. P. 167.
  11. *Liu F.F.* Op. cit. P. 184.
  12. *Romanus Ch.F., Sunderland R.* Op. cit. P. 211—220; *Dreyer E.L.* Op. cit. P. 273.
  13. *Romanus Ch.F., Sunderland R.* Op. cit. P. 143.
  14. *Liu F.F.* Op. cit. P. 184; Сунь Кэган. Указ. соч. С. 29.
  15. Сунь Кэган. Указ. соч. P. 185; *Ho Yung-chi.* The Big Circle. N.Y., 1948. P. 45.
  16. *Liu F.F.* Op. cit. P. 185.
  17. Цит. по: *Liu F.F.* Op. cit.
  18. Цит. по: *Liu F.F.* Op. cit. P. 186; *Eldridge F.* Wrath in Burma. N.Y., 1946. P. 142.
  19. *Liu F.F.* Op. cit. P. 186; *China, After Seven Years of War.* N.Y., 1945. P. 208.
  20. Сунь Кэган. Указ. соч. С. 29.
  21. *Liu F.F.* Op. cit. P. 181, 189-191.
  22. *Liu F.F.* Op. cit. P. 181; *Romanus Ch.F., Sunderland R.* *Liu F.F.* Op. cit. P. 372—373.
  23. *Dreyer E.L.* Op. cit. P. 272. Подробно см.: *Liu F.F.* Op. cit. P. 60—70.
  24. См.: *Liu F.F.* Op. cit. P. 275; *Tang Tsou.* America's Failure in China, 1941—1950. Chic., 1963. P. 57—87.
  25. Ван Юнцзюнь. Указ. соч. С. 341.
  26. *Dreyer E.L.* Op. cit. P. 277.
  27. *Romanus Ch.F., Sunderland R.* Op. cit. P. 253; *Dreyer E.L.* Op. cit. P. 276.
  28. *Dreyer E.L.* Op. cit. P. 272.
  29. *Romanus Ch.F., Sunderland R.* Op. cit. P. 172; *Dreyer E.L.* Op. cit. P. 273.

30. *Dreyer E.L.* Op. cit.
31. Вскоре японцы, выполнив свою задачу, отошли на прежние позиции. Они потеряли 1125 человек убитыми и 3 636 ранеными, однако Чэннолт представил их отход как следствие блестящих действий армии Чан Кайши: согласно его докладу, японцы потеряли 30 тыс. из своей 100-тысячной группировки. Таким образом он убеждал начальство в том, что его передовые аэродромы в Хунани надежно защищены и могут быть использованы для развертывания обещанной тотальной воздушной войны. См.: *Romanus Ch.F., Sunderland R.* Op. cit. P. 301—310, 335—337; *Dreyer E.L.* Op. cit. P. 278.
32. *Romanus Ch.F., Sunderland R.* Op. cit. P. 258, 367—381; *Dreyer E.L.* Op. cit. P. 279.
33. *Romanus Ch.F., Sunderland R.* Stilwell's Command Problems. United States Army in World War II. Series 9: China_Burma-India Theater. Vol. 2. Wash., 1956. P. 15—48; *Dreyer E.L.* Op. cit. P. 280.
34. *Romanus Ch.F., Sunderland R.* Stilwell's Command Problems... P. 46-82; *Dreyer E.L.* Op. cit. P. 281—282.
35. *Dreyer E.L.* Op. cit. P. 282.
36. *Romanus Ch.F., Sunderland R.* Stilwell's Command Problems... P. 119—159; *Dreyer E.L.* Op. cit. P. 282—283. Подробно см.: *Anders L.* The Ledo Road: General Joseph W. Stilwell's Highway to China. Norman, 1965.
37. *Romanus Ch.F., Sunderland R.* Stilwell's Command Problems... P. 160—172; *Dreyer E.L.* Op. cit. P. 283; *Harries M., Harries S.* Soldiers of the Sun: The Rise and Fall of the Imperial Japanese Army. N.Y., 1991. P. 406-414.
38. *Romanus Ch.F., Sunderland R.* Stilwell's Command Problems... P. 74, 109—116; *Dreyer E.L.* Op. cit. P. 284.
39. *Romanus Ch.F., Sunderland R.* Stilwell's Command Problems... P. 297—314; *Dreyer E.L.* Op. cit. P. 285.
40. *Romanus Ch.F., Sunderland R.* Stilwell's Command Problems... P. 317—374; *Dreyer E.L.* Op. cit. P. 285—287.
41. Цит. по: *Dreyer E.L.* Op. cit. P. 288.
42. Цит. по: *Dreyer E.L.* Op. cit. См. также: *Romanus Ch.F., Sunderland R.* Stilwell's Command Problems... P. 433—446; *Liu F.F.* Op. cit. P. 180.
43. *Byrd M.* Chennault: Giving Wings to the Tiger. Tuscaloosa, 1987. P. 179; *Dreyer E.L.* Op. cit. P. 277—288, 300.
44. *Romanus Ch.F., Sunderland R.* Time Runs Out in CBI. United States Army in World War II, Series 9: China_Burma-India Theater. Vol. 3. Wash., 1959. P. 56-64; *Dreyer E.L.* Op. cit. P. 300—301.
45. *Dreyer E.L.* Op. cit. P. 301—302.
46. *Romanus Ch.F., Sunderland R.* Time Runs Out in CBI... P. 77—141, 165—168; *Dreyer E.L.* Op. cit. P. 302—303; *Сунь Кэган.* Указ соч. С. 86—117.
47. Цит. по: *Liu F.F.* Op. cit. P. 189.
48. Ibid.
49. Ibid. P. 215.

Об "ответственности внешних сил" за начало Корейской войны

© 2010

К. Асмолов

Автор предпринял попытку разобраться в том, кто действительно несет ответственность за развязывание Корейской войны. В статье сопоставляются различные концепции на эту тему и использовавшиеся в них пропагандистские клише. Самим автором Корейская война воспринимается как гражданская, спровоцированная расколом страны и усугубленная внешним вмешательством. Подчеркивая при определении причин войны приоритет внутренних факторов, он отмечает особую роль Пак Хон Ёна как одного из главных сторонников развязывания этого военного конфликта.

Ключевые слова: Корейская война, "холодная война", СССР, КНР, США, первичность внутренних факторов, пропаганда.

Вопрос о том, "кто начал Корейскую войну" и какова была в этом роль внешних сил (Москвы, Пекина, Вашингтона), является одним из наиболее спорных в российском и зарубежном корееведении.

До начала перестройки советская историография в целом поддерживала официальную северокорейскую версию о том, что войну начал Юг. Эта точка зрения отражена в двухтомном учебнике истории Кореи, изданном в 1974 г., который практически до конца 1980-х гг. считался основным учебным пособием по данному предмету.

В более поздних материалах, в частности, курсе лекций по истории Кореи в Институте стран Азии и Африки при Московском государственном университете, который читал в конце 1980-х — начале 1990-х гг. профессор М.Н. Пак, прямо говорилось, что войну начал Север и критиковалась политика Сталина и Ким Ир Сена.

В своих вышедших на Западе мемуарах темы Корейской войны касался Н.С. Хрущев. Признавая, что войну начал Север, бывший советский лидер обвинял Сталина скорее в нерешительности и недостаточной вовлеченности в корейские проблемы:

"Мне осталось совершенно непонятно, почему, когда Ким Ир Сен готовился к походу, Сталин отозвал наших советников, которые были раньше в дивизиях армии КНДР, а может быть, и в полках"... "Если бы

Ким Ир Сен получил от нас еще один, максимум два танковых корпуса, то ускорил бы продвижение на юг и с ходу занял бы Пусан”, — писал он¹.

Пожалуй, именно с обсуждения этих высказываний в российских исследованиях о Корейской войне возник вопрос, можно ли рассматривать ее как “войну Сталина”, инициированную не Пхеньяном, а Москвой и направленную на решение геополитических проблем СССР.

В трудах корееведов в конце 1980-х гг. данный аспект Корейской войны как бы “опускался”. В работе В.Д. Тихомирова “Корейская проблема и международные факторы (1945 — начало 80-х гг.)”, написанной в конце 1980-х, но опубликованной в 1998 г., в частности, говорилось:

“Между тем ситуация на Корейском полуострове все более накалялась, вдоль 38-й параллели непрерывно происходили военные столкновения, которые затем переросли в войну.

*Такое развитие событий не было случайным, оно было подготовлено всем предшествующим процессом углубления и обострения неразрешимых противоречий внутреннего и внешнего плана на фоне заметно усилившейся на рубеже 40–50-х годов “холодной войны” США и западного мира против Советского Союза”*².

В труде “Война в Корее, 1950–1953” (этот военно-исторический очерк Корейской войны был составлен еще в 1950-е гг. коллективом авторов под руководством С.С. Потоцкого и являлся закрытым материалом, предназначенным исключительно для командного состава ВС) вопрос о начале Корейской войны был обойден. Указывалось, что советские источники сообщают по этому поводу одно, а американские — другое. В переиздании этой работы в 2003 г. относительно американской точки зрения было добавлено что “публикации ряда материалов в современной России косвенно подтверждают” ее³.

В мемуарах М.С. Капицы “На разных параллелях”, опубликованных в 1996 г., этот вопрос также дипломатично обойден. Указывается, что к войне готовились обе стороны и “посторонним наблюдателям трудно было понять, кто же произвел первый выстрел”⁴.

Первым, кто “озвучил” отличную от официальной трактовку Корейской войны и открыто сказал, что войну начал Север, был А.Н. Ланьков в книге “Северная Корея: вчера и сегодня” (1993).

Немного позже тему Корейской войны начал разрабатывать ректор МГИМО академик МИД РФ А.В. Торкунов. В 1995 г. Корейской войне была посвящена глава в его книге “Корейская проблема: новый взгляд”, где пересматривался традиционный для того времени подход к проблемам Корейского полуострова в целом⁵.

Установление в 1990 г. дипломатических отношений с Республикой Корея и последующее развитие с ней культурных связей позволили российским исследователям ознакомиться с большим массивом недоступных им ранее трудов западных и южнокорейских авторов.

Кроме того, в российском корееведении появилась новая группа исследователей, преимущественно этнических корейцев, которые ранее времени корееведами не были, но стали считаться таковыми благодаря своей национальной принадлежности. Южнокорейская сторона воспринимала их как “своих” и, под-

держивая грантами и т.п., использовала как канал доведения собственной точки зрения до российской стороны⁶.

В их интерпретации главным виновником Корейской войны и всех бед Корейского полуострова стал Сталин. Такую тенденцию подстегнул визит Б. Ельцина в РК в 1993 г., в ходе которого он передал корейским властям большую коллекцию рассекреченных документов, подтверждающих концепцию Корейской войны как «войны Сталина». Правда, впоследствии выяснилось, что эти документы были пристрастной выборкой. Детальный анализ более широкого массива документов из российских архивов показывает, что картина была неоднозначной. Так, американка Кэтрин Везерсби после работы в российских архивах пришла к выводу, что Сталин не был заинтересован в расширении своей зоны контроля и рассматривал КНДР скорее как буферное государство для защиты своих собственных границ⁷.

С изменением ситуации в России после прихода к власти В.В. Путина в российской исторической науке была предпринята определенная попытка отойти от пропагандистских мифов — как советских, так и постперестроечных. С другой стороны — антиамериканские настроения, распространенные в определенных кругах российской интеллигенции, привели к тому, что Корейскую войну начали рассматривать, в первую очередь, через призму советско-американского противостояния.

В тот же период у ученых-корееведов возникла потребность написать учебники новой и новейшей истории Кореи взамен морально устаревших. К тому же, в 2000 г. отмечалось 50-летие начала Корейской войны, и к этой дате было приурочено несколько знаковых мероприятий, в том числе организованная Институтом военной истории конференция, посвященная Корейской войне.

Формат конференции не позволил провести полномасштабные дискуссии между представителями разных точек зрения, но на ней был рассмотрен ряд военных и военно-политических аспектов Корейской войны. Из-за финансовых проблем материалы конференции были изданы⁸ очень малым тиражом и не имели должного резонанса.

В том же году вышла книга А.В. Торкунова «Загадочная война»⁹, которая впоследствии была переведена на английский, японский и корейский языки. В ней суть рассматриваемой проблемы излагается следующим образом:

«Обе стороны — и просоветский Север и проамериканский Юг — не мыслили свою нацию разьединенной и рвались в бой, на уничтожение идеологического и политического оппонента. Ким Ир Сен на протяжении ряда лет добивался одобрения со стороны Сталина на объединение страны военными методами. Советский лидер был против, не желая нарушать договоренности с США и создавать новый очаг напряженности.»

Но к 1950 г. настроения в Кремле изменились. «Холодная война» уже не знала пределов, и договоренности держав-победительниц во Второй мировой войне были так или иначе похоронены. При этом соотношение сил на Дальнем Востоке явно изменилось в пользу советского лагеря — в Китае победили коммунисты, обещавшие в случае необходимости помочь северокорейцам. В Москве пришли к выводу, что на юге Кореи будут приветствовать коммунистов, а США, как и в случае с Китаем, смирятся с поражением».

Как подчеркивал автор, «считать, что Пхеньян и Сеул были просто заложниками в большой игре великих держав было бы неправильно. К войне на по-

луострове тщательно готовились и обе корейские стороны. И, готовясь к этой войне, они никак не стремились оказаться в роли пешек, обслуживающих глобальные амбиции Москвы и Вашингтона. В основе их политики лежали, прежде всего, властные и националистические устремления. Можно с определенностью сказать, что Корейская война изначально носила характер войны гражданской с той лишь особенностью, что раздел страны по 38-й параллели географически обусловил и раздел противостоящих политических сил¹⁰.

В начале XXI в. был опубликован целый ряд трудов на русском языке, в которых затрагивалась тема Корейской войны. Это как авторские работы, так и комментированные переводы книг иностранных авторов, в первую очередь — “Корейская война” У. Стьюка (М., 2002).

Следует отметить, что переводной зарубежной литературы о Корейской войне на русском языке очень мало. Основные работы Б. Камингса, М. Гастингса, А. Миллета, Ким Ен Сика или иных авторитетных исследователей известны массовому читателю только в изложении российских ученых.

Наряду с печатными изданиями тема Корейской войны активно обсуждается а Интернетe, где преобладает не столько “корееведческий”, сколько “общий” подход. Как правило, “сетевые материалы” отличаются довольно высоким уровнем пропагандистской направленности, поэтому не вполне соответствуют научным критериям.

Сохраняющееся представление о том, что корейская война была “войной Сталина”, подразумевает то, что главным инициатором военного конфликта была именно Москва, а не Пхеньян. Решение начать войну было будто бы принято Сталиным в рамках глобального плана по распространению коммунистических идей и грядущей мировой революции.

Наиболее известный российский сторонник этого взгляда Александр Панцов в ряде своих публикаций¹¹ и выступлений утверждал, что Сталин активно давил не только на Пхеньян, но и на Пекин, требуя, чтобы Китай включился в войну за чуждые ему интересы. Более того, Сталин не только “продавил” идею начать войну, но сделал это для того, чтобы спровоцировать третью мировую, столкнув в военном конфликте Китай и США.

Таким образом, принципиально важно, по мнению автора, дать ответы на следующие вопросы.

- Можно ли говорить, что война началась по инициативе или “с одобрения” Сталина?
- Какие факторы повлияли на изменение позиции Москвы и на основании какой информации было принято данное решение?
- Была ли в отсутствии советского представителя в Совете Безопасности ООН какая-то особенная интрига, и насколько очевидным было вторжение США в Корею в июне 1950 г.?
- Как представлял Сталин перспективы войны?
- Кого конкретно можно считать главным инициатором войны со стороны Севера?

Как Москва принимала решение

Еще в ходе первого визита в Москву в 1949 г. Ким Ир Сен поднял вопрос об объединении полуострова с применением военной силы, но Сталин был против.

М.С. Капица рассказывает о встрече Ким Ир Сена со Сталиным 5 марта 1949 г. так: *«Сталин заметил, что он не может сказать, что Север имеет абсолютный перевес над Югом, поэтому наступление на Юг невозможно... Он советовал лидерам КНДР подумать, произвести расчеты и вновь приехать. Сталин допускал возможность контрудара в случае нападения со стороны Южной Кореи»*¹².

По сути, сталинское мнение на тот момент было таково: «Вы имеете право на контратаку только если против КНДР будет совершена вооруженная провокация». Между тем, вооруженных провокаций на демаркационной линии между Севером и Югом хватало, причем настолько, что не только левые южнокорейские историки, но и некоторые американские (А. Миллет) говорят о «партизанском этапе войны», хотя конфликты с участием сил до батальона при поддержке танков, артиллерии и авиации партизанщиной назвать нельзя. По мнению Б. Каммингса, интенсивность приграничных конфликтов до официального начала Корейской войны была сравнима с «окопным» периодом войны в 1952–1953 гг.

Ю.В. Ванин упоминает о том, что советский посол в КНДР Т.Ф. Штыков¹³ направил в Москву более 50 записок, в которых указывал на провокации с южнокорейской стороны и на неминуемость перетекания их в конфликт большего масштаба.

Последнее довольно важно, так как в массовом сознании нападение Севера на Юг выглядит внезапным, вероломным и неспровоцированным. Это не совсем так. Милитаристские заявления руководства Юга, которые, в отличие от высказываний северян, звучали гораздо более конкретно, открыто и патетично, свидетельствуют о том, что южнокорейская сторона обладала не меньшими амбициями. Соединенные Штаты старались сдерживать южан, опасаясь, что такой одиозный руководитель страны, как Ли Сын Ман, втравит Америку в войну в абсолютно неподходящий момент. Таким образом, очевидно, что военные устремления Юга не могли не приниматься Москвой в расчет.

15 сентября 1949 г. Штыков пишет докладную записку с подробным анализом политического и экономического положения РК. В ней упоминается, что Ким Ир Сен и Пак Хон Ён* считают объединение страны мирным путем невозможным и не хотят быть ответственными за его затягивание.

*«Ким Ир Сен и Пак Хен Ён, видимо, учитывают обстановку и не хотят быть ответственными за затяжку объединения страны. Не видя возможности объединения страны мирным путем, они пришли к мысли провести объединение страны путем вооруженного выступления против южнокорейского правительства. Они считают, что в этом мероприятии их поддержит народ как на севере, так и на юге страны. Они, видимо, учитывают, что если объединение не провести в настоящее время, хотя вооруженным путем, тогда вопрос с объединением затянется на годы. Южнокорейской реакции удастся задумать демократическое движение на юге, разгромить и уничтожить их левые организации. Одновременно южнокорейская реакция использует это время для создания более сильной армии и может напасть на север страны с тем, чтобы уничтожить все то, что создано на севере за эти годы»*¹⁴.

Сам Штыков тоже склоняется к поддержке этого предложения, однако указывает на возможное вмешательство американцев. По сути, он предлагает ог-

* Министр иностранных дел РК, вице-премьер, руководитель компартии Южной Кореи.

раниченный конфликт по захвату Кэсона и Ончжинского полуострова, в качестве повода для которого можно использовать провокации южан¹⁵.

Тем не менее, до определенного времени позиция Кремля была однозначной: “добро” на войну не давать — ни на глобальную, ни на ограниченную.

24 сентября 1949 г. Политбюро ЦК ВКП(б) оценило план нанесения упреждающего удара и освобождения Юга как нецелесообразный, чреватый долгой войной и иностранной интервенцией¹⁶. В директиве Штыкову в ответ на его записку отмечалось, что военное наступление не подготовлено ни с военной, ни с политической стороны, а “частная операция” будет, безусловно, рассмотрена как начало войны¹⁷. Открытым текстом указывалось, что у КНДР нет “необходимого превосходства вооруженных сил”, а это значит, что “неподготовленное должным образом наступление может превратиться в затяжные военные операции, которые не только не приведут к поражению противника, но и создадут значительные политические и экономические затруднения”. Рекомендовалось “поднять широкие народные массы Южной Кореи на активную борьбу, развернуть партизанское движение по всей Южной Корее, создать там освобожденные районы”. По мнению Политбюро, “только в условиях начавшегося и действительно разворачивающегося народного восстания, подрывающего основы реакционного режима, военное наступление на юг могло бы сыграть решающую роль в деле свержения южнокорейских реакционеров”¹⁸.

Обратим внимание, что предложение северокорейского руководства о силовом варианте разрешения проблемы не встретило однозначной поддержки не только у высокого начальства в Москве, но и в советском посольстве в Пхеньяне. Если посол КНДР Т. Ф. Штыков скорее поддерживал эту идею, то советник посольства Г.И. Тункин, который в отличие от генерала-политработника Штыкова был профессиональным дипломатом, придерживался более осторожной линии. Запретительная резолюция заседания Политбюро ЦК ВКП(б) в октябре 1949 г., наложившая “вето” на представленный Штыковым проект “ограниченной войны”, была составлена в значительной степени исходя из его докладной записки¹⁹.

Неслучайно Штыкову предписывалось “строго придерживаться приведенного текста”. Такое напоминание может быть расценено как указание на то, что, зная позицию самого Штыкова по этому вопросу, Москва специально потребовала от него передать северокорейскому руководству информацию точно как в директиве.

26 октября 1949 г. в телеграмме на имя Мао Цзэдуна Сталин выражает согласие с мнением Мао о том, что корейской армии не следует вести наступление, т. к. военная кампания не подготовлена ни с военной, ни с политической стороны. По его мнению, корейским друзьям следует сосредоточить свои силы на развитии партизанского движения и создании освобожденных районов на Юге, с одной стороны, и укреплению Корейской Народной армии, с другой²⁰.

19 января 1950 г. Т.Ф. Штыков докладывает Москве о разговоре с Ким Ир Сеном, который сетовал на то, что партизаны не решают дело, что Мао, хотя не рекомендовал наступать на Юг, однако обещал помочь, и что ему необходимо встретиться со Сталиным и лично убедить его²¹.

Сталин посоветовался с Мао и 30 января 1950 года телеграфировал Штыкову: *Ким Ир Сен “должен понять, что такое большое дело в отношении Южной Кореи, которое он хочет предпринять, нуждается в большой подготовке.*

Дело надо организовать так, чтобы не было слишком большого риска. Если он хочет побеседовать со мной по этому делу, то я буду готов принять его и побеседовать с ним. Передайте все это Ким Ир Сену и скажите ему, что я готов помочь ему в этом деле”.

Некоторые историки воспринимают этот пассаж как доказательство того, что инициатива развязывания войны исходила из Москвы, а не из Пекина или Пхеньяна. При этом они упускают из виду исторический контекст, в котором прозвучала данная фраза. В первую очередь — донесения Штыкова о многочисленных провокациях с южнокорейской стороны и обращенных к Москве просьбах северокорейского руководства перейти к активным действиям.

В апреле 1950 г. Ким Ир Сен снова появляется в Москве и пытается убедить Сталина в том, что к вторжению все готово. Сталин советует дополнительно обсудить вопрос “с китайскими товарищами” и в апреле — мае 1950 г. Ким Ир Сен и Пак Хон Ён посещают Пекин, где происходит окончательное формирование китайско-корейского военного союза.

Ким Ир Сен и его делегация провели в Москве почти весь апрель 1950 г., но убедили Сталина “дать добро” только в начале мая. Именно после этого советскому послу в КНР была передана телеграмма для Мао Цзэдуна, текст которой приводится полностью: “Тов. Мао Цзэдун! В беседе с корейскими товарищами Филиппов и его друзья высказали мнение, что в силу изменившейся международной обстановки они согласны с предложением корейцев приступить к объединению. При этом было оговорено, что вопрос должен быть решен окончательно китайскими и корейскими товарищами совместно, а в случае несогласия китайских товарищей решение вопроса должно быть отложено до нового обсуждения. Подробности беседы могут рассказать Вам корейские товарищи. Филиппов”²². Мао высказал согласие с такой оценкой.

Обычно текст этой телеграммы обрывают на слове “совместно”, однако в полном варианте становится понятным, что речь идет даже не о консенсусе между китайской и корейской стороной, а о том, что последнее слово в этом вопросе оказывается не за Москвой, а за Пекином. С точки зрения автора, это наиболее четкое доказательство того, что о “продавливании” Сталиным своей позиции говорить нельзя.

Из всего описанного выше следует, что основным инициатором начала войны был именно Пхеньян. Москва же сначала отвергла идею, затем выразила готовность помочь, но указала, что даст “добро” в случае, если инициативу поддержит Пекин, и лишь затем согласилась с необходимостью вторжения, приняв во внимание изменившуюся обстановку.

Это же видно и по рассекреченным документам, в первую очередь — сообщениям Штыкова. В сообщениях “на военную тему” он информирует Москву о настроениях Пхеньяна, а не докладывает о результатах того, насколько ему удалось довести до руководства КНДР московские планы начала конфликта.

Не подтверждается и предположение о кремлевском диктате и неучете мнения союзников. Архивные документы, которые в настоящее время находятся в распоряжении историков, говорят о том, что хотя Мао, выбивая одобрение начала войны китайским руководством, сослался на мнение Сталина²³, нам не известны документы за подписью Сталина, в которых он требовал от Пекина поддерживать его точку зрения без учета местных условий. Скорее наоборот, из цитированного выше видно, что окончательное решение предлагается принять Мао.

Четвертая причина

Отчего же Сталин дал добро на начало войны? Обычно в качестве причин смены курса приводят речь Д. Ачесона, появление у Советского Союза своего ядерного оружия и образование КНР. Две последних, по мнению автора, не следует воспринимать как определяющие.

Да, ядерное оружие появилось у Советского Союза в 1949 г., однако наличие достаточного для ведения серьезной войны количества ядерных зарядов, а также создание необходимых средств их доставки (в первую очередь, стратегической авиации) относятся к более позднему времени. Между тем, начинать войну неподготовленным — чрезвычайный риск.

Образование КНР также не стоит воспринимать как решающий аргумент. Китай только что вышел из длительной гражданской войны, поэтому значительная часть руководства КПК полагала, что необходимо в первую очередь сконцентрироваться на восстановлении страны, а не тратить силы и ресурсы вовне.

Таким образом, не стоит полагать, что образованная незадолго до этого КНР была мощным союзником, который радикально изменил баланс сил, и что Пекин был готов помогать Москве во всех ее начинаниях.

Поэтому следует допустить, что кроме трех озвученных причин была и четвертая, которая касается изменений не столько во внешнеполитической ситуации, сколько внутри СССР.

Дело в том, что Советский Союз 1950-х гг. был идеократическим государством, в котором решения принимались не только из соображений политической рациональности, но и в силу соответствия определенным идеологемам. Одной из таких идеологем был представление о революционной ситуации, которая неизбежно должна разрешиться разрушением старого порядка. Апелляция к подобной догме в идеократическом обществе достаточно действенна. Так же, как логика и политика Запада диктовали ему стратегию противостояния коммунистической экспансии, формальная логика Кремля не давала ему права оставить без внимания “революционную ситуацию” на Юге.

И если представители КНДР начинают заверять Москву в том, что на Юге налицо все признаки революционной ситуации, которую стоит лишь немного подтолкнуть, это не может быть проигнорировано. Во-первых, потому что в такой ситуации идеологическому союзнику не помочь нельзя. Во-вторых, революционная ситуация действительно позволила бы осуществить смену режима быстро и без особого риска.

Ссылки именно на такой характер аргументации есть в мемуарах М.С. Капицы²⁴, по словам которого Пак Хон Ён “утверждал, что на Юге сложилась революционная ситуация, что как только начнется наступление Народной армии, там произойдут мощные народные выступления, сеульские власти будут парализованы и согласятся на объединение”²⁵.

Основания так думать были. Масштаб левого сопротивления режиму Ли Сын Мана в 1948–1949 гг. был сравним с масштабом антияпонского сопротивления в Корее в начале XX в. В 1950 г. эта активность уже начала спадать. Сказались и проведенная режимом куцая аграрная реформа, и весьма жесткие меры по подавлению левых выступлений. Однако снаружи это было менее заметно, чем изнутри, и представители Северной Кореи вполне могли потрясать цифрами и фактами, однозначно говорящими о том, что объединение страны будет легким.

Автор полагает, что вся стратегия Москвы в корейском вопросе, включая невнимание к возможному американскому вмешательству, строилась на 100%-ной уверенности в том, что война на Корейском полуострове будет развиваться как блицкриг. Северокорейская армия в кратчайшие сроки подавляет сопротивление противника, захватывает Сеул, после чего по всей стране тут же разворачивается всенародное восстание, максимум за месяц южнокорейский режим прекращает свое существование, и международному сообществу придется мириться с новым положением дел на Корейском полуострове.

Это косвенно подтверждается тем, как выглядела северокорейская стратегия в первые дни войны, когда после блестящих успехов, почти полного разгрома южнокорейской армии в прифронтовой зоне и захвата Сеула армия КНДР примерно неделю не продолжает развивать успех, а чего-то ждет. М.С. Капица открыто говорит, что расчеты Пак Хон Ёна не оправдались²⁶.

Недельную паузу, которую трудно объяснить со стратегической точки зрения (особенно в условиях блицкрига), трактуют по-разному. По мнению М. Гастингса, она была вызвана необходимостью перегруппироваться и решить вопросы логистики²⁷. Однако дальнейший темп наступления северокорейцев таких пауз не знал, несмотря на гораздо большие проблемы в данной сфере.

Другая версия сводится к тому, что существовавший план нападения на Юг не предусматривал масштабных боевых действий после падения Сеула. Северокорейские стратеги ожидали, когда же начнется всеобщее восстание, которое в такой ситуации должно было стать естественной реакцией населения Юга на фактическое крушение режима. Но время шло, восстания не было — и северокорейское командование перешло к дальнейшим действиям, упустив, как стало ясно позже, драгоценное время.

Какой была бы стратегия Москвы, если бы там заранее знали, что народные массы Юга не поддержат вторжение северян? Вопрос интересный. Но когда случилось то, что случилось, отступить северянам и тем, кто их поддерживал, было поздно. Москва и Пекин были дезинформированы относительно силы левого движения на Юге.

Что стояло за отсутствием советского представителя в Совете Безопасности ООН?

Сторонники теории «войны Сталина» полагают, что советский представитель вполне мог появиться на судьбоносном для Кореи заседании Совета Безопасности ООН и наложить «вето» на принятую там резолюцию, но раз этого не произошло, значит Сталин изначально планировал появление на полуострове американских войск и эскалацию конфликта. То, что Малик впоследствии не был наказан за этот дипломатический просчет, также используется ими как аргумент, что все изначально было запланировано.

К сожалению, эта аргументация тоже страдает рядом недостатков. Во-первых, забывается, что Советский Союз бойкотировал заседания Совбеза с января 1950 г., и отсутствие Малика не носило «разового» характера. Во-вторых, мы оцениваем решение, опираясь на «послезнание»: но если историкам начала XXI в., знающим, что было потом, американское участие в войне кажется очевидным, то дипломаты 1950 г. подобное развитие событий самым вероятным могли и не считать.

В ответ на этот тезис, правда, обличители Кремля обычно задают вопросы: “неужели было непонятно, что Соединенные Штаты будут активно участвовать в Корейской войне на стороне Юга?”.

Посмотрим, на основании каких предпосылок мог быть сделан вывод о том, что США примут в войне самое активное участие.

- Незадолго до этого американцы “потеряли” стратегически куда более значимый для них Китай. И что? США не вступили в войну на стороне Чан Кай-ши. Если они не поддержали такого старого союзника, то поддержат ли они Ли Сын Мана, имеющего гораздо более одиозную репутацию?

- В речи госсекретаря Ачесона Корея вынесена из оборонного периметра тех стран, которые Америка обещала защищать. Это несложно истолковать как знак будущего невмешательства США в корейские дела в силу “недостаточной важности” для них Кореи.

- К лету 1950 г. на карте мира можно было найти много мест, где “коммунистическая угроза” могла перерасти в серьезное военное столкновение. При этом основным фронтом противостояния считалась Европа, где в 1949 г. возник кризис, связанный с Западным Берлином. Достаточно серьезной была и обстановка в Греции, где только что закончилась трехлетняя гражданская война между коммунистами и сторонниками монархии. Кроме того, сложная ситуация сохранялась в Югославии, на Филиппинах, Ближнем Востоке и т. п. Вопрос о том, рискнет ли Америка ввязываться в большой конфликт именно из-за Кореи, неочевиден. Тем более, что она воспринималась как менее вероятное “поле боя”, чем Западный Берлин, Греция, Турция или Иран²⁸.

Таким образом, гораздо логичнее, на наш взгляд, выглядит вывод о том, что Соединенные Штаты, наоборот, не рискнули бы пойти на военное вмешательство, тем более такого масштаба.

Как аргумент в пользу “войны Сталина” нередко рассматривают отрывок из мемуаров А.А. Громыко, посвященный этому событию. Цитируем:

“Сталин, прочтя присланную из Нью-Йорка телеграмму советского представителя при ООН Я.А. Малика, позвонил вечером мне:

— Товарищ Громыко, какую, по вашему мнению, в данном случае следует дать директиву?

Я сказал:

— Министерством иностранных дел, товарищ Сталин, уже подготовлена на ваше утверждение директива, суть которой сводится, во-первых, к решительному отклонению упреков по адресу КНДР и Советского Союза и к столь же решительному обвинению США в соучастии в развязывании агрессии против КНДР. Во-вторых, в случае, если в Совет Безопасности будет внесено предложение о принятии решения, направленного против КНДР либо против этой страны и СССР, Малик должен применить право вето и не допустить принятия такого решения.

Сказав это, я ждал реакции Сталина. Он заявил:

— По моему мнению, советскому представителю не следует принимать участия в заседании Совета Безопасности.

Тут же он в жестких выражениях высказался по адресу Вашингтона за его враждебное к нашей стране и КНДР письмо Совету Безопасности.

Мне пришлось обратить внимание Сталина на важное обстоятельство:

— В отсутствие нашего представителя Совет Безопасности может принять любое решение, вплоть до посылки в Южную Корею войск из других стран под личиной «войск ООН».

Но на Сталина этот довод особого впечатления не произвел. Я почувствовал, что менять свою точку зрения он не собирается»²⁹.

К данному отрывку стоит подойти внимательно, даже вынося за скобки вопросы о возможной ангажированности Громыко и отличии мемуаров как источника от официальных документов. Видно, что Громыко волнуется и объясняет что решение может быть любым, а Сталин своего решения не меняет. Почему?

В нашем распоряжении есть собственноручное объяснение Сталина — его ответ президенту ЧССР К. Готвальду, в котором перечисляются причины такой позиции Советского Союза. Цитируем:

— «Мы ушли временно из Совета Безопасности с четверной целью: во-первых, с целью продемонстрировать солидарность Советского Союза с новым Китаем; во-вторых, с целью подчеркнуть глупость и идиотство политики США, признающих гоминьдановское чучело в Совете Безопасности представителем Китая, но не желающих допустить подлинного представителя Китая в Совет Безопасности; в-третьих, с целью сделать незаконными решения Совета Безопасности в силу отсутствия представителей двух великих держав (СССР и КНР); в-четвертых, с целью развязать руки американскому правительству и дать ему возможность, используя большинство в Совете Безопасности, совершить новые глупости с тем, чтобы общественное мнение могло разглядеть подлинное лицо американского правительства.

Я думаю, что нам удалось добиться осуществления всех этих целей. После нашего ухода из Совета Безопасности Америка впуталась в военную интервенцию в Корею и тем растрачивает теперь свой военный престиж и свой моральный авторитет. Едва ли теперь может кто-либо из честных людей сомневаться в том, что в военном отношении она не так уж сильна, как рекламирует себя. Кроме того, ясно, что Соединенные Штаты Америки отвлечены теперь от Европы на Дальний Восток. Дает ли все это нам плюс с точки зрения баланса мировых сил? Безусловно дает.

Допустим, что американское правительство будет и дальше увязать на Дальнем Востоке и втянет Китай в борьбу за свободу Кореи и за свою собственную независимость. Что из этого может получиться? Во-первых, Америка, как и любое другое государство, не может справиться с Китаем, имеющим наготове большие вооруженные силы. Стало быть, Америка должна надорваться в этой борьбе. Во-вторых, надорвавшись на этом деле, Америка будет не способна в ближайшее время на третью мировую войну. Стало быть, третья мировая война будет отложена на неопределенный срок, что обеспечит необходимое время для укрепления социализма в Европе. Я уже не говорю о том, что борьба Америки с Китаем должна революционизировать всю Дальневосточную Азию. Дает ли все это нам плюс с точки зрения мировых сил? Безусловно, дает.

Как видите, дело об участии или неучастии Советского Союза в Совете Безопасности не такой уже простой вопрос, как это может показаться на первый взгляд»³⁰.

Это объяснение представляется достаточно исчерпывающим с учетом как ожиданий Москвы относительно итогов вторжения, так и международной обста-

новки того времени, когда главной ареной будущей войны между двумя системами виделась Европа. С точки зрения Сталина, ситуация, когда Соединенные Штаты а) растрачивают силы, б) вынуждены перенести свое внимание на второстепенный участок, выгодна Советскому Союзу, который за это время может укрепить собственные позиции.

Что же касается американо-китайского противостояния, то, как видно из текста письма, Сталин не столько планирует вовлечение Китая в конфликт, сколько допускает подобное развитие ситуации в рамках стратегии истощения Соединенных Штатов, которые, увязнув в конфликте на Дальнем Востоке, будут не в состоянии начать серьезные военные действия в Европе.

Более того, если бы все произошло так, как ожидалось в Москве и Пхеньяне на момент голосования (режим Ли Сын Мана сметается при безусловной поддержке народом Юга правительства КНДР), поддержавшие его США действительно бы "продемонстрировали глупость и идиотство", снова (после Чан Кайши) поддержав неудачника. Если же они попытались бы продолжать предъявлять претензии, можно было бы развернуть дипломатическую борьбу, исходя из того что решение о введении войск принималось в отсутствие двух членов СБ из пяти и, следовательно, неправомочно. Москве нужна была поддержка Пекина, и она весьма жестко настаивала на том, что место в СБ должно принадлежать ему.

К тому же, если бы Сталин действительно осознанно желал крупномасштабного противостояния США и Китая именно как военного конфликта двух сторон, что ему мешало добиться ситуации, при которой КНР приняла бы участие в войне не в завуалированной форме "добровольцев", а открыто, под своим флагом. Или убедить/надавить на Пекин, что стоит развить успех, постаравшись захватить Тайвань.

Сталин о войне в целом

Еще одним доказательством агрессивности Сталина часто считают его шифротелеграмму Мао Цзэдуну от 5 октября 1950г., в которой в ответ на письмо Мао от 2 октября он пишет: *"Конечно, я считался... с тем, что, несмотря на свою неготовность к большой войне США из-за престижа могут втянуться в большую войну; будет, следовательно, втянут в войну Китай, а вместе с тем втянется в войну и СССР, который связан с Китаем пактом о взаимопомощи. Стоит ли этого бояться? По-моему, не следует, так как мы вместе будем сильнее, чем США и Англия, а другие капиталистические европейские государства без Германии, которая не может сейчас оказать США какой-либо помощи, не представляют серьезной военной силы. Если война неизбежна, то пусть она будет теперь, а не через несколько лет, когда японский милитаризм будет восстановлен как союзник США, и когда у США и Японии будет готовый плацдарм на континенте в виде лисынмановской Кореи"³¹.*

Это письмо Сталина очень любят цитировать, вырывая из него отдельные куски и представляя этот текст как чуть ли не главное доказательство замыслов Сталина начать в Корее Третью мировую войну. Действительно, вне своего контекста он может интерпретироваться и так. Однако, по мнению автора, гораздо более соответствующей историческому контексту является трактовка, при которой Сталин говорит о том, что если война неизбежна, то выгоднее вести ее сейчас.

С точки зрения Сталина, США не готовы к большой войне, а Япония, "милитаристские силы которой не восстановлены", не сможет оказать под-

держку. Поэтому в таких невыгодных условиях США будут вынуждены отказаться от превращения Кореи, Тайваня и Японии в свой плацдарм. С точки зрения Сталина, без внушительной демонстрации силы Китай не смог бы добиться таких уступок. Сталин пишет, что он, конечно же, предусматривал вариант, когда США могут втянуться в большую войну и, следовательно, в войну будет втянут Китай, а затем — СССР. Судя по контексту, речь идет не столько об участии добровольцев, сколько о варианте, при котором США начинают войну на китайской территории.

И только после этого следует сакраментальное: «Стоит ли этого бояться?». Важно, что в этом контексте я трактую цитату «*пусть она будет теперь*» не как «Так давайте же ударим по ним поскорее!», а как «если придется воевать, то нам выгоднее сейчас, пока враг не отобилизован». Сталин считает, что война все равно начнется, но если начинать ее сегодня, то у социалистического лагеря есть определенные преимущества: выгоднее начать ее сейчас, а не позже, когда на службу США и их союзникам будет поставлена восстановленная военная мощь Германии и Японии. Кроме того, по мнению ряда авторов, в определенной мере Сталин рассчитывает на утечку информации и дает понять, что если Америка пойдет на атомную войну, Россия и Китай ее не убоятся.

Так что надо обладать очень специфическим видением ситуации, чтобы трактовать эти высказывания как «потрясающие зловещей откровенностью»³².

Вышеизложенное, на наш взгляд, дает основание понять, что «войной Сталина» Корейская война не была. Да, Москва дала «добро» на эту войну, а затем максимально использовала развитие событий в своих собственных интересах, однако инициатором этого процесса ее назвать нельзя. Более того, одобрение планов Пхеньяна начать эту войну строилось, по сути, на ошибочном представлении о том, что на Юге существует революционная ситуация, и свергнуть там режим будет чрезвычайно легко. И даже если Соединенные Штаты примут участие в этом конфликте, он закончится так стремительно и так победно, что Америка только подорвет на этом свой авторитет.

Война Трумэна и Макартура?

Теперь рассмотрим ту версию Корейской войны, в которой в роли ужасного зла, наоборот, выступают американцы. В российской историографии эта точка зрения встречается в книге А.С. Орлова и В.А. Гаврилова «Тайны корейской войны» (М., 2003), а также — на различных сетевых ресурсах Интернета.

В основе данной концепции лежат следующие тезисы:

- США активно подталкивали Юг к войне с Севером, рассчитывая затем вмешаться в конфликт и устроить Третью мировую войну;
- Они манипулировали информацией с целью спровоцировать Москву и Пхеньян на силовое решение конфликта, но таким образом, чтобы в случае войны США не выглядели агрессором;
- С этой целью они намеренно ослабляли Юг, используя его как приманку.
- В качестве доказательства этой точки зрения ее сторонники используют следующие факты:

- Поддержка Соединенными Штатами агрессивных стремлений Юга, в доказательство которой приводится целый ряд высказываний американских политиков и военачальников.

- Слабая поддержка Америкой РК в военной области, в том числе намеренное игнорирование северокорейской угрозы.

- Речь Ачесона, которую они воспринимают как стратегическую дезинформацию, призванную создать видимость отсутствия в РК американских интересов.

- Политику США после начала войны, которую они отождествляют с политикой генерала Макартура, приписывая Вашингтону то, что замыслил и планировал он.

То, что власти Республики Корея хотели силового объединения, причем — чем быстрее, тем лучше, и не делали секрета из своих планов, — общеизвестно. В то время как Ким Ир Сен и Пак Хон Ён строили свои планы, не предавая их особой огласке, Ли Сын Ман и его министры открыто говорили о том, что поход на Север — дело ближайшего будущего. В течение 1949 г. Ли Сын Ман намеренно санкционировал серию пограничных провокаций, чтобы доказать необходимость американского присутствия в Корее и втянуть США в конфликт помимо их воли. Угроза с Севера была также поводом для получения дополнительной американской экономической и военной помощи.

Начиная с января 1948 г., генерал Ходж постоянно извещал командование о столкновениях на 38-й параллели. При этом, по его мнению, основным инициатором инцидентов был Юг: “Ввиду любви корейцев к сражениям, хотя у нас и нет прямых доказательств, было бы разумно предположить, что северокорейские нападения являются ответной реакцией на южнокорейские нападения. Я возобновлю свои усилия, чтобы убедиться в том, что инциденты не провоцируются южнокорейцами”³³.

Но авторы критикуемой концепции, приводят серию высказываний представителей американской администрации, сделанных в той же стилистике. Так, известную цитату из Макартура о том, что “вашу землю разделил искусственный барьер, но он должен быть сметен и будет сметен”, приводит М. Гастингс в своей книге о Корейской войне³⁴.

Это касается и высказываний различных представителей власти США по корейскому вопросу. То, что они говорили, в большей степени рассматривается как частное мнение или мнение той или иной заинтересованной группы, но представлять себе, что высказывания даже такой высокопоставленной персоны как Макартур тождественны официальной точке зрения американской администрации, значит ошибаться. Помимо первых лиц государства, “от имени страны” говорит только министр иностранных дел. Высказывания этой тройки не могут быть дезавуированы.

Последнее очень важно в связи с тем, что речь Ачесона была заявлением как раз того человека, который имел право говорить от имени страны, и потому была воспринята как указание на новое направление американской политики.

Вернемся к плюрализму по корейскому вопросу. Да, Макартур был не одинок в своем желании объединить Корею. За ним стояла влиятельная фракция в американском истеблишменте, которую А. Миллетт называет “азианистской”³⁵. Но ей противостояли скептики, в т.ч. тогдашний министр обороны Луис Джонсон, а равно специалисты из РУМО³⁶ и ЦРУ, которые предупреждали о том, что излишнее развитие успеха может быть чревато вмешательством в войну СССР и КНР.

Можно спорить относительно того, что лежало в основе американского решения перейти 38-ю параллель и продолжить войну «на чужой территории». Во-первых, развитие успеха в военной операции — вещь естественная, и целый ряд американских генералов указывал на то, что на войне нельзя прибегать к полумерам. Если закончить войну сейчас, где гарантия, что северокорейцы через некоторое время не попытаются начать ее вновь? Во-вторых, к чисто военным аргументам активно примешивались политические: появилась возможность красивой победы «свободного мира» над коммунистическим режимом. В-третьих, правительство демократа Трумэна находилось под постоянным давлением справа со стороны республиканцев, особенно — Маккарти и К^о, и должно было продемонстрировать бескомпромиссность по отношению к коммунистам. Наконец, все это активно подогревалось действиями Ли Сын Мана.

И как бы то ни было, это решение было принято в процессе войны и под влиянием благоприятной конъюнктуры, а не задолго до ее начала.

Верить тому, что война началась с внезапного, неожиданного и не спровоцированного наступления северян, значит — совершить ошибку. Еще в сентябре 1949 г. комиссия ООН по Корее направила Генеральной Ассамблее ООН доклад, в котором отмечалось, что военные столкновения в стране могут перерасти в серьезный конфликт.

По мнению А. Ланькова, перед началом войны концентрация войск на границе приняла такие масштабы, что не заметить их было невозможно, да и военная разведка, северокорейским направлением которой тогда руководил тот самый Ким Чжон Пхиль, который впоследствии стал одним из соратников Пак Чжон Хи, неоднократно предупреждала свое руководство о том, что крупномасштабное вторжение произойдет в ближайшие дни. Но начальник южнокорейского Генштаба генерал Чхэ Бен Док отдал приказ не предпринимать никаких мер до уточнения ситуации³⁷.

За несколько недель до начала войны армия РК была приведена в состояние повышенной боевой готовности. Однако буквально накануне войны это состояние было отменено начальником Генштаба армии РК, а войска на Ончжинском полуострове (наиболее опасное направление удара) не были усилены. Более того, значительное число военнослужащих получили увольнения на выходные (по данным Орлова и Гаврилова — 2/3 личного состава). Такое снижение боеготовности в критической ситуации сторонники «красного» мифа полагают очевидной уликой.

Из этого делается вывод, что штаб Макартура не мог не знать о готовящейся войне. Орлов и Гаврилов утверждают, что стратегические направления вероятной атаки северян были очевидны американским штабистам и их южнокорейским коллегам. Более того, со ссылкой на Б. Каммингса они утверждают, что в течение последней недели перед войной Пентагон распространил план SL 17 на случай вторжения северян, и план этот практически точно повторял ход войны, включая удержание наступающего противника на Пусанском периметре и последующую контратаку-десант в районе Инчхона.

Все это, по мысли авторов концепции, указывает на то, что США прекрасно знали о нападении северян и даже разрабатывали контрмеры, но не сделали ничего, чтобы это нападение предотвратить. Однако по каждому из этих «доказательств» можно привести контраргументы.

Начнем с того, кто разрабатывает оперативные планы действий. Достаточно часто этим занимаются штабисты. Как хорошо сказал один из моих знакомых офицеров, “если хорошо покопаться в планах российского Генштаба, там можно найти даже план действий на случай военного конфликта с Австралией, однако это не означает, что министерство обороны вынашивает планы захвата пятого континента”. Разработка штабных планов нападения или обороны — относительно рутинная практика, выполняемая для того, чтобы в случае агрессии это не пришлось бы делать в спешке.

Но стандартной ошибкой людей, далеких от армии, является представление о том, что сначала начинается война, а потом штаб обороняющейся стороны начинает с нуля разрабатывать план действий. Обычно, если понятно, что война на пороге, разработку оперативных планов начинают обе стороны, чтобы, когда конфликт начнется, большинство вариантов его развития уже было бы рассмотрено.

Поэтому наличие подобных оперативных планов само по себе не является для меня определяющей уликой. Они являются очень важным доказательством в общем контексте, но скорее говорят о том, что “рассматривалась возможность совершения данного действия”, а не о том, что данное действие планировалось к выполнению и безусловно было одобрено руководством.

Необходимо отметить и то, что понимание происходящего далеко не всегда тождественно обладанию силами и ресурсами для того, чтобы воздействовать на ситуацию.

Если говорить о действиях южнокорейской армии накануне войны, то иногда не стоит искать злой умысел там, где налицо была элементарная безалаберность. Напомним, что она не всегда адекватно подчинялась Центру, с одной стороны, а с другой — была значительно поражена административными пороками: коррупцией, протекционизмом и т.д. Кажущееся благодушие было скорее следствием того, что никто не хотел прилагать лишние усилия.

Кроме того, состояние повышенной боеготовности — это напряженный режим, который не может длиться долго, особенно когда явной угрозы нет или кажется, что нет. Поэтому я вполне могу допустить, что, выждав какое-то время, южнокорейские генералы вполне могли решить, что и на этот раз обойдется. Фатальная ошибка, усугубленная тем, что и у Севера, и у Юга не было того аппарата разведки и тех методов анализа информации, которые существуют сейчас, и которые мы по умолчанию полагаем существовавшими ранее.

Наконец, о высадке в районе Инчхона. Эта операция, которая переломила ход войны, действительно разрабатывалась, однако вероятность ее успеха оценивалась весьма критически. Из-за сложного фарватера и иных сопутствующих проблем американский Генштаб полагал, что этот план очень рискованный, и Макартур “продавил” его, опираясь исключительно на личный авторитет. Перед началом войны или вскоре после него это отнюдь не было основной стратегией.

Указывая на слабость южнокорейской армии, южнокорейские левые историки делают вывод о том, что американцы намеренно не снабжали южнокорейскую армию всем необходимым, несмотря на то, что о возможном начале войны было известно. В качестве доказательства использовалось письмо Ли Сын Мана Трумэну, в котором тот жалуется на то, что боеприпасов в его армии всего на 2 дня, и “мы не можем нападать на территорию к северу от 38 параллели”. Трумэн в ответ советует уделять больше внимания не военным проблемам, а экономике.

Собственно, даже данный текст хорошо показывает, что американцы скорее сдерживали Ли Сын Мана, так как не были заинтересованы в том, чтобы конфликт на полуострове разгорелся. Иное дело, что Ли Сын Ман постоянно увеличивал число военнослужащих, в результате чего южнокорейская армия увеличивалась, но становилась менее боеспособной.

Нельзя сказать, что американское руководство не помогало Южной Корее. Напротив, режим во многом держался на американской помощи. Однако большая часть американского истеблишмента старалась сдерживать реваншистские амбиции Ли Сын Мана, имея к нему весьма критичное отношение.

Нет однозначного мнения относительно того, чем была продиктована такая политика США. Существует несколько точек зрения. Первая предполагает, что Соединенные Штаты вообще были против попыток Южной Кореи вести агрессивную и экспансионистскую политику и были готовы защищать идеалы демократии, но именно защищать в случае, если они подвергнутся атаке. Вторая состоит в том, что Южную Корею сдерживали потому, что конфликт именно "на этом участке фронта" Соединенным Штатам не был выгоден: они тоже принимали во внимание роль КНР и размах революционного движения на Юге (не забудем, что американские инструкторы принимали участие в антипартизанской кампании) и потому осознавали, что если Ли Сын Ман решит самостоятельно расширить масштаб конфликта, для него это добром не кончится, а защищать его все равно придется, несмотря на то, что это стратегически невыгодно. Поэтому лучше подержать его на голодном пайке, не снабжая оружием, способным создать у него такую иллюзию силы, чтобы она могла привести к активным действиям.

Согласно еще одной трактовке американцы были бы не против экспансии Юга на Север, но "не сейчас": пусть Ли Сын Ман сначала создаст нормальную армию, которую можно будет снабдить современной американской техникой, будучи уверенным в том, что в случае конфликта она не окажется у северокорейцев, а следовательно — и у русских (заметим, во многом получилось именно так). Пусть он сначала сумеет подавить левое движение и построить нормально функционирующее государство с тем, что когда экспансия начнется, американская поддержка была бы минимальной. Вот когда это случится, можно и начать готовить южнокорейскую армию к серьезной войне. А пока рано.

Как бы то ни было, большая часть генералитета США, включая Брэдли и Макартура, выступали против активного снабжения РК американской военной техникой³⁸. Дело было не столько в пацифизме, сколько в том, что американское оружие было нужно в Европе, где началось формирование блока НАТО. Что же до азиатских армий, то был неприятный случай с Чан Кайши, когда почти все, чем снабжали армию Гоминьдана, попало к коммунистам после его разгрома.

К тому же, генерал Макартур полагал, что силы и средства для американской армии на Дальнем Востоке должны поступать не Ли Сын Ману, а ему в Японию. Тем более, что в случае войны между СССР и США Япония однозначно должна была играть для Америки роль региональной военно-морской базы и перевалочного пункта.

Республиканцы же были настроены помогать скорее Ли Сын Ману, чем Макартуру, и между ними и военным руководством шла довольно тонкая игра³⁹. Генерал Робертс — руководитель группы американских военных советников намеренно преувеличивал боевые возможности армии РК с тем, чтобы она не каза-

лась конгрессменам слабой армией, которую надо финансировать за счет американских налогоплательщиков.

Стоит учитывать и то, что армия США перед войной проходила болезненный процесс реорганизации, в результате которого 80% армейского резерва было непригодно к использованию, и даже войска в Японии имели запас боеприпасов только на 45 дней. По мнению Гастингса, именно такое сложное положение американских войск в Корее стало причиной решения об исключении Кореи из американского периметра обороны⁴⁰. Таким образом, за сокращением американских войск и нежеланием поставлять Ли Сын Ману тяжелую технику стояли не только политические, но и экономические причины.

Тем не менее, со времени объявления независимости РК и до начала войны американцы оказали Югу военную помощь на 141 млн долл. Однако Миллет упоминает, что значительная часть этих денег была растрочена. Кроме того, это не была помощь тяжелой техникой, способной сравниться с северокорейской.

Отметим и некоторые особенности армии РК, которые несколько меняют картину. Дело в том, что армии Севера и Юга изначально создавались под разные военные доктрины. Советская, которой соответствовала северокорейская армия, предполагала, что армия должна самостоятельно защищать страну от внешней угрозы, и была ориентирована на противостояние не только РК, но, возможно, и Японии. Напротив, для южнокорейской армии на этапе ее формирования главным врагом был внутренний — левые партизаны, для борьбы с которыми было вполне достаточно армии меньшей численности и оснащенности, поскольку противник все равно ей уступал. Что же до внешней угрозы, то Ли Сын Ман был уверен в том, что США не бросят РК на произвол судьбы, и потому главное для южнокорейской армии в этом случае — продержаться необходимое время, пока не придут американцы. Когда Южную Корею “вынесли за скобки”, Ли начал требовать компенсации и поставок оружия с тем, чтобы аврально усилить ее, но не успел.

12 января 1950 г. Государственный секретарь США Дин Ачесон выступил в Национальном клубе прессы с важной речью, которая была направлена на то, чтобы попытаться вбить клин между Советским Союзом и коммунистическим Китаем. Он заявлял, что Америка не против Китая, но против его сближения с СССР, что американцы не так уж сильно привязаны к Тайваню, и периметр их стратегических интересов охватывает Японию, Окинаву и Филиппины. Что касается Кореи и Тайваня, то они могут рассчитывать на помощь всего цивилизованного мира через ООН.

В марте 1950 г. Совет национальной безопасности США подготовил директиву СНБ № 68, где Южная Корея, как и Ближний Восток, определялась как потенциальное направление советской экспансии. При этом о речи Ачесона знал весь мир, о директиве 68 — очень узкий круг людей.

Авторы концепции видят в речи Ачесона злой умысел и делают вывод о том, что речь носила отвлекающий или провокационный характер для Севера.

На деле речь отражает разногласия внутри американского руководства, которые на тот момент были весьма серьезными. Касались они как вопроса о стратегии сдерживания коммунизма, так и вопроса об определении наиболее вероятного “направления главного удара”. Многим американским политикам казалось, что конфронтация неминуема. Вопрос в том, как пра-

вильно распределить силы для отражения предстоящего удара и какие страны действительно надо защищать.

С точки зрения американских специалистов по геополитике и стратегическому планированию, главная угроза американским интересам была сконцентрирована в Европе и, в меньшей степени, в Восточном Средиземноморье. Многие политики полагали, что в такой ситуации держать гарнизон в Корее не рационально. К тому же, в отличие от Джона Даллеса, который отстаивал интересы США на Востоке, Ачесон сам по себе был сторонником ориентации на Европу: следует помнить, что 1949 г. — это год окончательного раздела Германии и создания блока НАТО, что имело для Соединенных Штатов гораздо большее значение.

Речь можно рассматривать и сквозь призму американско-китайской политики, а также — расклада сил внутри США. К идее периметра американцы пришли для того, чтобы перегруппироваться и стабилизировать свои позиции на Дальнем Востоке, покачнувшиеся из-за краха режима Чан Кайши, в который они вложили 4 млрд долл. Ряд американских историков (например, Дональд Кларк) считает, что Трумэн и Ачесон были уверены в неизбежности падения гоминьдановского режима и заранее пытались смягчить потери. Однако правое республиканское большинство критиковало эту политику, думая, что если Россия не будет помогать китайским коммунистам, их можно будет легко остановить. Поэтому впоследствии американцы все же приняли меры к укреплению Тайваня, чтобы остановить продвижение коммунистов в Азии.

Что же до собственно Кореи, то не забудем, что военно-политическая доктрина США после Второй мировой войны была направлена на сдерживание коммунизма с помощью плана Маршалла или организаций вроде НАТО и развитие авиации как основного вида ВС. Кроме этого, часть расходов американцы пытались возложить на плечи своих союзников или ООН. Для реализации такой доктрины им были необходимы военные базы во всех стратегических точках, однако вопрос о том, считать ли такой точкой Корею, находился в стадии рассмотрения. Именно потому, понимая характер Ли Сын Мана и зная о его реваншистских устремлениях, США не торопились вооружать армию РК, так как боялись, что получив способные к войне вооруженные силы, Ли Сын Ман нападет на Север первым и втянет Америку в войну «не в то время и не в том месте».

Напомним, что Госдепартамент не особенно поддерживал режим Ли Сын Мана, который казался ему слишком одиозным, недемократичным и опасным с точки зрения вероятности вовлечения США в конфликт, где они будут защищать не свои, а чужие интересы.

Представляется, что именно поэтому Корею изначально не включили в периметр обороны. Некоторые историки полагают, что к 1950 г. Америка действительно «сдала» Южную Корею, но начало войны заставило ее пересмотреть свою позицию. Отдельные американские аналитики ожидали перетекания конфликта в крупномасштабное столкновение коммунизма и свободного мира, которое случится именно в Азии, однако они проглядели «направление главного удара», полагая, что война на Дальнем Востоке начнется на Тайване.

Когда война началась, не поддержать было нельзя. Это было бы воспринято как отказ от борьбы с коммунизмом. Та же логика, сообразно которой Москва не могла не поддерживать «революционную борьбу» на Юге.

Помимо этого, Джон Фостер Даллес был абсолютно уверен в том, что захват Кореи был спровоцирован русскими с тем, чтобы зажать Японию в клещи

между Кореей и Сахалином. Подобная точка зрения поддерживается рядом историков. Особенно теми, кто не занимался Кореей профессионально и рассматривал события в более глобальном ракурсе. Иные, как, например, профессор Джон Миллер, подчеркивают, что не важно планировал Сталин захват Японии или нет. Важно, что тогдашние американские власти интерпретировали мотивацию агрессии именно так.

О Макартуре и не только

Особое место в планах конспирологов занимают действия генерала Макартура. По их мнению, он не только наиболее активно поддерживал Ли Сын Мана в желании развязать войну против Севера, но и впоследствии намеренно приводил заниженные данные о численности и боеготовности северокорейских, а затем и китайских войск. Таким образом он будто бы хотел добиться эскалации конфликта, а потом, воздействуя на общественное мнение (“наши парни там погибают”), превратить Корейскую войну в Третью мировую, начав ядерные бомбардировки китайской территории и открыв второй фронт против КНР при помощи армии Тайваня.

В контексте последующих событий высказывания Макартура, в том числе сделанные во время встречи с президентом, можно представлять как сознательную дезинформацию, но вопрос о том, лгал он или ошибался, упирается в представления о нем как человеке и политике.

Действительно, к моменту начала войны Макартур был практически американским “проконсулом” Дальнего Востока. Уже пожилой и достаточно авторитарный человек был уверен в том, что в данном регионе он может вершить самостоятельную политику, и одним из обвинений в его адрес перед его отставкой было то, что его встречи с Чан Кайши осуществлялись по протоколу встреч первых лиц государства. Но можно обратить внимание и на то, что после своей отставки Макартур выпал из политики и не пытался оспаривать мнение президента. Макартур привык воевать против уступающего ему численно или технически противника, что наложило отпечаток на его действия и оценки во время Корейской войны. Так, изначально он был готов “уделать врага одной левой” (“with one hand tied behind my back”), однако уже 29 июня 1950 г. Макартур, который ранее собирался “решить проблему” силами всего одной дивизии⁴¹, заявил, что их потребуется, как минимум, две. А в середине июля он говорил уже о четырех дивизиях, называя северокорейского солдата “чрезвычайно серьезным противником”⁴².

Нечто похожее случилось и в отношении вмешательства КНР. До самого момента столкновения США не принимали всерьез китайский фактор и были уверены, что концентрация китайских войск на корейской границе — пропаганда. 2 мая 1951 г., уже после отставки Макартура, на слушаниях в американском Конгрессе было оглашено содержание его беседы с Трумэнном. Получалось, что 15 октября на о. Уэйк. Макартур ввел президента в заблуждение, утверждая, после падения Пхеньяна китайцы упустили возможность для интервенции⁴³, что Китай сможет переправить в Корею войска численностью не более 50–60 тыс. чел. и их без проблем уничтожит американская авиация⁴⁴. Макартур был уверен в том, что китайской интервенции в Корею не будет: “Китайцы знают, что если они примут участие в войне, произойдет великая бойня”.

Когда китайские “добровольцы” резко изменили ход войны, внутри США обозначились две тенденции. Макартур был уверен, что Америки “хва-

тит на всех», и снова начал агитировать за вторжение в КНР на двух фронтах сразу. Еще в течение октября 1950 г., когда китайцы только появились в военных сводках, он пытался убедить Трумэна продолжить военные действия на территории Маньчжурии.

Однако многие придерживались более рациональной точки зрения. Как сказал тогдашний председатель Объединенного комитета начальников штабов армии США генерал Брэдли, распространение войны на Китай вовлекло бы Америку «не в ту войну, не в том месте, не в тот момент и не с тем противником»⁴⁵. Трумэн тоже понимал, что нападение на Китай увеличивало вероятность вступления в войну Советского Союза.

В связи с этим снова было заявлено, что цель действий «сил ООН» — обеспечение безопасности вдоль 38-й параллели. Макартур, однако, воспринял такое изменение ситуации как свое личное поражение и начал требовать, чтобы США угрожали Китаю атомными бомбами и морской блокадой. К тому же, в ноябре 1950 г. на выборах в Конгресс США демократы утратили большинство, и давление на Трумэна усилилось. Его обвиняли в слабости, хотя потери американских войск объясняли не плохой тактикой, а численным превосходством китайцев.

На этом фоне Трумэн дал команду Макартуру начать переговоры с Китаем с тем, чтобы быстрее закончить войну. В качестве средства давления на Китай ему было предложено намекнуть КНР, что если война затянется, она может быть перенесена на собственно китайскую территорию. Однако Макартур практически открыто пошел против Трумэна, заявляя, что Чан Кайши должен открыть второй фронт. После этого заявления, 11 апреля 1951 г., вскоре после того, как войска ООН во второй раз отбили Сеул, но не смогли продвинуться дальше, Макартур был снят.

Война Мао?

Эту точку зрения защищал один из старейших российских дипломатов-китаистов покойный Андрей Мефодиевич Ледовский. В годы Корейской войны он был генеральным консулом СССР в Шэньяне (Мукдене) — столице Маньчжурии и главной тыловой базе китайских добровольцев — и плотно общался с теми китайскими руководителями, которые отвечали за корейское направление. Работая впоследствии в ИДВ РАН, Ледовский занимался историей советско-китайско-американских отношений периода Второй мировой войны и после нее.

Он считал, что Чан Кайши не был американским ставленником и поддержка Москвой Мао Цзэдуна, возможно, была не самым верным решением. Отзыв из Китая советских военных советников и прекращение поставок Гоминьдану оружия и стратегических материалов Ледовский рассматривал как неверный шаг, который ослабил советские позиции в Китае и, наоборот, способствовал усилению американцев, которые заняли образовавшуюся нишу и после прихода к власти Трумэна во многом действительно превратили гоминьдановский режим в проамериканский.

Мао являлся для него виновником Корейской войны, который действовал в рамках разработанной им доктрины, предусматривавшей политическую перестройку во всей Азии путем развязывания гражданских войн и свержения некоммунистических режимов. Однако, не понимая до конца всей глубины интриги

Мао и дорожа таким важным стратегическим союзником, Москва в определенной мере шла на уступки Пекину, отчасти поощряя его гегемонистские устремления.

С точки зрения Ледовского, Мао Цзэдун с самого начала вел свою игру, рассчитывая привести к власти прокоммунистическое правительство, подчиненное не столько Москве, сколько Пекину. Масштаб связанного с этим кровопролития его не останавливал.

Помимо этого, Ледовский исходит из представления о том, что никакой напряженности на 38-й параллели не было, и все разговоры об этом являются исключительно пропагандой Севера и Юга, раздувавшей данный фактор в интересах "холодной войны". Шифротелеграммы, которые отправлял в Москву посол Штыков, Ледовский считал не заслуживающим доверия источником, поскольку всю эту информацию посол в Пхеньяне получал от Ким Ир Сена, не имея возможности ее перепроверить на основе собственных агентурных данных. По мнению Ледовского, этот "непроверенный, сырой материал" в Москве всерьез не воспринимался.

К "двойной игре" Мао Ледовский причислял заверения Мао Ким Ир Сену о готовности оказать КНДР помощь в борьбе против южнокорейского режима и американских империалистов. Авторы книги "Корея в огне войны" полагают, что уже в мае 1949 г. (то есть до образования КНР) Мао был довольно решительно настроен в отношении возможного участия Китая в войне в Корее⁴⁶.

Со своей стороны Сталин, видимо, рассчитывал на то, что в случае эскалации конфликта на Дальнем Востоке основную роль возьмет на себя Китай. СССР же, несмотря на помощь техникой, останется в стороне, что позволит ему копить силы, в то время как Америка будет слабеть. Однако такие планы Сталина встретили определенное сопротивление КНР, вызванное целым комплексом причин. Мао не торопился вступать в конфликт, несмотря на американскую интервенцию. Ледовский трактует такое его поведение как очередное проявление коварства, направленное на то, чтобы вытянуть из Советского Союза побольше военной помощи, но при этом не ввязываться в рискованное мероприятие. По его мнению, Мао рассчитывал, что у Сталина не выдержат нервы, и на помощь Ким Ир Сену придут советские войска, так как Москва не сможет оставить без внимания действия американцев у ее границ.

Ледовский приводит ряд документов того времени, из которых складывается следующая картина. Сталин требует сосредоточить войска на границе и обещает прикрытие авиацией. Мао не торопится и объясняет, что войска не готовы, недостаточно укомплектованы и хорошо бы получить из Москвы побольше военной техники. Эти моменты увязываются, Мао благодарит за помощь, однако продолжает хранить молчание по "главному вопросу" даже тогда, когда американцы высаживаются в Инчхоне и начинают контрнаступление. Сталин снова торопит Мао и предлагает послать хоть сколько-то войск. Однако 1 октября 1950 г. Мао объясняет свое молчание тем, что, во-первых, всего нескольких дивизий может оказаться мало, и при слабом техническом оснащении китайских войск их могут заставить отступить; во-вторых, открытое столкновение США и Китая может вывести ситуацию на новый виток противостояния, и "многие товарищи в ЦК КПК считают, что необходимо проявить осторожность"⁴⁷. Неудача может сорвать план китайского мирного строительства. Поэтому лучше потерпеть. А северокорейцы, за которых мы переживаем, пусть переходят на партизанскую войну.

В октябре 1950 г. Сталин снова напоминает о прошлых заявлениях Мао и говорит, что нужно послать в Корею хотя бы 5–6 дивизий. Мао направляет в Москву специальную делегацию во главе с Лю Шаоци, а в ответном письме пишет, что посылать надо не 5–6, а как минимум 9 дивизий, что «для разгрома одного американского корпуса китайцы должны иметь четырехкратное превосходство в живой силе и двойное превосходство в техническом оснащении»⁴⁸. Мао утверждает, что у Китая нет ни технического оснащения, ни готовых для него кадров, ни должного количества денежных средств для закупки необходимого вооружения и боеприпасов. Войска в ближайшие дни двинуть можно, однако лучше подождать, пока американцы рассредоточатся, и их можно будет бить по частям.

9 октября 1950 г. Мао сообщил, что ее переход «добровольцев» на территорию Кореи состоится 15 октября. Данное заявление можно трактовать и как проявление коварства, и как готовность отправить войска раньше срока даже при недостаточном оснащении. Однако после того, как Лю Шаоци и Линь Бяо подробно доложили Сталину ситуацию и заявили, что для оснащения и обучения войск нужно минимум 6 месяцев, в Пекин была отослана телеграмма, в которой было рекомендовано войска не вводить, а северянам начать эвакуацию из Пхеньяна.

Этот документ был подписан Сталиным и Чжоу Эньлаем 11 октября. А 12 октября Сталин направил телеграмму послу СССР в КНДР, в которой ему поручалось сообщить Ким Ир Сену о том, что китайцы не готовы, и потому надо фактически переходить к партизанской войне, эвакуируя столицу и занимая оборону в горах⁴⁹. Однако 13 октября Мао внезапно резко меняет свою позицию и сообщает Сталину через советского посла о решении двинуть свои войска на корейский фронт.

Этот резкий поворот Ледовский объясняет тем, что озвученные позже идеи Мао о «наблюдении за борьбой двух тигров» проявлялись уже тогда — Мао втайне вынашивал идею сближения с Америкой и рассчитывал извлечь пользу из советско-американского противостояния. Когда же стало понятно, что Москва не собирается ввязываться в конфликт и, не торопя Китай, фактически сдает Корею американцам, планы Мао были расстроены, и в интересах безопасности КНР он принял такое решение.

Такая трактовка, конечно, имеет право на существование, хотя надо помнить, что КНР в то время была для США безусловным врагом, и намерения целого ряда южнокорейских и американских лидеров развить успех и перенести военные действия на ее территорию были, скорее всего, известны Мао. Если принимать во внимание, что Мао полагал неминуемой эскалацию конфликта со стороны врага, то решение послать войска было очень логичным, ибо полностью захваченная американцами Корея являлась слишком хорошим плацдармом для нападения на КНР.

Ведь еще в августе 1950 г. Мао говорил: «если американские империалисты добьются успеха в Корее, они станут еще более наглыми и будут и дальше угрожать коммунистическому Китаю. Поэтому необходимо оказать помощь северокорейским товарищам путем отправки китайских добровольцев. Хотя время может быть согласовано позже, однако подготовка к нему должна быть начата»⁵⁰.

Из приводимых Ледовским документов также не очень понятно, насколько речь идет именно об искусственном затягивании сроков вступления в войну, а не о стремлении подготовиться к ней получше. Он сам подчеркивал, что китайские войска не были готовы к корейской кампании, особенно — ин-

тендантская и тыловая службы. Солдат изначально готовили к войне в тропиках против Тайваня, и потому первое время от холода, голода и простудных заболеваний их погибло больше, чем от американских снарядов. Ссылаясь на мнение китайских товарищей, автор отмечал, что если во время антияпонской войны оружие добывали, в основном, в бою, а бойцы пользовались активной помощью местного населения, то в Корею было плохо и с трофеями, и с местными, которые разбежались. Не было инфраструктуры транспорта и связи, из-за чего доставку боеприпасов и транспортировку раненых приходилось осуществлять буквально на руках. Все вышеизложенное служит, на наш взгляд, доказательством того, что Мао был прав, и для участия его войск в этой войне действительно требовалась дополнительная подготовка.

Более интересны приводимые данные о том, что корейская война вовсе не пользовалась в регионе общенародной поддержкой. Против нее выступали не только коммерческие круги, но и те, кто полагал, что вовлечение Китая в корейско-американский конфликт чревато для страны неприятностями. Американские авианалеты и угроза бактериологической войны только подпитывали эти настроения, которые проявлялись в многочисленных письмах на имя центрального правительства и лично Мао и в неприязненном отношении к представителям северокорейской власти (генконсульству КНДР в Шэньяне был фактически объявлен бойкот).

Если такие настроения действительно были сильны, то, принимая стратегически важное решение, Мао не мог не учитывать это. Риск ввязаться в крупномасштабную войну с США, чреватую потерей всех революционных завоеваний, действительно был весьма велик, поэтому колебания Мао вполне понятны и оправданны.

Война не только Ким Ир Сена?

И все-таки без ответа пока остается важный вопрос: “Если решение Москвы дать “добро” Пхеньяну на начало военных действий базировалось на ложной посылке о том, что сеульский режим вот-вот рухнет, то на основании каких данных было принято это решение, и кто сознательно или невольно снабжал Москву дезинформацией?”

В докладных записках российских дипломатов в Москву хватает данных о том, что южнокорейский режим находился в состоянии кризиса. Однако после закрытия в Сеуле советского консульства Москва не имела возможности собирать сведения о положении в РК напрямую.

И здесь появляется человек, чей вклад в Корейскую войну трудно переоценить, хотя до последнего времени о его роли в этом было известно очень немного. Речь идет о Пак Хон Ёне, руководителе коммунистов Юга и, согласно принятому мнению, одной из первых жертв Ким Ир Сена в борьбе за власть.

Привыкнув к самодержавному культу личности Ким Ир Сена более позднего времени, мы не до конца представляем себе, что в Северной Корее начала 1950-х гг. был довольно высокий уровень плюрализма, а Ким Ир Сен считался лишь первым среди равных. В докладе Штыкова от 15 сентября 1949 г. он и Пак Хон Ён постоянно упоминаются вместе.

В то время компартия Кореи состояла как бы из двух частей “северной” и “южной”. При этом “южная” как более многочисленная формально считалась

главнее, и даже после бегства на Север Пак Хон Ён продолжал считаться главой коммунистов Юга. Когда была создана Трудовая партия Кореи, разделение ее на «северную» и «южную» части какое-то время продолжало сохраняться, при этом на Севере ТПК изначально руководил Ким Ду Бон, а главой южан по-прежнему считался Пак Хон Ён. Только в 1949 г. это разделение упразднили, и главой партии стал Ким Ир Сен⁵¹. Однако в правительственной переписке с Москвой в качестве адресатов по-прежнему называли не только Кима, но и Пака.

Наряду с партийным руководством Пак Хон Ён занимал посты первого заместителя Ким Ир Сена как главы исполнительной власти и министра иностранных дел. Таким образом, общение с Москвой и Пекином и снабжение их информацией о ситуации в Корее шло, в первую очередь, через него. Пак был на 12 лет старше Кима, что тоже играло свою роль в общественном сознании.

Как министр иностранных дел, присутствовавший при всех переговорах Ким Ир Сена с Москвой и Пекином, Пак был влиятельным лицом при определении северокорейской внешней политики. Это рельефно обозначено в работах советских исследователей начала 1950-х гг.⁵², где Пак превозносится и цитируется не менее, чем Ким.

Таким образом, в 1949–1950 гг. Пак Хон Ён был как минимум вторым человеком в стране и имел хорошие шансы стать первым, тем более, что в Советском Союзе у него было достаточно покровителей и тех, кто ценил его и поддерживал дружеские отношения⁵³.

В СССР Пак пробыл довольно долго и с точки зрения карьерного роста добился не меньшего, чем Ким Ир Сен. Его статьи (см. сборник «ВКП(б), Коминтерн и Корея», 1918–1941. М., 2007) демонстрируют весьма активную поддержку генеральной линии Москвы. Поэтому приоритетом в его политике были скорее ее интересы, а не интересы местных коммунистов.

По своим политическим взглядам относившийся к старой гвардии Коминтерна Пак Хон Ён принадлежал к идейным сторонникам «мировой революции». Некоторые даже считали его троцкистом⁵⁴. Развязывание войны вполне отвечало его идеологическим воззрениям.

Будучи вождем коммунистов Юга и весьма активным участником борьбы за власть (напомним историю северокорейского Оргбюро ТПК и то, что до своего бегства на Север Пак формально считался главным коммунистом в Корее), он имел свой личный интерес. Ведь если бы война завершилась успехом, ТПК значительно расширилась бы за счет коммунистов Юга, существенная часть которых была его сторонниками. Учитывая, что по численности населения Юг вдвое превосходил Север, Пак вполне мог рассчитывать на то, что на ближайшем съезде партии у него будет прекрасная возможность «подвинуть» Ким Ир Сена за счет перевеса своих сторонников в партии. «Заработав очки» у советского руководства и проведя партийный съезд, на котором большинство участников будет из числа южан, Пак мог получить власть легитимно, не прибегая к насилию. При этом Москва вполне могла одобрить такой выбор народа.

Как бывший лидер коммунистов Юга, Пак Хон Ён не мог считаться некомпетентным в вопросе о том, что представляет собой внутривластная ситуация в РК. Кроме того, он лучше, чем Ким, был подкован в административных играх и хорошо представлял, на какие идеологические рычаги необходимо давить, чтобы убедить московские власти принять нужное решение.

Аргумент, что на Юге существует революционная ситуация, и что развитие событий надо лишь чуть-чуть подтолкнуть, очень подходящий именно с этой точки зрения, особенно когда ты являешься единственным источником информации о положении на Юге страны и проверить ее достоверность невозможно.

Из подробных отчетов Штыкова Сталину хорошо видно, что Ким и Пак часто присутствуют вместе, при этом в определенных ситуациях Пак практически перехватывает инициативу разговора и в основном это касается курса на усиления масштабов войны. По сути дела, именно Пак Хон Ён озвучивал идеи о необходимости интернационализации конфликта и открытого использования китайских войск или советской авиации.

Непонятно, выдавал ли Пак желаемое за действительное, будучи отрезан от реальной информации, или сознательно “выдавал дезу”, но именно он был основным источником тех данных, на основании которых было решено воевать. А в сочетании с его активной позицией по “продавливанию” войны этого достаточно, чтобы считать Пака лицом, как минимум, не менее виновным, чем Ким.

Кстати, когда несколькими годами позже Пак Хон Ёна и его сторонников окончательно заклеили как “лакеев американского империализма”, его обвиняли не только в том, что он разрушил все коммунистические структуры на Юге, но и в том, что он намеренно ввел в заблуждение партию и правительство, утверждая, что на Юге 200 тыс. коммунистов (в одном Сеуле — 60 тыс.), которые немедленно восстанут, как только начнется война⁵⁵.

Таим образом, несмотря на распространенный миф о том, что если бы не Сталин, войны на Корейском полуострове не произошло, “войной Сталина” Корейскую войну назвать никоим образом нельзя. Безусловно, началась она с одобрения Москвы, но не по ее указке. Более того, “добро” было дано, исходя из неверной информации о внутривнутриполитическом положении на Юге Кореи, и источником данной информации были не столько Ким Ир Сен и его фракция, сколько “местные” коммунисты во главе с Пак Хон Ёном.

Попытки выставить главными виновниками войны Вашингтон и Пекин также далеки от истины. Корейская война в значительной мере — следствие внутренних факторов, а не внешнего давления, и тех, кто был готов ее начать, хватало по обе стороны 38-й параллели. Конечно, вопрос о том, как скоро Ли Сын Ман перешел бы от слов к делу, если бы южнокорейская армия прошла весь процесс модернизации, относится к области догадок, но, судя тому, что с количественной точки зрения большинство пограничных конфликтов было инициировано южанами, он не отложил бы дело в “долгий ящик”. В контексте неизбежности войны начать ее на более выгодных для себя условиях было решением циничным, но логичным.

Все эти моменты очень важны для понимания целого ряда событий, связанных с гражданской войной в Корее в 1950–1953 гг., и показывают, что ее история заслуживает дальнейшего изучения, свободного от идеологических шор.

1. www.hrono.ru/libris/lib_h/hrush39.html.

2. Тихомиров В. Д. Корейская проблема и международные факторы (1945 — начало 80-х годов). М., 1998. С. 33.

3. Война в Корее, 1950—1953. СПб., 2003; http://militera.lib.ru/h/korea_50_53/02.html.

4. Капица М.С. На разных параллелях. Записки дипломата. М., 1996. С. 219.
5. Торкунов А.В., Уфимцев Е.П. Корейская проблема: новый взгляд. М., 1995.
6. Наиболее типичным представителем этой группы является В. Ф. Ли.
7. Везерсби К. Советские цели войны в Корее, 1945—1950 // Холодная война. Новые подходы. Новые документы. М., 1995. С. 315.
8. Война в Корее, 1950—1953 гг.: взгляд через 50 лет. Материалы международ. научно-теоретической конференции (М., 23 июня 2000 г.). М., 2001.
9. Торкунов А.В. Загадочная война: корейский конфликт 1950—1953 гг. М., 2000.
10. Торкунов А.В. Корейская война: уроки истории // Корейский полуостров: мифы, ожидания и реальность. Материалы 4-й научной. Конференции корееведов. М., 15—16 марта 2000 г. М., 2001. С. 130—140.
11. http://nvo.ng.ru/history/2008-07-18/10_stalin.html.
12. Капица М.С. Указ. соч. С. 217.
13. Штыков Терентий Фомич (1907—1964 гг.), генерал-полковник, посол СССР в КНДР в 1948—1950 гг. До назначения — заместитель командующего войсками Приморского военного округа по политчасти. В конце ноября 1950 г. вместе с главным военным советником генерал-лейтенантом Н.А. Васильевым освобожден от своих обязанностей “за грубые просчеты в работе, проявившиеся в период контрнаступления американских и южнокорейских войск”. 3 февраля 1951 г. понижен до генерала-лейтенанта и через 10 дней уволен в запас. Впоследствии назначен секретарем Новгородского обкома КПСС.
14. Корея в огне войны. / И.М. Попов, В.Н. Богданов, С.Я. Лавренев. М., 2005. С. 66—68.
15. АП РФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 776. Л. 1-21. Подлинник.
16. Круглый стол “Страницы прошлого”. (Из истории политики Советского Союза на Корейском полуострове в 40—80-е гг. 26 сент. 2002 г. // Международный общественный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев—Фонд). М., 2002. С. 29.
17. АП РФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 776. Л. 30-32. Зав. копия.
18. Корея в огне войны. С. 71.
19. Круглый стол “Страницы прошлого”. (Из истории политики Советского Союза на Корейском полуострове в 40—80 гг. 26 сент. 2002 г. // Международный общественный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев—Фонд). М., 2002. С. 38.
20. АП РФ, Фонд Т70; 45, Опись Т70; 1, Дело Т70; 332, Лист Т70; 47—48.
21. Архив Президента Российской Федерации (далее — АП РФ). Ф. 45. Оп. 1. Д. 346. Л. 7.
22. РГАСПИ. Фонд Т70; 558, Опись Т70; 11, Дело Т70; 334, Листы Т70; 55—57.
23. Отметим, что ряд исследователей, в т.ч. А.М. Ледовский, вообще обвиняли Мао в том, что он соврал.
24. Конечно, здесь можно поставить вопрос о том, насколько М.С. Капица валиден как источник и насколько он придерживается ангажированной просоветской позиции. Зная биографию этого человека и его репутацию определенного фрондера, резонно полагать, что у М.С. Капицы не было причины выпячивать роль Пак Хон Ёна. Тем более, что на с. 223 он приводит пример того, как еще во время Корейской войны, будучи работником посольства СССР в КНР, он проявил достаточно смелости, чтобы открыто назвать “уткой” пропагандистские материалы о ведении американцами бактериологической войны в Корее, отчего чуть не попал на Лубянку как жертва доноса.
25. Капица М.С. Указ. соч. С. 217.
26. Там же. С. 219.
27. Hastings M. The Korean War. С. 76.
28. Там же. С. 57.
29. Громыко А.А. Памятное. 2-е, доп. изд. М., 1990. Т. 1. С. 248—250.
30. РГАСПИ. Фонд № 558, Опись № 11, Дело № 62, Листы № 71-72.
31. АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 346. Л. 110-111.
32. Автор не собирается полемизировать с оппонентами, чьи аргументы сводятся к мнению, что поскольку Сталин был безумный кровавый тиран, он вполне мог так посту-

пить. С точки зрения автора, обвинения в безумии скорее говорят о том, что оппонент не имеет возможности или желания понять логику действий изучаемого лица и вместо этого демонизирует его.

33. Корея в огне войны. С. 27.
34. *Hastings M.* The Korean War. New York; London; Toronto; Sydney, 1987. P. 42.
35. *Millett A.R.* The Korean War. С. 30.
36. РУМО — Разведывательное управление министерства обороны.
37. Сеульский вестник. 2004. № 85. С. 15.
38. *Millett A.R.* The Korean War. С. 12-13.
39. Там же. С. 13.
40. *Hastings M.* Op. cit. С. 50.
41. Не правда ли, вспоминается высказывание Грачева о взятии Грозного за день одним полком?
42. *Cummings B.* North Korea... С. 9.
43. *Millett A.R.* Op. cit. С. 35—36.
44. Война в Корее, 1950—1953. Сб. материалов Ген. Штаба. СПб., 2000. С. 16.
45. Война в Корее. С. 15.
46. Корея в огне войны. С. 65.
47. РГАСПИ. Фонд № 558, Описание № 11, Дело № 334, Листы № 105-106.
48. РГАСПИ. Фонд № 558, Описание № 11, Дело № 334, Листы № 126-128.
49. РГАСПИ. Фонд № 558, Описание № 11, Дело № 334, Листы № 142-144.
50. Корея в огне войны. С. 146-147.
51. В корееведении существует предание о том, как Сталин выбирал будущего руководителя КНДР. Предание остается преданием, а если мы посмотрим на историю возвышения Кима, то не увидим особенно активного продавливания Москвой его кандидатуры. Представляется, что если бы Сталин действительно поставил на него, Ким Ир Сен с самого начала оказался бы главой партии. Между тем, активного продвижения Ким Ир Сена советским руководством на высшие государственные и партийные посты КНДР не видно.
52. Наиболее явный пример — *Пигулевская А.* Корейский народ в борьбе за независимость и демократию. М., 1952.
53. Конечно, не стоит делать далеко идущие выводы о том, что советские военные и силовики (включая дипломатов с подобным прошлым) поддерживали Ким Ир Сена, а их гражданские коллеги — Пак Хон Ёна. Но речь идет о том, что Пак был на весьма хорошем счету. Об этом же говорит и его характеристика, процитированная в книге “Корея в огне войны”.
54. Сделанный на базе РГАСПИ сборник “ВКПб, Коминтерн и Корея, 1918—1941” (М., 2007) рассказывает о нем достаточно интересно, но тут мы отметим только то, что его заслуги относятся не столько к революционному движению, сколько к аппаратной/ фракционной борьбе, в которой были хороши все средства.
55. *Sung Chul Yang.* С. 366.

Движение за созыв Индокитайского конгресса в 1936 г.

© 2010

И. Усов

Статья представляет первое в отечественной историографии исследование, посвященное движению за созыв Индокитайского конгресса, развернувшегося во Вьетнаме в 1936 г., которое, по мнению историков СРВ, было сравнимо с революционным подъемом 1930 — 1931 гг. Рассматривается проблема возникновения данного движения, социальные силы, задействованные в нем, реакция правительства метрополии, а также колониальных властей. Особое внимание уделено причинам и последствиям его поражения.

Ключевые слова: движение за созыв Индокитайского конгресса, группа "Ля Лютт", КПИК, троцкисты, Конституционная партия, Народный фронт во Франции, Мариус Мутэ.

В 1936 г. в южной части Вьетнама, Кохинхине, представители наиболее активных политических течений французской колонии попытались созвать "народную ассамблею", получившую название Индокитайский конгресс. Он должен был стать органом, который помог бы недавно пришедшему к власти во Франции левому правительству скоординировать реформы с желаниями и чаяниями народа зависимых территорий. Движение за созыв Индокитайского конгресса проходило на фоне относительной либерализации колониальной политики Парижа, проводимой кабинетом министров Народного фронта. Новое правительство метрополии было сформировано из представителей Социалистической (СФИО) и Радикальной партий, его также обязалась поддерживать французская компартия (ФКП). Каждая из сил, участвовавших в движении за созыв колониального форума, преследовала свои цели. Коммунистическая партия Индокитая (КПИК), прежде всего, видела в нем реализацию новой стратегической линии Коминтерна на образование единого антиимпериалистического фронта колонии; троцкисты рассматривали его как способ организации масс, как удачный шанс для выхода на более широкую политическую арену с целью пропаганды своих идей; национал-реформистская Конституционная партия стремилась к защите интересов национальной буржуазии и, прежде всего, к расширению права на получение французского гражданства для высших слоев местного населения. Конечно, общим стремлением было желание провести реформы в колонии, но разные политические силы видели их по-разному.

Однако Индокитайский конгресс так и не был созван, виной чему стала раскольническая роль крупной национальной буржуазии и ее представителей, конституционалистов, а также действия испуганного мощным политическим движением в Кохинхине французского правительства, не желавшего идти на серьезные реформы во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже.

До середины 1930-х гг. на парламентских выборах во Франции победу несколько раз одерживал “левый блок” — коалиция радикальной партии и СФИО. Изменение стратегии Коммунистического Интернационала, выработка им новой линии, направленной на борьбу с фашизмом и вовлечение широких масс в антифашистское движение привели к тому, что в октябре 1934 г. лидер французской компартии М. Торез выдвинул лозунг Народного фронта — объединение не только рабочих, но и мелкобуржуазных слоев. В нем, несмотря на ряд оговорок, шла речь о расширении единого рабочего фронта вплоть до самого массового объединения.

Окончательно новая антифашистская стратегия оформилась на VII конгрессе Коминтерна, проходившем в Москве в июле — августе 1935 г. Основной силой в борьбе против фашизма должен был стать широкий народный фронт, созданный на базе пролетарского единого фронта и включивший в себя трудящееся крестьянство и массы городской мелкой буржуазии. Руководство СФИО первоначально отнеслось скептически к идее объединения действий с компартией, считая новый курс коммунистов только “обманным маневром”. Однако успешные действия ФКП, социал-демократов и Радикальной партии, особенно на выборах в местные органы власти в конце 1934 — начале 1935 гг., показали жизнеспособность этой линии. В течение 1935 г. Народный фронт во Франции был оформлен организационно. На прошедших 26 апреля и 3 мая 1936 г. парламентских выборах он одержал победу. К власти пришло коалиционное правительство социалистов и радикалов во главе с Леоном Блюмом. Коммунисты обязались поддерживать это правительство, не входя в него.

Новая стратегическая линия Коминтерна и ее практическое воплощение — Народный фронт во Франции — вызвали резкие возражения Л.Д. Троцкого. По его мнению, “Коминтерн в борьбе с фашизмом стал на путь демократической коалиции и патриотизма”¹, заключив блок в лице Радикальной партии не со средними классами и даже не с мелкой буржуазией, а с агентурой финансового капитала. “Элементарная истина марксистской стратегии гласит, что союз пролетариата с мелким людом городов и деревень осуществим только в непримиримой борьбе с традиционным парламентским представительством мелкой буржуазии”², — заключал Л.Д. Троцкий.

Создание правительства Народного фронта во главе с Л. Блюмом и назначение на должность министра колоний активного деятеля Лиги по правам человека, входившего в Комитет по амнистии и защите индокитайцев, члена СФИО М. Мутэ, были встречены большинством колониального общества весьма благожелательно. Представители национально-реформистского крыла буржуазии, Конституционная партия, приветствовали нового министра колоний, который долгое время был подписчиком их центрального печатного органа “Ля Трибюн Эндошинуаз”. “Мы еще никогда не находились в настолько благоприятных условиях для осуществления наших законных желаний...”³, — отмечала в июне эта газета. “Мариус Мутэ будет министром колоний... Это удачный выбор... Это тот Мутэ, который руководил кампанией против жестоких преступлений, совершен-

ных в Тонкине (северная часть Вьетнама. — *И.У.*), против казней в северном Аннаме (центральная часть Вьетнама. — *И.У.*), против расстрела мирных протестующих в Кохинхине... Нам нужен ряд реформ... Народный фронт у власти, а Мутэ [ведет дела] колоний — это удачные обстоятельства”⁴, — подхватывала в начале июля “Ля Лютт”, газета, издававшаяся политическим блоком легально действующих троцкистов, коммунистов и левых радикалов⁵ в Кохинхине.

Однако нелегальный аппарат КПИК поначалу очень осторожно отнесся к новому кабинету министров во Франции, пообещав ему в июне “частичную и временную поддержку” и заявив, что “народ Индокитая хотя и должен оказать содействие политике мира, антифашистской и антивоенной стратегии правительства Блюма, но это не может заставить его забыть главную цель борьбы — независимость Индокитая”. К тому же, нельзя предавать забвению тот факт, подчеркивал ЦК партии, что “хотя правительство и родилось благодаря Народному фронту, но оно... по-прежнему продолжает быть представителем французского империализма”. Компартия потребовала от метрополии проведения таких же социальных реформ, какие были обещаны рабочим Франции: предоставления свободы слова, собраний, ассоциаций, передвижения, увольнения реакционных чиновников, освобождения политических заключенных, улучшения условий жизни всего трудового населения Индокитая и многое другое⁶.

Наряду с осознанием того факта, что изменение политических условий во Франции означает серьезные перемены и в ее заморских территориях, в колониальном обществе сохранялось непонимание того, чего можно ожидать от нового левого правительства, какие конкретные изменения в жизни Индокитая повлечет за собой установление новой власти в метрополии. Это было связано с расплывчатой колониальной программой Народного фронта, а по существу, с отсутствием таковой. В связи с этим развернулась дискуссия по вопросу о том, что принесет приход к власти кабинета Л. Блюма жителям Индокитая.

Внешний наблюдатель, французский социалистический еженедельник “Ажир”, основанный в Кохинхине в феврале 1936 г. преподавателем физики К. Меттером, являвшимся президентом местного отделения Лиги по правам человека, писал в начале июня: “Колониальные жители — помещики, мелкие торговцы, чиновники и особенно вьетнамские пролетарии — ждут многого от нового правительства. Они требуют более умной колониальной политики в области таможенных тарифов, осознания того, что Индокитай должен жить в орбите Дальнего Востока, а не метрополии, либеральной политики, направленной на амнистию всех тех, кто находится на каторге за то, что требовал немного лучшей жизни, немного свободы”⁷.

Одной из первых мер, которую также ожидали увидеть члены группы “Ля Лютт”, активно действующей в Кохинхине с 1934 г., было освобождение политических заключенных. В брошюре Нгуен Ван Тао “Народный фронт во Франции и чаяния народных масс Индокитая”, выпущенной “Ля Лютт” в июне 1936 г., одним из основных требований стала “полная амнистия заключенных, в особенности, политических”⁸. Один из лидеров группы, троцкист Та Тху Тхау, отвечая на вопрос корреспондента газеты “Дуок Нянам” о том, какие надежды связывает Индокитай с правительством Народного фронта, говорил, что “Индокитай может надеяться только на движение народных масс”, поэтому приход к власти нового кабинета министров нужно использовать для политического просвещения масс и создания комитета по общей амнистии политических заключенных⁹.

Действительно, вскоре процесс формирования индокитайского Комитета по амнистии завершился¹⁰. 16 июня 1936 г. генерал-губернатор Индокитая получил телеграмму из Парижа с требованием выслать ему дела заключенных для их рассмотрения с целью амнистии. 26 июня “Дуок Нянам” сообщила, что 150 чел. были освобождены из тюрьмы на острове Пуло Кондор¹¹. В июле было освобождено около 200 чел. и еще 850 в августе¹².

Одним из важнейших вопросов, который встал перед всеми силами, приветствовавшими приход к власти Народного фронта во Франции и ожидавшими от него изменений в политике по отношению к Индокитаю, стал вопрос взаимодействия с парламентской комиссией по изучению положения в колонии, прибытие которой ожидалось во Вьетнам в скором времени. Первое предложение в этой области исходило от Конституционной партии. В конце мая 1936 г. ее представители Нгуен Фан Лонг и Зиеп Ван Ки выдвинули план по созданию комитета для ее встречи. “Прежде чем делегация прибудет в Индокитай, нам необходимо собраться и обсудить программу, выражающую пожелания вьетнамского народа... Этот обмен мнениями не исключает создания органа, который возьмет на себя встречу французской делегации, обеспечение прямой связи с посланниками, чтобы выразить чаяния всего вьетнамского народа”¹³, — отмечал 26 мая Нгуен Фан Лонг в газете “Вьетнам”.

“Ля Лютт” согласилась с идеей, однако, вместо образования маленькой организации близких к Конституционной партии людей, защищаемой национал-реформистами, группа уже 27 мая призвала к созданию Индокитайского конгресса, куда бы вошли легальные организации, представители прессы, а также выборные лица. Через несколько дней, 10 июня газета “Ля Лютт” призвала к организации комитетов на местах, отвечающих за составление народных требований и назначение делегатов, которые представили бы пожелания колониальных народов комиссии по расследованию. Однако после этого идея создания Индокитайского конгресса публично не озвучивалась больше месяца, хотя в то время, по словам Хо Хыу Тьонга, Данный вопрос продолжал обсуждаться в “Ля Лютт”¹⁴.

29 июля один из лидеров группы, ветеран антиколониального движения Вьетнама, левый радикал Нгуен Ан Нинь в статье, опубликованной в “Ля Лютт”, снова выдвинул идею о создании Индокитайского конгресса. Полемизируя с представителями национал-реформистского движения, он писал: “Слишком долго рабочие массы страны не могли поднять свой голос, чтобы объявить во всеуслышанье о своей нищете и потребовать от тех, кто ответственен за это, средств к облегчению их жалкого существования. Конституционалисты в своих следующих один за другим списках требований защищают интересы класса буржуазии с талантом и рвением. Но у них даже не хватает порядочности потребовать элементарных прав для трудящихся классов, представителями которых они претендуют быть... Списки требований, составленные и представленные несколькими людьми, интересы которых противоположны интересам трудовых масс, не имеют никакой ценности в нынешних условиях, когда новое правительство желает знать глубинные устремления колониальных народов. Настоящее время — это самый благоприятный момент для того, чтобы созвать Индокитайский конгресс, где будут представлены все классы с тем, чтобы собрать требования народов Индокитая..., чтобы подготовить базу для сотрудничества различных политических партий”¹⁵.

Через неделю, 5 августа, группа “Ля Лютт” объявила о создании комитета действия¹⁶, чтобы “помочь трудовым массам составлять списки требований или избирать представителей для организационной работы или участия в конгрессе”¹⁷.

В рядах конституционалистов не было единства по вопросу об участии в этой инициативе, дискуссия даже угрожала расколом в партии, однако, ради сохранения единства было решено поддержать движение за созыв Конгресса¹⁸. В конце концов, лидеры национал-реформистской организации попытались перехватить эту инициативу. В начале августа в печатных органах конституционалистов “Вьетнам” и “Дуок Ньям” было опубликовано приглашение ограниченному числу лиц (в частности, игнорировались представители группы “Ля Лютт”) прибыть 13 августа в редакцию газеты “Вьетнам” на подготовительное совещание по вопросу о встрече комиссии по инспекции колонии¹⁹. В назначенный день в “Дуок Ньям” появилась ироничная заметка Нгуен Ан Ниня: “В газете “Вьетнам” Нгуен Фан Лонг пригласил “соотечественников” участвовать в собрании этим вечером... в восемь часов в помещении газеты “Вьетнам”. Поэтому люди всех слоев, хотя у нас и нет его приглашения, мы обязаны прийти...”²⁰.

Во второй половине дня около полутысячи человек, из которых большинство не было приглашено, собрались в указанном месте. Многие умеренные журналисты и представители интеллигенции, а также приглашенные лица из Тонкина и Аннама не явились. Конституционалисты надеялись создать на этой встрече небольшую группу, ответственную за прием парламентской комиссии по инспекции колоний, когда та прибудет в Индокитай. Но представителям группы “Ля Лютт” и другим радикально настроенным участникам удалось на собрании избрать временный комитет по созыву Индокитайского конгресса из девятнадцати членов, из которых только пять представляли Конституционную партию²¹. Таким образом, было положено начало массовому движению.

Тем не менее, под давлением национал-реформистов, угрожавших расколом, приходилось идти на уступки. 19 августа “Ля Лютт” опубликовала заявление, направленное, прежде всего, конституционалистам, недовольным их малым присутствием во временном комитете: “Мы не хотим, чтобы трудящиеся в этой стране отделились от других классов или чтобы они опирались только на свои собственные силы... Никогда у нас не было намерения организовать конгресс лишь из пролетариата... Мы хотим, чтобы рабочие и крестьяне объединили свои силы с другими классами, чтобы с большей силой требовать реформ”²². 21 августа по инициативе временного комитета в его состав было кооптировано еще 13 новых членов, подавляющее большинство из них представляли Конституционную партию и крупную буржуазию. Кроме того, участникам группы “Ля Лютт” и ее союзникам пришлось согласиться с трудным компромиссным решением о том, что на предстоящем конгрессе количество делегатов от “рабочих классов” не должно превышать одной четверти²³.

Однако были приняты организационные решения. Временный комитет должен был проводить работу по созыву Индокитайского конгресса, который станет народной ассамблеей, созданной для сбора требований индокитайцев во всех сферах жизни, а также для передачи их парламентской комиссии и правительству Народного фронта метрополии. Структура конгресса представлялась следующей. Низовыми структурами были комитеты действия, явля-

ясь “приводным ремнем между массами и конгрессом”. Они создавались либо по месту работы, либо по месту проживания²⁴. Участниками избирался секретарь, который следил за работой. Если позволяло количество его членов, то в комитете создавались комиссии по агитации и пропаганде, делам молодежи и женщин, а также по сбору требований населения. Собирались они должны были минимум раз в неделю²⁵. По замыслу группы “Ля Лютт”, эти низовые организации должны были избирать комитеты действия края. “Комитет по созыву Индокитайского конгресса должен быть временным центральным органом этих комитетов, вплоть до момента открытия конгресса, когда его полномочия завершались”. — говорил в своем выступлении перед временным комитетом 27 августа Та Тху Тхау. Но эта направляющая организация не должна была вмешиваться во внутреннюю работу созданных массами низовых структур²⁶, являясь лишь организационным аппаратом, который проводил переговоры с колониальной администрацией и чиновниками метрополии, готовился к приему парламентской комиссии, вел организационную работу по созыву конгресса.

КПИК увидела в формировании “народной ассамблеи” отличную возможность для создания единого антиимпериалистического фронта. По ее мнению, движение за созыв Индокитайского конгресса стало его “зародышем”²⁷ и, естественно, получило поддержку партии. В августе в открытом письме, озаглавленном “Индокитайская компартия и Индокитайский конгресс”, КПИК заявляла: “Считая Индокитайский конгресс первым шагом к единству действий партий и объединению всех народов Индокитая, коммунистическая партия горячо приветствует и поддерживает его... Мы готовы к сотрудничеству и общим действиям со всеми — с трудящимися, мелкой буржуазией, интеллигенцией и национальной буржуазией вне зависимости от расы, религии или классовой принадлежности — со всеми, кто поддерживает демократические принципы созыва Индокитайского конгресса, кто хочет защищать мир и добиваться демократических свобод, а также еды и одежды для народных масс”²⁸.

Троцкисты из группы “Ля Лютт” как зачинатели движения за созыв Индокитайского конгресса не могли не поддерживать его. Подпольные группы сторонников IV Интернационала также стали одной из опор самоорганизации масс, проходившей под лозунгом Индокитайского конгресса. Однако вопрос о сотрудничестве с национальной буржуазией первоначально расколол часть революционных сил колонии. В товарищеской дискуссии, разгоревшийся в августе — начале сентября между социалистом К. Меттером, издававшим еженедельник “Ажир”, и одним из лидеров “Ля Лютт” Та Тху Тхау, была поднята эта проблема. Первый выступал против союза, даже временного, трудящихся масс с буржуазией, называя его “браком между карпом и кроликом”. “Если я удивляюсь этому альянсу, то только потому, что я вспоминаю о наших дружеских разговорах..., где мы решительно клеймили вьетнамских лидеров, которые до настоящего времени действовали в интересах правительства... в ущерб местной электоральной коллегии, которая доверяла им”²⁹, — подчеркивал он. Та Тху Тхау возражал, что сейчас прогрессивные элементы буржуазии, как и рабочий класс, требуют демократических свобод, а значит, союз оправдан³⁰.

В издательстве “Ля Лютт” была опубликована брошюра троцкиста Дао Хынг Лонга “Методы работы комитета действия”. Ее содержание сводилось к следующему: чтобы не требовать разрешения у властей, численность комитета действия не должна превышать 19 чел., если же она достигала этого порога, организации следовало разделиться. Рекомендовалось ограничить количество основателей пятью активистами, чтобы оставить свободное место для представителей масс. Малое число людей, входивших в это образование, способствовало более свободным дискуссиям и стимулировало инициативу низов. В нем не должно было быть лидера или руководящего органа. Его основные задачи сводились к организации изъявления народных требований, составлению списка решений, подготовке к выборам делегатов на Конгресс. Официально комитеты действия были временными, однако, троцкисты призывали рассматривать их как форму “постоянной организации масс”³¹. КПИК также считала, что комитеты действия не должны закончить свою работу после созыва Индокитайского конгресса³².

Несмотря на некоторые разногласия, движение, поддержанное легальными и нелегальными организациями, ширилось. Однако, чем более массовым оно становилось, тем больше его боялась буржуазия, тем активнее ему противодействовала колониальная администрация, тем страшнее оно становилось для властей метрополии. По подсчетам “Ля Лютт”, к 27 августа уже было образовано несколько десятков комитетов действия, а к 12 сентября — несколько сотен³³. В конце сентября, согласно оценкам французской тайной полиции, в Кохинхине существовало уже приблизительно 600 комитетов действия, при этом только 285 из них были легальными³⁴. В одном Тёлоне их насчитывалось около 40, а в Зядине — около 60. В течение двух месяцев с момента основания комитета по созыву Индокитайского конгресса было проведено около 200 митингов и собраний (не считая нелегальных) с общей численностью участников в 10 тыс. чел. Было распространено 450 тыс. копий 200 различных листовок³⁵. В Тонкине движение поддержала прокоммунистическая газета “Ле Травай”, в Аннаме — опорой являлись амнистированные политические заключенные³⁶. Однако в северной и центральной частях Вьетнама движение носило менее активный характер, чем на юге. В Лаосе и Камбодже оно вообще почти не получило развития.

2 сентября 1936 г. временный комитет организовал встречу с высокопоставленными представителями колониальной администрации, чтобы разъяснить им свою программу. Созыв первого заседания Конгресса был назначен на 16 сентября. Однако развитие событий в Кохинхине стало сильно беспокоить местные власти. “Чиновники высшего и низшего ранга ежедневно теряют оставшуюся у них власть, — сообщала тайная полиция. — Поступление налогов заметно сократилось. Административные служащие стали нерешительны в своих действиях”³⁷.

Отправленный в отставку генерал-губернатор Р. Робен в начале сентября перед своим отъездом в Париж открыто атаковал движение за созыв Индокитайского конгресса. В беседе с Нгуен Фан Лонгом, входившим во временный комитет, он предупреждал этого лидера конституционалистов, чтобы тот был крайне осторожен в своих действиях, поскольку Индокитайский конгресс — это коммунистическое движение.

8 сентября социалист, “друг индокитайского народа” Мутэ направил две телеграммы колониальным властям (получены колониальной администрацией 9 сентября). В первом открытом сообщении приветствовалось намерение народа осуществлять реформы в Индокитае, а также давались инструкции местным органам благосклонно принимать пожелания населения. Завершалось же оно более чем двусмысленным заявлением о том, что политике реформ мешают беспорядки, рост манифестаций, преувеличения и искажения фактов в прессе. Во второй телеграмме, которая не предназначалась для опубликования, Мутэ предписывал властям колонии сообщить лидерам Конгресса о том, что созыв колониального форума, назначенный на 16 сентября, запрещен из-за опасения беспорядков при сборе нескольких тысяч человек³⁸.

В то же самое время колониальная администрация продолжала проводить консультации с национал-реформистскими лидерами, стремясь к расколу движения. 14 сентября одновременно с прибытием в Сайгон генерал-губернатора Робена и генерального секретаря Шателя³⁹ пять представителей Колониального совета Кохинхина, членов Конституционной партии (Ле Куанг Лиен, Чан Ван Кха, Тхыонг Конг Тхуан, Во Ха Чи и Чыонг Ван Бен) покинули временный комитет, заявив, что группа “Ля Лютт” стремится поднять рабочие массы против собственников и существующего порядка, а их печатный орган “Ля Трибюн Эндошинуаз” обвинил Индокитайский конгресс и комитеты действия в том, что они являются новыми советами⁴⁰. “Ля Лютт” предсказывала, что за выходом большинства конституционалистов⁴¹ из временного комитета последуют репрессии властей. На что “Ля Трибюн Эндошинуаз” зловеще ответила: “Если и будут подобные запреты, то наш выход из организационного комитета Конгресса не может иметь никакого влияния на это. Поскольку у нас нет ни права, ни полномочий предлагать такие меры властям, которые и сами хорошо знают, что должно быть сделано”⁴².

На следующий день министром колоний была послана очередная телеграмма, где он призывал “предотвратить возможность мятежей или подстрекания к ним”, используя все законные средства⁴³. Губернатор Кохинхины издал приказ, запрещающий с 15 сентября 1936 г. все демонстрации и собрания. Вскоре после этого было дано распоряжение с требованием предоставить окончательно принятые “тетради пожеланий” к 25 сентября, после чего прекратить любую агитацию. 24 сентября через газету “Ля Лютт” Нгуен Ан Нинь ответил на этот ультиматум: подача “тетрадей пожеланий” в такой короткий срок явно невозможна, а действия колониальной администрации показывают очевидное нежелание считаться с требованиями народов Индокитая.

Несмотря на обещание, данное временным исполняющим обязанности губернатора Кохинхины Та Тху Тхау, что комитеты действия не будут запрещены⁴⁴, вскоре низовые организации движения по созыву Индокитайского конгресса стали подвергаться преследованиям. Брошюра группы “Ля Лютт” “Народный фронт во Франции и чаяния народных масс Индокитая” попала в список запрещенных книг. 27 сентября начались репрессии против радикальных лидеров движения за созыв Индокитайского конгресса. В редакции “Ля Лютт” был проведен обыск и изъяты все документы, касающиеся Индокитайского конгресса, Та Тху Тхау, Нгуен Ан Нинь и Нгуен Ван Тао были арестованы.

“После четырех месяцев нахождения правительства Народного фронта у власти политическая и социальная ситуация в Индокитае остается такой же, как

она была во времена Тардьё, Фландена, Лавалля (премьер-министры Франции в различное время. — И.У.)... Нынешние репрессии, проводящиеся с позволения и по приказам министра-социалиста, обозначили конец нашего понимания политики правительства Народного фронта"⁴⁵, — писала "Ля Лютт" 1 октября. Временный комитет и группа решили напрямую добиться у французского правительства разрешения созыва Конгресса⁴⁶, рассчитывая на поддержку ФКП, левого крыла СФИО и других антиколониальных сил метрополии. В сентябре им были посланы телеграммы с протестом Мариусу Мутэ, а также организациям, входящим в Народный фронт. 30 сентября Зьонг Бать Май отправился в Париж для переговоров на месте. Через месяц он прибыл во Францию, где 9 и 25 ноября имел встречи с министром колоний, на которых лично попытался убедить его, что движение за созыв Индокитайского конгресса было чисто демократическим и не было связано никоим образом с КПИК⁴⁷.

Однако Мариуса Мутэ беспокоило не участие коммунистов в движении или их руководство им⁴⁸, а скорее политическая и социальная стабильность в Индокитае. Он уже в сентябре 1936 г. подчеркивал опасность, которую увидела деревенская верхушка, на которую опирался французский колониализм во Вьетнаме, в комитетах действия⁴⁹, и не отказался от этой идеи впоследствии. "Если не принять полное разрушение социальной основы Индокитая, то невозможно допустить существование комитетов действия, и я намерен запретить их деятельность"⁵⁰, — писал министр колоний в конце 1937 г.

Сохранение прежней политической обстановки было поставлено правительством Народного фронта во главу угла. Французский исследователь Д. Эмери следующим образом характеризует колониальную политику этого периода: "Для Мариуса Мутэ и лидеров СФИО, находящихся к тому же под давлением радикалов, в то время, как мировая война вырисовывалась на горизонте, не пробил еще час для политических изменений в колониях, и еще меньше для индустриализации Индокитая... Для них существовал только вопрос о возвращении доходности колоний посредством реконструкции социально-экономической структуры Империи... Все реформы политического характера были абсолютно исключены. То, что намечалось Народным фронтом, было продолжением "неоколониальной" политики, начатой после 1930 г. Если кабинет министров и мирился с политической деятельностью в колонии, то он никогда ее не узаконивал. Решающий тест — проект разрешения профсоюзов, рассматривавшийся в марте 1937 г., не увидел света, профсоюзы остались подпольными"⁵¹. Иллюзии о коренных преобразованиях в колониальном обществе, с которыми радикальные силы связывали давление снизу⁵², рассеивались с началом репрессий осени 1936 г. Движение за созыв Индокитайского конгресса, как и любое другое массовое, динамичное и хорошо организованное движение, оказалось в противоречии с основным направлением колониальной политики Народного фронта. "В настоящих условиях, — писала 15 сентября газета "Ле Деш д'Индочин", — политика должна уступить дорогу экономике"⁵³.

Судьба Индокитайского конгресса была предрешена. Обещанный правительством метрополии визит парламентской комиссии по исследованию положения в Индокитае так никогда и не был предпринят. В конечном счете, эта идея была похоронена французским Сенатом 17 июля 1938 г. В колониальном обществе создания Конгресса перестали ожидать уже в начале 1937 г.

Как видно из вышесказанного, вина за срыв движения по созыву Индокитайского конгресса лежала, прежде всего, на колониальной администрации, французском правительстве и раскольнической деятельности Конституционной партии. Однако в докладе Заграничного бюро КПИК Коммунистическому Интернационалу вся ответственность перекладывалась на троцкистов, в нем также критиковалась “Ля Лютт” за то, что она, якобы, отпугнула “национальную буржуазию” своей чрезмерной критикой⁵⁴. Впоследствии этот тезис был взят на вооружение советской, а позже и российской историографией⁵⁵.

Уничтожение массового движения за созыв Индокитайского конгресса привело к серьезным последствиям в долгосрочной перспективе. Прежде всего, надо назвать усиление тех политических течений, которые с рвением включились в деятельность комитетов действия, прежде всего, КПИК и троцкистов. Организованные марксистскими активистами комитеты действия стали прекрасной средой, где легко распространялась пропаганда, некоторые из них после запрещения превратились в подпольные ячейки революционных сил. Другим немаловажным результатом стало понимание колониальным обществом того факта, что Народный фронт, бравировавший левыми лозунгами до прихода к власти и обещавший кардинальные реформы, вовсе не хотел прислушиваться к мнению колониальных народов, к улучшению жизни которых он призывал. Это совпало с анализом Л.Д. Троцким характера и сущности правительства Леона Блюма, поэтому некоторые вьетнамские сторонники IV Интернационала первоначально положительно воспринявшие приход к власти в метрополии Народного фронта, вскоре кардинально изменили свою точку зрения. КПИК же, связанной союзническими отношениями ФКП с правительством, приходилось отстаивать свою политику поддержки кабинета министров Франции. Разочарование в Народном фронте привело к росту популярности троцкистов, которые после провала движения за созыв Индокитайского конгресса в отличие от компартии предлагали систематическую критику правительства метрополии.

Отношение к национальной буржуазии также стало одним из пунктов разногласий между троцкистами и коммунистами. Раскольническая роль Конституционной партии еще раз с убедительностью подтвердила анализ последователя Л.Д. Троцкого Та Тху Тхау, сделанный им в 1930 г. в отношении национальной буржуазии: “родившаяся из завоевания (Индокитая Францией.— И.У.), которое стало настоящей экономической революцией, заменившей мелкое сельскохозяйственное производство капиталистическим производством, она может жить и развиваться только в системе, которая была создана посредством этого завоевания”, ее амбиции ограничены конкуренцией с французским и китайским капиталом за внутренний рынок, что порождает экономический национализм, взамен политического⁵⁶. Отношение КПИК к этому вопросу существенно изменилось. Если до 1936 г. компартия отрицала любые возможности сотрудничества с национальной буржуазией, то теперь она стала его адвокатом. Такие глубокие расхождения между коммунистами и троцкистами делали существование блока, созданного в 1934 г. этими политическими направлениями в рамках газеты “Ля Лютт”, фактически невозможным. Усилению сторонников Л.Д. Троцкого в группе “Ля Лютт” невольно способствовала сама колониальная администрация, начав репрессии против ее участников.

Однако самым важным результатом разгрома движения, которого достигли власти колонии, стало растущее понимание невозможности добиться освобождения от колониальной зависимости мирными, неревOLUTIONными мерами. Индокитайский конгресс мог бы стать демократическим форумом колонии, координировавшим с правительством метрополии реформы, к которым стремилось население французского Индокитая. Постепенный процесс преобразований мог стать альтернативой революционному освобождению, а также выработать в рамках Конгресса структуру будущего самостоятельного автономного управления Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Но Народный фронт не только не воспользовался этой возможностью, но еще больше настроил против себя народы зависимых территорий репрессивными методами, направленными против самоорганизации масс.

1. Троцкий Л. Д. Ликвидационный Конгресс Коммунистического Интернационала // Бюллетень оппозиции. 1935. Декабрь. № 46.
2. Троцкий Л. Д. Франция на повороте // Бюллетень Оппозиции. 1936. Май. № 50.
3. Цит. по: Cook Megan E. The Constitutionalist party in Cochinchina: the years of decline, 1930 — 1942. Melbourne, 1977. P. 79.
4. Цит. по: Chonchirdson. S. The Indochinese Congress (May 1936 — March 1937): False Hope of Vietnamese Nationalists // Journal of Southeast Asian Studies. Singapore № 2. 1999. P. 338.
5. Относительно деятелей вьетнамского освободительного движения термин “радикал”, используемый в данной статье, обозначает не партийную принадлежность, а социально-политические взгляды.
6. Tho cong khai cua Trung uong Dang cong san Dong Duong goi cac dong chi toan dang // Van kien Dang toan tap. Hanoi, 2000. T. 6. Tr. 13 — 25. В последствии с июля 1936 г. политика по отношению к правительству Народного фронта начала смягчаться: постепенно в тактических целях были сняты антифеодальные и антиимпериалистические лозунги.
7. Agir. 1936. 7 июня.
8. Также блоком троцкистов и коммунистов в июне был выдвинут ряд предварительных требований, включавших, в частности, изменения в судебной системе, уничтожение системы индижената, распространение на территорию Индокитая уже действующих законов метрополии, регламентирующих рабочую деятельность (право на создание профсоюзов, положений о социальной защите, установление восьмичасового рабочего дня и т.д.), а также свободу прессы, собраний, передвижения, уравнивание в избирательных правах вьетнамцев и французов (Nguyen Van Tao. Mat tran binh dan Phap voi nguyen vong cua quan chung Dong Duong. Saigon. 1936. Tr. 6 -7, 18 — 22).
9. Nguyen An Tinh. Nguyen An Ninh. TP Ho Chi Minh. 1996. Tr. 49.
10. Первоначально был создан Временный инициативный комитет, вскоре он был признан кохинхинскими отделениями Лиги по правам человека, СФИО, Радикальной партии и преобразован в исполнительный комитет индокитайского Комитета по амнистии. (Agir. 1936. 21 июня; Nguyen An Tinh. Nguyen An Ninh. Tr. 343).
11. Pham Hong Tung. Die Politisierung der Massen in Vietnam: 1925 — 1939. Berlin, 2002. S. 331; Nguyen An Tinh. Nguyen An Ninh. Tr. 342 — 343.
12. Французская тайная полиция Сюртэ указывала, что бывшие заключенные, члены КПИК, возвращающиеся из Кохинхины в Тонкин поддерживают активную связь со своими товарищами на Юге (Sud Chonchirdson. The Indochinese Congress. P 339). Результатом этих контактов, возможно, стало появление созданной по подобию “Ля Лютт” ханойской легальной газеты “Ле Травай” (Hemery. D. Revolutionnaires

vietnamiens et pouvoir colonial en Indochine: communistes, trotskystes, nationalistes a Saigon de 1932 a 1937. Paris, 1975. P. 316). В блок, образовавшийся вокруг этого органа, вошел также троцкист Хюинь Ван Фьонг, бывший участник группы “Ля Лютт”, уехавший в Ханой для продолжения юридического образования. Однако доминирующее положение в газете, выпустившей первый номер в сентябре 1936 г., занимали члены КПИК.

13. Цит. по: *Nguyen An Tinh. Nguyen An Ninh*. Tr. 50.
14. *Hemery, D. Revolutionnaires vietnamiens et pouvoir colonial en Indochine*. P. 295—296.
15. *N[gyuyen] A[n] N[inh]*. Tien toi mot Dai Hoi Dong Duong! // *Nguyen An Tinh. Nguyen An Ninh*. Tr. 348—349.
16. Первоначально в состав комитета действия группы “Ля Лютт” вошли сотрудники газеты троцкисты Чан Ван Тхатъ, Хо Хыу Тьонг, Фан Ван Хум, коммунист Нгуен Ван Нгуен и левый радикал Нгуен Ан Нинь.
17. *Vi Dai Hoi Dong Duong* // *Nguyen An Tinh. Nguyen An Ninh*. Tr. 349.
18. *Cook M. E. The Constitutionalist party in Cochinchina: the years of decline, 1930 — 1942*. P. 80.
19. *Hemery D. Op. cit.* P. 300; *Duiker W. J. The rise of nationalism in Vietnam, 1900 — 1945*. Ithaca, New York. 1976. P. 244; *Nguyen An Tinh. Nguyen An Ninh*. Tr. 50. 10 августа один из лидеров конституционалистов Нгуен Фан Лонг заявил, что он созвал первую встречу по поводу Индокитайского конгресса, поскольку это была его прерогатива как заместителя председателя Колониального совета Кохинхины (*Cook M. E. The Constitutionalist party in Cochinchina: the years of decline, 1930 — 1942*. P. 80).
20. *Duoc Nha Nam*. 13 авг. // *Nguyen An Tinh. Nguyen An Ninh*. Tr. 350.
21. Представители интеллигенции: Нгуен Ван Тао (коммунист), Чан Ван Тхатъ (троцкист), Нгуен Фан Лонг, Ле Куанг Лиём, Нгуен Ван Шам, Чан Ван Кха (конституционалисты); прессы: Хо Хыу Тьонг (троцкист), Ж.Б. Донг (конституционалист), Нгуен Ан Нинь, Буй Тхе Ми (левые радикалы); рабочих: Дао Хынг Лонг, Та Тху Тхау (троцкисты), Чинь Хынг Нгау (левый радикал); крестьян: Нгуен Ван Чан, Чан Ван Хиен, Во Конг Тон (коммунисты); женщин: Нгуен Тхи Лыу, Май Хуинь Хоа, Нгуен Тхи Нам (коммунисты).
22. *Nguyen Van Tao, Tran Van Thach, Nguyen An Ninh, Ho Huu Tuong, Ta Thu Thau. Thai do cua chung toi la ro rang* // *Nguyen An Tinh. Nguyen An Ninh*. Tr. 355 — 356.
23. *Hemery D. Op. cit.* P. 300.
24. Группа “Ля Лютт” призывала к созданию комитетов действий по месту работы. “Основа самой крепкой организации (комитетов действия — И.У.) — это рабочие места, т.е. фабрики, плантации, фирмы, госучреждения”, — говорилось в брошюре, изданной “Ля Лютт”. (*Nguyen Van Nguyen. Cach lam trong mot uy ban hanh dong* // *Nguyen Van Tao. Cho duoc thuc hien Dong Duong Dai Hoi*. Saigon. 1936. Tr. 25. См. Также: *Ta Thu Thau. Thao an ve cuoc co dong cho Dong Duong Dai Hoi* // *Nguyen Van Tao. Cho duoc thuc hien Dong Duong Dai Hoi*. Tr. 44.).
25. *Nguyen Van Nguyen. Cach lam trong mot uy ban hanh dong*. Tr. 25 — 29.
26. *Ta Thu Thau. Thao an ve cuoc co dong cho Dong Duong Dai Hoi*. Tr. 44—47.
27. *Thong cao ngay 20-3-1937* // *Van kien Dang toan tap*. T. 6. Tr. 215.
28. *Dang cong san Dong Duong va Dong Duong Dai Hoi* // *Van kien Dang toan tap*. T. 6. Tr. 99 — 100.
29. *Agir*. 1936. 6 сент.
30. *Hemery D. Op. cit.* P. 316. Однако не все троцкисты были согласны с этим мнением. В сентябре 1936 г. один из участников группы “Ля Лютт” Хо Хыу Тьонг, близкий к вьетнамскому подпольному движению IV Интернационала, приступил к изданию первого вьетнамского легального троцкистского еженедельника на французском языке — “Ле Милитант”. На страницах этой газеты, где в большинстве своем публиковались работы Л.Д. Троцкого этого времени, в частности, посвященные критике Народного фронта во Франции, Хо Хыу Тьонг резко обличал сотрудничество с конституционалистами в движении за Индокитайский конгресс, призывая массы не доверять буржуазии; он

- также критиковал сторонников IV Интернационала из "Ля Лютт" за то, что они, подерживая альянс с национал-реформистами, приближаются к "классовому сотрудничеству". "Ле Милитант" издал в 1936 г. только четыре номера с 1 по 22 сентября. Французский исследователь Д.Эмери заключает, что эта позиция предполагала "двойную необходимость заключить практическое соглашение с вьетнамской крупной буржуазией и сохранять классовую борьбу", таким образом, это было "понимание единого фронта как тактического альянса и одновременной борьбы" (*Hemery D. Op. cit. P. 287*).
31. *Hemery D. Op. cit. P. 315—316*.
  32. *Dang cong san Dong Duong va Dong Duong Dai Hoi // Van kien Dang toan tap. T. 6. Tr. 102 — 103; Dong Duong Dai Hoi/Van kien Dang toan tap. T. 6. Tr. 111*.
  33. *Ta Thu Thau. Thai an ve cuoc co dong cho Dong Duong Dai Hoi. Tr. 45*.
  34. *Hemery D. Op. cit. P. 319*.
  35. *Huynh Kim Khanh. Vietnamese communism. 1925 — 1945. Ithaca, New York. 1982. P. 214*.
  36. Подробнее о движении за созыв Индокитайского Конгресса в Аннаме и Тонкине см. *Pham Hong Tung. Die Politisierung der Massen in Vietnam: 1925—1939. S. 335—336; Pham Hong Tung. Lich su cuoc van dong vi cac quyen dan sinh, dan chu o Viet Nam (1936—1939). Ha Noi, 2008. Tr. 70 — 73; Cao Van Bien. Giai cap cong nhan Viet Nam thoi ky 1936 — 1939. Ha Noi, 1979. Tr. 159 — 164; Hemery D. Op. cit. P. 321 — 322*.
  37. Цит. по: *Huynh Kim Khanh. Vietnamese communism. 1925 — 1945. P. 214*.
  38. *Hemery D. Op. cit. P. 322—323; Nguyen An Tinh. Nguyen An Ninh. Tr. 53; Sud Chonchirdson. The Indochinese Congress. P. 342*.
  39. *Agir. 1936. 1 нояб.*
  40. Попытка создать рядом деятелей Конституционной партии собственного варианта Конгресса, Консультативной ассамблеи делегатов по предоставлению списков пожеланий Министру колоний, провалилась. (*Cook. M. E. Op. cit. P. 85; Pham Hong Tung. Lich su cuoc van dong vi cac quyen dan sinh, dan chu o Viet Nam (1936 — 1939). Tr. 76—77*).
  41. Во временном комитете остался ряд представителей Конституционной партии во главе с оставшимся в одиночестве депутатом Колониального совета Нгуен Фан Лонгом.
  42. *Cook. M. E. The Constitutionalist party in Cochinchina: the years of decline, 1930 — 1942. P. 83 — 84*.
  43. *Nguyen An Tinh. Nguyen An Ninh. Tr. 53*.
  44. *Agir. 1936. 20 сент.*
  45. *Hemery D. Op. cit. P. 326*.
  46. У сил, входящих в движение за созыв Индокитайского конгресса, оставались еще иллюзии относительно того, что репрессии проводятся вследствие неосведомленности министра колоний о реальном положении дел в Индокитае и обмана колониальной администрации и промышленных кругов правительства метрополии. "Нотабли и представители власти должны были предвидеть конец хороших времен для них. Предприниматели также почувствовали угрозу царству эксплуатации в отсутствии ей сопротивления... И те и другие, прямо или косвенно, требуют у правительства... положить конец этому "мятежу" Кабиана. Правительство поддается и переходит к действиям, препятствуя функционированию комитетов действия", — писал Та Тху Тхуа перед арестами лидеров группы (*Agir. 1936. 20 сент.*). Спустя месяц наивность полностью не рассеялась. "Или Мариус Мутэ обманывает индокитайские народы заявлениями, которым он не считает нужным давать какое-либо продолжение. Это будет беспрецедентная измена демократического правительства... или он жертва систематической ложной, лживой, надувательской, обманывающей информации высших должностных лиц колонии и их сообщников с улицы Удино (на этой улице в столице Франции находилось Министерство колоний — И.У.) и деловых кругов Парижа", — отмечала 29 октября "Ля Лютт" (Цит. по: *Hemery D. Op. cit. P. 330*). В начале октября местная секция Лиги по правам человека, социалисты, радикалы и другие левые силы Кохинхины отправили две телеграммы в Париж, свидетельствующие об отсутствии в колонии беспорядков.
  47. *Sud Chonchirdson. The Indochinese Congress. P. 344—345*.

48. Хотя Мариус Мутэ и рассматривал создание комитетов действия как “попытку Компартии организовать эти группы на бой” (*Hemery D. Op. cit.* P. 331).
49. См. выступление Мариуса Мутэ в парламенте в середине сентября 1936 г. в *Pham Hong Tung. Lich su cuoc van dong vi cac quyen dan sinh, dan chu o Viet Nam (1936 — 1939)*. Tr. 74; *Ngueyn An Tinh. Nguyen An Ninh*. Tr. 53.
50. *Hemery D. Op. cit.* P. 331.
51. *Brocheux P.; Hemery D. Indochine: la colonization ambigue*. Paris, 1995. P. 321. Подробнее о колониальной политике Народного фронта см. *Hemery D. Op. cit.* P. 301—303; 306—313.
52. Та Тху Тхау обращался в одной из статей с призывом к представителям Народного фронта: “Если вы, как и мы, считаете, что без комитетов действия нет спасения для наших эксплуатируемых масс. Если вы считаете, что без них министр [колоний] полностью справится с сопротивлением собственников и не сможет осуществить никаких реформ. Если вы считаете, что без комитетов действия, то есть без воспитания и первичной организации масс, реформы, которые будут дарованы, вопреки ожиданиям не будут применены собственниками и деревенскими вельможами, хорошо вооруженными для того, чтобы обойти закон... Поддержите нас в Индокитае против сил социального охранения, которые угрожают [уничтожить] комитеты действия — единственное средство выправить классовый баланс и осуществить некоторые умеренные изменения в Индокитае” (*Agir*. 1936. 20 сент.).
53. Цит. по: *Hemery D. Op. cit.* P. 312.
54. *Quinn-Judge S. Ph.D. Nguyen Ai Quoc, the Comintern, and the Vietnamese communist movement. 1919 — 1941*. London, 2001. P. 212.
55. См., напр.: *Огнетов И.А.* Коминтерн и революционное движение во Вьетнаме // *Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении*. М., 1969. Стр. 442; *Мхитарян С. А., Мхитарян Т.Т.* Вьетнамская революция. Вопросы теории и практики. М. 1986. Стр. 96; Пробуждение угнетенных. Национально-освободительное движение в Азии и Африке. М. 1968. Стр. 400; *Роговин В.З.* Мировая революция и мировая война. М., 1998. Стр. 322.
56. *Hemery D.* Та Thu Thau: l'itineraire politique d'un revolutionnaire vietnamien pendant les annees 1930 // *Histoire de l'Asie du Sud-Est: revoltes, reformes, revolutions*. Lille. P. 215.

Рецензии

Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко. М.: Вост. лит., 2009. [Т. 4]: Историческая мысль. Политическая и правовая культура / Ред. тома М.Л. Титаренко, Л.С. Переломов, В.Н. Усов, С.М. Аникеева, А.Е. Лукьянов, А.И. Кобзев. 935 с.: ил.

Энциклопедия "Духовная культура Китая", подготовленная большим коллективом российских китаеведов, представляет собой уникальный научный труд, занимающий особое место в отечественной и мировой синологии. В рамках данного издания не только сконцентрирована существенная информация справочного характера, но и концептуально обобщены итоги многолетних научных исследований, намечены последующие направления комплексного изучения духовных основ китайской цивилизации.

Четвертый том энциклопедии, как и предыдущие три тома: "Философия" (2006 г.), "Мифология. Религия" (2007 г.), "Литература. Язык и письменность" (2008 г.), посвящен рассмотрению специфических сторон духовной культуры Китая. Теория и история китайского историописания, развитие исторической мысли и исторического сознания, политическая и правовая культура — все это важнейшие составные части национальной социокультурной традиции.

Рецензируемый том сохраняет структуру, принятую в предыдущих томах, и состоит из трех разделов. "Общий раздел" включает в себя большое количество теоретических и научно-аналитических статей об историческом сознании китайского народа и китайской историографии, о политике и праве традиционного и современного Китая. "Словарный раздел" содержит биографии видных китайских государственных, политических и общественных деятелей, ученых-обществоведов, статьи о важнейших памятниках китайской исторической, политической и правовой мысли, династийных историях, а также о ключе-

вых понятиях и терминах традиционной и современной политической культуры Китая. В "Справочный раздел" вошли: обширная библиография, включающая основательный список книг по исторической, политической и правовой мысли Китая; указатели имен и терминов; хронологические таблицы, последовательно включающие в себя все правившие в Китае династии, годы правления императоров, их личные и храмовые имена и девизы правления (в том числе и в иероглифическом написании), имена и должности всех высших руководителей КНР и КПК с 1949 г., а также таблицы перевода традиционных китайских мер и весов в метрические. Том снабжен большим количеством чрезвычайно полезных карт и уникальных иллюстраций. Для всех разделов и статей данного издания характерен тщательный отбор материалов и глубокое осмысление предмета. Содержание трех разделов подтверждает, что рецензируемый том, как и энциклопедия в целом, безусловно, представляет собой не только фундаментальное издание справочно-аналитического характера, но и является своего рода теоретическим обобщением имеющихся на сегодняшний день результатов изучения духовных начал китайской цивилизации.

Особо хочется остановиться на статьях "Общего раздела". Авторский коллектив, состоящий из ведущих российских специалистов в различных областях китаеведных исследований, поставил перед собой сложную задачу — объединить в рамках одной книги три ключевых компонента духовной культуры Китая: историческую мысль, политическую культуру и право, показав их неразрывную связь и взаимосвя-

висимость.

История всегда занимала особое место в жизни китайского общества, поэтому вполне логично, что авторы тома начинают рассмотрение социокультурных аспектов духовной культуры Китая с изложения основ китайской исторической мысли, исторического сознания китайской нации, теории и практики историописания. В китайской традиции с древнейших времен закрепились восприятие истории как зеркала, вглядываясь в которое, потомки будут извлекать уроки и использовать накопленный исторический опыт во благо современности. Подобное отношение к истории было канонизировано, что придало особую значимость историописанию, имевшему общегосударственное и общекультурное значение. Истории в Китае всегда придавались созидательные функции, она была призвана играть воспитательную роль.

Авторы раздела "Историческая мысль" (А.А. Москалев, Б.Г. Доронин, Ю.Л. Кроль, Г.Я. Смолин, В.М. Майоров, И.С. Ермаченко, А.В. Аллаберт, А.В. Виноградов, В.Н. Усов), включающего статьи, посвященные доктрине китайской нации, историческому времени в Китае, традиционной и современной китайской историографии, сумели создать в рамках отведенного им пространства "Общего раздела" четвертого тома энциклопедии убедительную картину места и роли исторической мысли и исторического сознания в духовной культуре Китая. Отмечая, что китайская историография — явление поистине уникальное и самобытное, не имеющее аналогов в мировой исторической практике, авторы показывают, что зарождение историографической традиции относится к глубокой древности, когда этим делом начали заниматься специальные чиновники.

Согласно преданиям, первыми историографами были два приближенных легендарного Желтого императора (Хуанди) — Цан-цзе и Цзуй Сун. Иероглиф *ши*, обозначающий ныне "историю", встречается еще в надписях на гадательных костях эпохи Шан (XVI-XI вв. до н.э.). Конфуций использовал исторические события в качестве дидактического материала для наставления своих современников и последующих поколений. Исторические труды были призваны играть важнейшую роль в духовном развитии китайского общества, в процессе нравственного совершенствования. Особое значение при этом всегда отво-

дилось официальным династийным историям. В системе традиционного китайского мировосприятия история всегда выступала как главная составляющая гуманитарного знания, некоторые китайские ученые даже воспринимали историю как воплощение великого и всеобъемлющего *дао* — Пути.

Авторы уделяют особое место развитию исторической мысли и историографии в Китае в XX — начале XXI вв. Подробно рассмотрены основные дискуссии, развернувшиеся в китайской исторической науке указанного периода: дискуссии о периодизации древней истории Китая и о зарождении капитализма в этой стране, происходившие в 1950-х гг., дискуссия о практике — критерии истины 1970-х гг., дискуссия о конфуцианстве 1990-х гг., дискуссии о роли личности в истории и др. И это не случайно, так как научная и идеологическая полемика, разворачивавшаяся в КНР на различных этапах ее социально-политического развития, всегда знаменовала собой периоды эволюции исторического сознания в Китае и отчетливо демонстрировала, что история и в XX в. продолжала выполнять структурообразующую функцию в рамках всего комплекса китайской духовной культуры.

В современной Китайской Народной Республике активно продвигается в жизнь тезис: "Поставить древность на службу современности", восходящий к хорошо известным положениям этико-политического учения Конфуция. Данный подход предусматривает активизацию исторических исследований не только на базе традиционных основ китайского культурного наследия, но и с учетом мирового опыта. При этом использование достижений и новаций зарубежной исторической науки ни в коей мере не разрывает взаимосвязь современной китайской историографии с культурными доминантами китайской цивилизации.

Генезис института "политика — история" и его влияние на формирование внешнеполитической доктрины традиционного Китая подробно рассмотрен в разделе "Политическая культура традиционного Китая" (авторы — Л.С. Переломов, А.С. Мартынов, В.М. Майоров, О.Е. Непомнин и С.Н. Гончаров). Взаимодействие и борьба двух основных политико-идеологических доктрин Древнего Китая — конфуцианства и легизма — не только наложили отпечаток на конструирование основ внутренней и внешней политики императорского Ки-

тая, но и стали неотъемлемой частью развития китайской духовной культуры. Особенно отчетливо взаимосвязь истории, культуры и политики проявилась в формулировании и закреплении в историческом сознании представления об императорском дэ как сакральном символе верховной власти. Фундамент для внедрения исторического мышления в процесс концептуализации политической практики был заложен еще в глубокой древности и окончательно утвердился в период острой политико-идеологической конфронтации между конфуцианцами и легистами. Сформировавшаяся на этой основе официальная идеология императорского Китая на протяжении многих столетий сохраняла верность исторической традиции, которая, в свою очередь, закрепляла детальную регламентацию всей социально-политической жизни, нашедшую наиболее емкое и рельефное выражение в системе воспроизводства элиты управленцев-чиновников на основе государственных экзаменов.

В подразделах, посвященных доктрине внешней политики и дипломатии, авторы убедительно показывают, что внешнеполитическая доктрина старого Китая также была predeterminedлена представлениями о "благой силе" дэ императора, сакрализацией его власти и строилась на фундаментальной идее "единственности мирового порядка", исходившей, в свою очередь, из того, что император Китая как сакральное явление и законный представитель безличного Неба, порождающего все сущее на Земле, является единственным правителем Поднебесной (т.е. всего мира). Из этого фундаментального положения проистекала дуалистическая структура традиционной китайской модели мира и так называемого "китайского миропорядка" ("Центр — периферия"; "Китай — варвары"), на основе которой, в свою очередь, складывались представления о том, что рядом с Китаем не могут существовать равнозначные государства, и с соседями—"варварами" не могут заключаться равноправные договоры.

Таким образом, и это хорошо показано в рецензируемой книге, в императорском Китае, в условиях его социокультурной самодостаточности сформировалась уникальная модель мировосприятия, зафиксированная как в историческом сознании, так и в политической культуре и практике.

Серьезная трансформация традиционных взглядов на историю, равно как и

многих элементов традиционной политической культуры, произошла в Китае в новое и новейшее время, что также подробно и на обширном фактическом материале показано создателями рецензируемого тома. Авторы раздела "Политическая культура новейшего времени" (А.В. Виноградов, Л.С. Переломов, Г.А. Степанова, В.М. Майоров, Л.М. Гудошников, В.Н. Усов) рассматривают такие существенные проблемы, как синтез традиционного и современного в политической культуре Китая на протяжении XX в., взаимосвязь истории и политики, роль конфуцианства и легизма в современной политической истории Китая. Распространение западных социальных наук и учений, безусловно, оказало существенное воздействие на общественную мысль и социокультурные процессы, происходившие в китайском обществе в новейший период, однако оно не смогло поколебать основы китайского мировосприятия, базирующегося на многовековом культурном фундаменте.

Последовательно и подробно рассматриваются этапы развития политической культуры Китая в XX в., ее особенности, формы, характерные черты и взаимосвязь с исторической традицией. Должное внимание уделяется истории и эволюции партии Гоминьдан, специфике ее политического и организационного развития (авторы — Н.Л. Мамаева, А.Н. Карнеев, Г.А. Степанова).

Большой раздел рецензируемой книги посвящен Коммунистической партии Китая, под руководством которой в настоящее время происходит процесс социалистической модернизации КНР и осуществляются крупномасштабные социально-экономические реформы (авторы — Д.А. Смирнов, В.Н. Усов, Н.Л. Мамаева, А.В. Ломанов). Подробно освещены политико-идеологические кампании 1949–1976 гг., в ходе которых взаимосвязь политики и истории обозначилась в полной мере.

Особое внимание авторы уделяют таким важнейшим политическим доктринам XX в., как теория "новой демократии" Мао Цзэдуна и теория Дэн Сяопина, положившая начало политике реформ и открытости в КНР. В книге отмечается, что лидер Коммунистической партии Китая последней четверти XX в. Дэн Сяопин, по праву именуемый "архитектором китайских реформ", концептуально связал свою программу модернизации китайского общества с древнекитайскими универсалиями,

восходящими еще к самому Конфуцию, в частности, с его представлением об обществе *сяо кан* — “обществе Малого благоденствия”. Дэн Сяопин, трактуя *сяо кан* как начальную стадию “социализма с китайской спецификой” и “общество средней зажиточности”, тем самым продемонстрировал китайскому народу возможность инкорпорации традиционных этико-политических постулатов конфуцианского учения в концепцию построения “социализма с китайской спецификой”. В настоящее время китайские идеологи продолжают насыщать основные положения официальной политической доктрины базовыми ценностями китайской цивилизации. В документах XVII съезда КПК уже обсуждается вопрос об использовании еще одного фундаментального понятия, восходящего к древнейшим категориям китайской политической культуры — *да тун* (общество “Великого единения”), с упором на повышение благосостояния народа.

Таким образом, отчетливо вырисовывается взаимосвязь духовных основ традиционного и современного китайского общества, непрерывность пятитысячелетней историко-культурной традиции китайского народа, прочность и монолитность фундамента китайской культуры. Авторы рецензируемого тома, приводя факты и примеры из различных периодов истории Китая, логически выстраивают схему, подкрепляющую данные положения.

С древних времен в Китае формировалась и особая правовая культура, принципиально отличавшаяся от тех моделей, которые можно было наблюдать в политико-правовом пространстве западного мира. В разделах “Традиционное право” (авторы — Е.И. Кычанов, Э.З. Имамов) и “Китайское право в XX в.” (авторы — В.М. Майоров, Л.М. Гудошников) с использованием обширного фактического материала показано, как развивалась эта сфера общественного сознания Китая на различных этапах его истории, освещены правовые системы гоминьдановского Китая и КНР.

Таким образом, все статьи, представленные в четвертом томе энциклопедии “Духовная культура Китая”, выстраиваются в стройную и логичную схему: “история — политическая культура — право”. Взаимобусловленность этих трех компонентов духовной культуры Китая прослеживается на протяжении всего многовекового развития китайской цивилизации. Авторы не только уловили эту взаимосвязь, продемонстрировали ее на фактическом материале, но и убедительно теоретически ее обосновали, что определяет важность, актуальность и своевременность данного издания.

Авторы предисловия к четвертому тому (М.Л. Титаренко, Л.С. Переломов, В.Н. Усов) пишут: “Модернизация китайского общества регламентируется общей теорией построения “социализма с китайской спецификой”. В рамках данной теории выдвинута идея построения “социалистической духовной цивилизации”, которая является важным компонентом концепции “совокупной государственной мощи”, где одно из приоритетных мест занимают ценности богатого духовного наследия китайской нации” (С.16). Таким образом, внимание акцентируется на том, что современное китайское общество вступает в качественно новый период своего развития, в ходе которого культура все более активно будет выполнять структурообразующие функции и служить фундаментом эволюции китайской нации в XXI в.

Чтобы лучше понять то, что происходит в современном Китае, необходимы систематические знания о том пути, который прошла китайская культура вплоть до сегодняшнего дня. Такого рода знания в обобщенном и систематизированном виде несет читателю энциклопедия “Духовная культура Китая”, которая сочетает в себе глубокие теоретические положения и выводы с тщательным подбором фактического материала. Четвертый том “Историческая мысль. Политическая и правовая культура” служит тому убедительным доказательством.

Н. Самойлов,
кандидат исторических наук

Усов В.Н. Дэн Сяопин и его время.
ИДВ РАН. М.: Изд-во "Стилсервис", 2009. 872 с.

Стремительный и динамичный прорыв Китая в элиту супердержав и мировых лидеров вызвал к жизни значительное число изданий и публикаций по поводу "истоков" и творцов этого взлета. Не все они выдерживают критику. Зачастую исключительно потому, что их авторы не только не обладают фундаментальными знаниями по данной теме, но имеют о ней лишь общее, как правило, весьма субъективное представление.

Вряд ли стоит оспаривать утверждение, что анализ "корней" современного "китайского чуда" не для дилетантов-верхоглядов. Это задача высококвалифицированных синологов-профессионалов, тонко разбирающихся в хитросплетениях китайской истории, политической и социально-экономической жизни сегодняшней КНР, перипетиях взаимоотношений и борьбы в высших эшелонах ее руководства.

Именно к такой категории специалистов принадлежит известный российский ученый, автор многочисленных книг и статей по истории Китая, доктор исторических наук Виктор Николаевич Усов, выпустивший недавно в свет объемный монографический труд "Дэн Сяопин и его время".

В первую очередь отметим, что столь полное и объективное оригинальное исследование биографии этого выдающегося политического и государственного деятеля КНР издано в нашей стране впервые. На богатом фактическом материале, большей частью неизвестном широкому кругу читателей и включающем новые архивные и другие источники, автор подробно рассказывает о жизни и деятельности признанного "архитектора" китайских реформ. Рассказ разворачивается на историческом фоне, охватывающем весь XX век — эпоху великих и радикальных перемен, происходивших в мире и одновременно в стране, гражданином которой он был, и отразившихся на его личной судьбе.

В том, что о жизни самого видного представителя руководителей КНР т.н.

"второго поколения" писалось достаточно скупо, "виноваты", как утверждает автор, сам Дэн Сяопин, не любивший, как известно, выставлять себя напоказ и "обнажаться" перед представителями СМИ, и китайская политическая традиция, в силу которой информация о жизни представителей эшелонов власти строго дозируется и тщательно контролируется государственной цензурой. Поэтому, помимо прочего, ценность книги В.Н. Усова состоит в том, что она ликвидирует некоторые историографические "пробелы", приподнимая завесу недосказанности, окутывавшую прежде эту неординарную и яркую фигуру китайского "политического Олимпа".

Книга значительно обогащает и углубляет представление о лидере "эпохи перемен" в Китае, поскольку до недавнего времени, во всяком случае, до выхода в свет мемуаров его дочери Мао Мао "Мой отец Дэн Сяопин" сведения о нем, за исключением официальных источников, обилием не отличались. К тому же в книге Мао Мао нашел отражение хотя значительный и самый драматичный, но лишь один этап богатой событиями жизни будущего "патриарха китайской перестройки" — период так называемой "культурной революции".

Для раскрытия главной темы своего исследования В.Н. Усов проделал огромную работу. Подробное описание жизненного пути Дэн Сяопина с детских и юношеских лет до самого последнего его дня органично вплетено в последовательно излагаемые автором события истории Китая в XX в., начиная с деятельности реформаторов во главе с Кан Ювэем и заканчивая присоединением к КНР Сянгана, до которого Дэн, отдавший этому делу много сил, не дожил всего нескольких месяцев.

Книга Усова — не биографический очерк в его строгом классическом виде. И в данном случае это вполне оправдано, поскольку привычное изложение персональной биографии, как правило, неизбежно несет на себе определенную печать автор-

ского субъективизма. Очевидно, с учетом этого он избрал другую форму подачи материала — синтезированное исследование, включающее документированное воссоздание исторических событий и обстоятельств в контексте анализа роли в них главного действующего лица. Такая форма изложения позволяет расширить рамки повествования, включив в него некоторые эпизоды, которые, не будучи изначально связанными непосредственно с деятельностью Дэн Сяопина, тем не менее, дают ключ к пониманию характера ряда глубинных процессов, определявших ход событий внутри Китая и влиявших на его международное положение, что в конечном итоге обуславливало те или иные решения или действия и со стороны самого Дэна.

Другое важное достоинство книги состоит в том, что один из основных руководящих деятелей китайской революции и Нового Китая предстает с ее страниц не схематизированным политическим “роботом” с набором “вождистских” черт, а фигурой сложной и противоречивой, живым человеком с присущими ему достоинствами и недостатками: временами гуманным и справедливым, “одержимым”, по выражению его дочери, “поисками правды”, рационально мыслящим и прагматичным, а порою — неоправданно жестким, даже жестоким, иногда — держащим “нос по ветру”, вынужденно подчиняющимся чужой воле. Но таковы, к сожалению, правила политической “игры”, и это тоже читается между строк авторского текста.

Тем не менее, по справедливому замечанию В.Н. Усова, приведенному в самом начале книги, конец XX в., в отличие от первой его половины, был не так богат личностями, чьи имена вошли в историю. Дэн Сяопин — легендарный китайский революционер, великий преобразователь Китая, безусловно, является именно такой личностью, звездой первой величины не только для своего времени, но и для последующих поколений.

Его главная заслуга перед своим Отечеством состоит, прежде всего, в том, что он сумел вырвать самую многонаселенную страну мира из состояния хаоса, отсталости и нищеты и направить ее на путь устойчивого социально-экономического развития.

В книге показано, как проходя трудной и долгой дорогой военной и политической борьбы в различных районах Китая, обладая пытливым умом и полагаясь на собственный опыт, наращивая влияние, вес и авторитет среди своих соратников и широких слоев населения, Дэн Сяопин постоянно задумывался над поиском наиболее эффективных путей, которые могли бы привести народ его страны к лучшей жизни, сделать Китай более могущественным, способным играть важную роль в мировом сообществе. Определяющим в его деятельности было не следование идеологическим догмам, а умение смотреть в лицо реальности, анализировать ситуацию, делать из нее верные выводы и принимать на их основе правильные решения. При этом он стремился руководствоваться, прежде всего, соображениями целесообразности и здравого смысла. Знаменитая фраза “неважно, какого цвета кошка — белая или черная — лишь бы она ловила мышей” — очень точно характеризует прагматическое отношение Дэна к решению важнейших государственных проблем.

Описывая жизненный путь Дэн Сяопина, последовательно акцентируя при этом внимание читателей сначала на его школьных успехах, опыте, полученном во время учебы во Франции и СССР, встречах с Чжоу Эньлаем и совместной работе с ним, затем — на участии в революционной борьбе, антияпонской войне и строительстве социализма в КНР во второй половине XX в., автор постепенно подводит их к пониманию того, почему именно Дэн подверг радикальному переосмыслению догматы идейно-классовой борьбы, приверженцем которых выступал Мао Цзэдун, и пришел к выводу о приоритете экономических ценностей над идеологическими, поставив именно их взамен пресловутой “винтовки председателя” в основание реальной власти. В то же время, признавая правильными лишь те решения и действия, которые являются целесообразными, Дэн Сяопин отдавал себе отчет в том, что резкая смена курса и системы ценностей, укоренившихся в китайском обществе, может вызвать в нем мощнейший взрыв. Поэтому он, формально не отказываясь от идей Мао Цзэдуна, дал им иное толкование, более соответствовавшее реалиям современного Китая.

С другой стороны, при вдумчивом чтении книги напрашивается вывод, что независимо от того, встал бы Дэн Сяопин во главе Китая или нет, реформы в этой стране были предопределены и, по существу, неизбежны. Собственно говоря, готовить подступы к ним китайцы начали еще в 1950-е гг. "Скачок", коммуны и даже в определенной степени "культурная революция" — все это поиски путей ускорения, прежде всего, экономического развития. Другое дело, что в политике важную, почти решающую роль играют личные моменты. Мао был закоренелым догматиком. Таковым, по существу, был и Лю Шаоци, который исключал возможность отступления от основ ленинизма и сталинизма. Умным, но недальновидным оказался Чэнь И. Гибче других был Чжоу Эньлай, в работах которого и была первоначально в общем виде озвучена идея осуществления модернизации в КНР. Но и он старался не выходить за определенные рамки. В этом отношении Дэн выгодно отличался от всех других китайских руководителей.

Симптоматично, что неординарность Дэна отмечал в свое время именно Мао Цзэдун, заявивший в 1959 г. находившемуся в Пекине во главе партийно-правительственной делегации СССР Н.С. Хрущеву, что "несмотря на маленький рост (156 см), Дэн — восходящая звезда на китайском политическом небосклоне". Дальнейшие события подтвердили эту оценку "великого кормчего". Примечательно, что впоследствии во время "культурной революции" Мао не только не подверг Дэн Сяопина столь же суровым репрессиям, какие обрушились на Лю Шаоци, но на определенном этапе вернул его во власть, "так как равного ему по опыту и знаниям человека он не видел" (С.551).

В этой связи уместно упомянуть о взаимоотношениях Мао и Дэна и оценке последних роли и деятельности "великого кормчего". Реальность, нашедшая отражение в книге, состояла в том, что практически до начала "культурной революции" Дэн как бы "шагал в ногу" с Мао, отстаивая и стараясь проводить в жизнь все его установки, но во время ее "был зачислен" в ряды его антагонистов. Сам Дэн Сяопин оценивал руководство Мао до 1957 г. как "пра-

вильное", а после — как "ошибочное". Он признавал свою персональную ответственность за "перегибы против правых" в 1957 г., поддержку "большого скачка" и сожалел о том, что не участвовал по болезни в Лушаньском пленуме ЦК КПК 1959 г.

Очевидно, что от Мао Цзэдуна Дэна отличал уровень его более разностороннего и качественного образования, полученного не только в Китае, но и за рубежом, а также более широкий и объективный взгляд на окружающий мир (вспомним, что Мао до 1949 г. вообще не покидал пределов Китая).

Тем не менее, в конце 1950-х гг. Дэн оставался как бы на заднем плане и в ходе острой и принципиальной полемики, возникшей на китайско-советских переговорах, предпочитал "держаться в тени". Впоследствии стало ясно, что эта его сдержанность была вполне осознанной: понимая важность сохранения добрых отношений с СССР, Дэн старался по возможности избегать резких выпадов в его адрес, выступать поборником поиска путей решения проблем на основе обсуждений и обменов мнениями.

Можно ли было в таком случае называть его, как это было принято в советское время, "другом СССР"? Вряд ли. В первую очередь он думал об интересах Китая, понимая, что в добрососедских отношениях с Советским Союзом для его страны был заложен огромный потенциал. В этом смысле уже тогда проявлялся его прагматический подход к решению политических проблем. Что касается участия Дэна в китайско-советской полемике, то даже будучи назначенным Политбюро ЦК КПК курировать работу специальной группы по подготовке "материалов по борьбе с ревизионизмом", он, как отмечено в книге, признавался, что в большинстве случаев критика китайской стороны в адрес СССР "была несправедливой и ошибочной", и группе следовало "больше времени и внимания уделять развитию китайской экономики, а не учить других" (С.406).

Дэн прекрасно понимал также, что вражда с СССР требовала огромных затрат и ложилась тяжелейшим бременем на экономику КНР. Кроме того, он учитывал, что народные хозяйства СССР и Китая являются взаимодополняющими, поэтому коренные экономические интересы должны в

конечном счете возобладать над конъюнктурными соображениями.

Многие качества, определявшие его успех как политика, сформировались у Дэна не без влияния Чжоу Эньлая, отношения с которым покоились на фундаменте прочной дружбы, заложенном еще в молодые годы, во время учебы во Франции. “Чжоу Эньлай уважал своего младшего коллегу”, отмечает автор, “обращался с ним, как с братом” (С. 43). Дэн был не только близок Чжоу по духу, но являлся для него постоянной опорой, помогал и поддерживал, а в последние годы жизни Чжоу, когда тот был смертельно болен, фактически исполнял обязанности премьера Госсовета КНР.

Ликвидируя последствия, вызванные “культурной революцией”, Дэн Сяопин направил китайский народ по пути не постепенных, а быстрых реформ, которые известный политический деятель, бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт охарактеризовал как “чрезвычайный успех”, а самого Дэна — как “самого удачливого политического деятеля конца XX века” (С. 6). Однако дело, по-видимому, было не только в его “удачливости”. Путь реформ, по которому Дэн повел Китай, был его расчетливым и осознанным выбором, базировавшимся на всем предыдущем жизненном и политическом опыте, анализе совершенных ошибок и понесенных потерь. В 1980-е гг., когда в схоластических дискуссиях на пространстве тогдашнего СССР всерьез обсуждался вопрос “куда движется Китай?”, Дэн давно приступил к практической реализации задуманного, и вскоре его страна начала пожинать первые плоды экономической реформы.

Сохранив в основе новой модели развития экономики общественную собственность на средства производства, Дэн и его команда всячески поощряли укрепление других ее секторов, включая частный. Они отказались от буквалистского противопоставления плана и рынка, рассматривая и то, и другое лишь как средства в руках государства, расширяя при этом роль рыночных отношений как главного экономического регулятора.

Одновременно в Китае проходило укрепление государственных институтов, упорядочение вертикали власти. Но если

при Мао высокий уровень управляемости страной достигался сугубо силовыми методами, то Дэн Сяопин открыто признал, что экономическая реформа невозможна без реформы политической системы (С. 729). Отказавшись от заимствования западной модели демократии, неприемлемой для условий Китая, он ратовал за повышение эффективности существующей системы представительных органов власти, упрощение и сокращение управленческих звеньев, четкое разделение полномочий между партийными и административными органами, центром и регионами (там же). Политическая стабильность, по убеждению Дэн Сяопина, была главным условием нормального осуществления экономических реформ. Существенным вкладом в обеспечение такой стабильности явилась не только законодательно оформленная выработка взаимоотношений государства с частным бизнесом, но и гарантирование государственного контроля за строгим обоюдным соблюдением единожды установленных правил, которые власти не могут менять, когда и как им заблагорассудится. Стоит ли упоминать о том, что такая ситуация стимулировала поистине гигантский приток зарубежных инвестиций в китайскую экономику.

Принципиально новым шагом в плане реформирования экономики Китая явилось создание в ряде приморских регионов страны по инициативе Дэн Сяопина и его команды свободных экономических зон, которые позволили в короткие сроки провести технологическое перевооружение и диверсификацию китайской промышленности, расширить ее экспортный потенциал. Но не только это. Парадоксально, но факт: китайские СЭЗ явились для КНР стимулятором процесса территориальной интеграции на политико-государственном уровне. В то время, когда на пространстве бывшего СССР последствия беловежских соглашений начали обретать реальные контуры в виде территориальных конфликтов и локальных войн, в кармане китайского лидера уже давно лежал подписанный с Великобританией договор о передаче КНР Сянган, а сооружение “мостика” для такой интеграции — специальной экономической зоны Шэньчжэнь — шло полным ходом. Очевидно, что без СЭЗ, послуживших од-

новременно пробной ступенькой в ходе практической реализации разработанной под руководством Дэна концепции “одно государство — две системы”, возвращение Китаю отторгнутых у него в эпоху колониальных войн Гонконга и Макао не прошло бы относительно гладко.

В области международных отношений Дэн избрал активную политику сотрудничества с внешним миром, начав с постепенного улучшения отношений с Советским Союзом. Он был также упорным сторонником расширения и налаживания связей КНР с правопреемницей СССР — Россией, укрепления взаимосвязей с Соединенными Штатами Америки.

В результате эффективных экономических преобразований в КНР существенно изменился политический климат. В прошлое ушли репрессии и страх, поселившийся в умах людей в 1950–1960-е гг. На смену им пришли уверенность в завтрашнем дне, возросшие благосостояние и уровень жизни рядовой китайской семьи.

За время руководства Дэн Сяопина страной в очень короткий исторический срок Китай вышел на передовые рубежи в мировом экономическом развитии, значительно укрепив своей международной авторитет. Это не означает, однако, что эпоха Дэна в истории китайского государства окрашена исключительно в розовые тона. В ней было и несколько темных пятен, одно из которых — несмываемое пятно крови Тяньаньмэнь-89 — в значительной мере на его совести. Никогда не забыть сцены, свидетелем которой мне довелось быть в то время в Шанхае, когда разъяренные студенты местного института иностранных языков с криками “сяопин, сяопин” выбрасывали из окон общежития разбивавшиеся вдребезги об асфальт стеклянные бутылки, протестуя так против действий правительства по подавлению массовых демократических манифестаций в Шанхае и Пекине (по-китайски имя Дэна “Сяопин” омонимично словосочетанию “маленькая бутылочка”. — *Прим. авт.*).

О событиях в Пекине весной 1989 г. в книге рассказывается очень подробно. Отмечается, что студенческие выступления тогда “напугали китайское руководство, которое идее демократизации, провозглашавшейся им ранее, противопоставило за-

дачу сохранения социального порядка и стабильности. “Стабильность превыше всего”, — таков был ответ Дэн Сяопина на студенческие демонстрации 1980-х гг. (С. 759). Таким образом, либерализация в Китае, по убеждению Дэна, не могла распространяться дальше того предела, за которым испытанию подвергалось само существование господствовавшей в стране политической системы, ибо ее крушение могло повлечь за собой распад государства. Будучи мононациональной страной, 94% населения которой составляют лица коренной национальности — ханьцы, Китай, тем не менее, исторически всегда тяготел к расколу. И даже начатые Дэном реформы объективно подстегивали сепаратистские тенденции.

В ходе их в стране произошло серьезное расслоение общества, которое привело к возникновению нескольких “разрывов”: между приморскими и внутренними регионами, между городом и деревней, между богатыми и бедными, между политической надстройкой и экономическим базисом, институтами, которые воплощают рыночные отношения, и правящей партией, между практикой и настроениями людей. Выдвигнутая Дэн Сяопином в 1980-е гг. установка на опережающее обогащение части людей, социальных групп и регионов и сыгравшая определенную позитивную роль в мобилизации наиболее энергичной и располагавшей ресурсами части общества на активное участие в экономическом строительстве, сегодня используется в качестве оправдания усиливающихся социальных контрастов.

Совершенно очевидно, что накопление серьезных внутренних противоречий грозит поставить Китай перед лицом серьезных вызовов. Вот почему руководство КНР постоянно ратует за сохранение стабильности и всемерное укрепление центральной власти. Это требование, однако, объективно вступает в противоречие с провозглашенными в свое время Дэном планами реформировать политическую систему Китая. Именно вокруг этого ключевого вопроса и развернулась после смерти Дэн Сяопина борьба среди китайской политической элиты. Сторонники дальнейшего следования по пути реформ, а таких в стране безусловное большинство, отчетли-

во осознавали, что без политической либерализации экономический прогресс будет весьма затруднен. Ортодоксы же решительно ратовали за всемерное ужесточение контроля со стороны государственных структур.

Принципиально важно, однако, то, что наследники Дэна во власти сохранили преемственность его реформаторского курса и добились на этом пути неплохих результатов. Три десятилетия реформ выдвинули КНР в число наиболее динамично развивающихся крупных мировых держав, и существуют основания полагать, что такая тенденция позитивного поступательного развития сохранится в обозримом будущем.

Как видится после прочтения книги Усова, в этом также есть одна из главных заслуг Дэна Сяопина — “прозорливого политика и стратега” (с. 767). И еще понимаешь, что многие беды бывшего СССР, да и

современной России произошли, в том числе, потому, что в нужное время у руля в них не оказалась личности такого масштаба, как Дэн.

В заключение хочется отметить, что книга В.Н. Усова “Дэн Сяопин и его время” представляет собой серьезный капитальный труд видного российского китаевода, во многом по-новому представляющий читателям одного из самых выдающихся лидеров Китая XX в. и его роль в истории современной КНР. Поэтому, несмотря на некоторые ее недочеты, среди которых уместно упомянуть об отдельных нарушениях в авторском тексте гармонизации между содержательным и оценочным компонентами, она займет достойное место в ряду подобных изданий, внося весомый вклад в российскую синологию и историографию.

© 2010

*А.Давыдов,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.*

Юбилей ученого

К юбилею Нины Ефимовны Боревской

Сегодня на сайте электронной энциклопедии "Сравнительной и международной педагогики" Колумбийского университета значится имя Нины Ефимовны Боревской, которая стала одним из основоположников специального направления в китаеведении — изучения системы образования в Китае как сложного социально-экономического и культурного феномена. Многолетние научные исследования Нины Ефимовны охватывают различные аспекты развития китайской системы образования: ее историю, социологию, экономику, этнопсихологию и политику в сфере образования.

Младенческие годы Нины Ефимовны, родившейся в Москве, прошли в эвакуации в Алма-Ате, а детство и юность — в центре нашей столицы. В старших классах

школы № 610, которую она окончила с золотой медалью, началось увлечение литературой — Нина посещала литературную студию, писала неплохие детские стихи и мечтала стать переводчицей. Трудно сказать, откуда возникло ее увлечение Индией, но именно оно продиктовало желание поступать в Институт восточных языков при МГУ. Приемная комиссия, однако, по-своему распорядилась судьбой абитуриентки, зачислив ее на китайское отделение. Впрочем, ни Институт, ни сама студентка в этом не раскаялись: первый — потому что в течение трех лет она была его единственной Ленинской стипендиаткой, а сама Нина Боревская — благодаря преподавателям Института (в первую очередь, проф. Л.Д. Позднеевой и Е.И. Рождественской), которые сумели привить ей любовь к языку и культуре Китая.

В Институте Дальнего Востока Нина Ефимовна работает с первых дней его основания и прошла долгий путь от младшего до главного научного сотрудника. За годы работы она издала 10 монографий и сборников статей, являясь автором шести из них и ответственным редактором остальных, опубликовала около 100 научных статей.

Ученую степень доктора исторических наук Н.Е. Боровская получила, защитив диссертацию по стратегии развития образования в КНР, хотя ее кандидатская диссертация явилась итогом многолетнего исследования китайских романов рубежа XVI-XVII вв. В течение 1970–1980-х гг. она опубликовала ряд интересных статей по этим романам, уже тогда тяготея к сравнительному анализу (о чем свидетельствует статья “Сравнительный анализ “Лузиад” Камозенса и романа “Плавания Чжэн Хэ по Индийскому океану”).

Свободно владея китайским и английским языками, Нина Ефимовна использует в своих исследованиях как китайские первоисточники, так и достижения западных коллег, а также привлекает ценные сведения, собранные во время полевых исследований в КНР. В 1974 г. появилась ее первая книга — “Школа в КНР. 1957–1972 гг.”, а в 1980 г. — монография, написанная в соавторстве и охватывающая три первых десятилетия становления и развития науки и образования в КНР в условиях политической борьбы и экономических экспериментов. В 1980–1990-е гг. Н.Е. Боровская опубликовала ряд статей по системе образования в КНР в качестве подготовительного этапа к тем комплексным, глубоким исследованиям, которыми она занята последние 15 лет.

Многие из ее работ несут новаторский характер. Это относится и к монографии “Очерк истории школы и педагогической мысли в Китае” (2002), ставшей первым трудом в российском китаеведении, всесторонне и целостно представившим процесс формирования сети учебных заведений в Китае как части системы государственных учреждений, реализующих властные функции.

Исследуя специфику модернизации Китая в сфере образования, Н.Е. Боровская впервые соединила страноведческий подход с компаративистским в своей монографии “Государство и школа: опыт китайских реформ на пороге III тысячелетия”. (2003). Значение этой работы, которая освещает многие важные аспекты китайской стратегии прорыва страны в информационную эпоху путем интенсивного развития науки и образования, выходит за рамки чисто образовательной тематики и вносит весомый вклад в изучение проблем современной истории КНР.

Последние 15 лет, после годовой стажировки в Центре сравнительных исследований Нью-Йоркского университета, Н. Е. Боровская ведет интенсивные исследования в сфере компаративистики. Ее работы, опубликованные в фундаментальных зарубежных монографиях и журналах, получили высокую оценку в КНР и в китаеведческих кругах западных стран. В 2008 г. Н.Е. Боровская была избрана членом Управляющего совета Международного института планирования образования (ЮНЕСКО).

Диапазон научных исследований Нины Ефимовны весьма широк. После глубокого погружения в историю философско-педагогической мысли Китая в 2009 г. она издает экономическое исследование “Новые механизмы финансирования высшей школы в КНР: китайский опыт в российском контексте”, которым заинтересовались не только китаеведы, но и российские специалисты по экономике образования.

В начале 2000-х гг. Н.Е. Боровская реализовала несколько интересных российско-китайских научных проектов в сфере образования. Первый из них — монография “Россия — КНР: образовательные реформы на рубеже XX-XXI вв. Сравнительный анализ” (2007). Он построен на базе бинарного сопоставления систем образования двух стран и основных тенденций их развития на протяжении трех десятилетий, начиная с 1980-х гг. В этой книге, подготовленной совместно

Российской академией образования (РАО) и Центральной академией педагогических исследований КНР, приняли участие около 40 ведущих ученых двух стран. Книга была издана почти одновременно в России и КНР, где получила государственную премию. Монографию венчает развернутый сравнительный анализ всего представленного в ней материала, написанный с позиций китайского (проф. Гу Минъюань), российского ученого (Н.Е. Боровская), а также компаративиста с мировым именем — директора Международного института планирования образования при ЮНЕСКО проф. М. Брэя. Согласно его оценке, “методологические и концептуальные подходы этой монографии представляют огромную ценность для ученых России, Китая и других стран”.

К настоящему времени готовится выход в свет очередного совместного с КНР проекта, одним из научных редакторов и авторов которого является Н.Е. Боровская — “Развитие региональных систем профессионального образования в России и Китае: современное состояние и основные тенденции”. Данный международный проект призван продемонстрировать пути и методы решения в каждой из стран проблем модернизации всей системы профессионального образования на примере трех пилотных регионов России и КНР.

Научная деятельность Н.Е. Боровской имеет не только теоретический, но и практический аспект. Подготовленный Ниной Ефимовной глубокий анализ трудов ученых КНР по реформам российской школы и педагогическому наследию СССР крайне важен для российских педагогов.

Большим вкладом в культурный диалог двух наших стран безусловно является только что завершенная Н.Е. Боровской совместно с С.А. Торопцевым монография “Культура Китая во Времени и Пространстве”. В ней впервые в российском и зарубежном китаеведении сделана попытка сопоставить пути становления и развития системы образования в России и Китае, а также найти точки соприкосновения православно-христианской и конфуцианской педагогики.

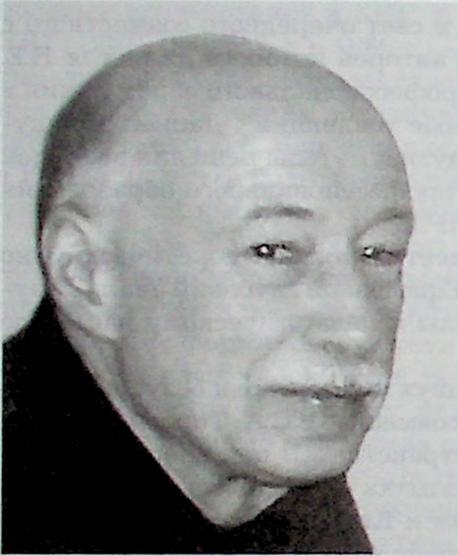
С 1986 по 1991 г. Н.Е. Боровская исполняла обязанности Главного ученого секретаря Всесоюзной ассоциации китаеведов, а с января 2005 г. — заместителя председателя Научного совета по сравнительной педагогике при РАО. Она является также членом ЕАК.

Н.Е. Боровская регулярно выступает с докладами на российских и международных конференциях китаеведов, на международных конгрессах по сравнительной педагогике. Она неоднократно читала спецкурсы в университетах США, Гонконга, Пекина, Шанхая и Шэньяна, почетным профессором которого она является.

Желаем Нине Ефимовне — талантливому и деятельному человеку — здоровья, благополучия и новых успехов в работе на благо развития российского китаеведения.

*Дирекция и коллектив сотрудников Института Дальнего Востока РАН,
редколлегия и редакция журнала “Проблемы Дальнего Востока”*

Сергею Аркадьевичу Торопцеву — 70 лет

23 апреля исполнилось 70 лет Сергею Аркадьевичу Торопцеву — известному российскому специалисту в области китайской литературы и киноискусства, заслуженному деятелю науки РФ, доктору исторических наук, лауреату китайской государственной награды "За особый вклад в издание китайской литературы", члену Китайского общества изучения Ли Бо, руководителю группы "Литература и искусство" Центра изучения духовных цивилизаций Института Дальнего Востока РАН. Всю свою трудовую жизнь Сергей Аркадьевич отдал изучению культуры Китая.

В 1963 г. С.А. Торопцев окончил филологическое отделение Института восточных языков (ныне — Институт стран Азии и Африки) МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности "китайский язык и литература" и волею судьбы был "заброшен" в Пекин на должность переводчика Торгпредства СССР в КНР. По окончании командировки в 1967 г. он поступил в аспирантуру и был принят на работу в Институт Дальнего Востока Академии наук СССР. Помимо изучения кинематографии Китая, в которой он во многом стал первооткрывателем в отечественном китаеведении, С.А. Торопцев усиленно занимался китайской филологией и в 1971 г. получил ученую степень кандидата филологических наук за диссертацию о развитии китайской кинодраматургии. Докторская диссертация (1991) была посвящена новому социальному статусу кинематографии КНР после политических перемен 80-х гг. XX в. Перу С.А. Торопцева принадлежат многочисленные аналитические статьи по китайской кинематографии и несколько книг, в которых он открыл отечественному зрителю тонкие особенности китайского киноискусства: "Трудные годы китайского кино" (1975), "Очерк истории китайского кино" (1979), "Свеча на закатном окне: заметки о китайском кино" (1987), "Китайское кино в "социальном поле". 1949–1992" (1993), "Новое кино" Тайваня (1997), "Кинематография Тайваня" (1998), "Международный брэнд" китайского кино — режиссер Чжан Имоу" (2008). В 1983 г. его кинематографические исследования были вознаграждены членством в Союзе кинематографистов РФ.

Внимание не только китаеведов, но и представителей других научных сфер привлекла небольшая, но оригинальная статья С.А. Торопцева об этнопси-

хологических концепциях китайских ученых. Прежде эта тема не находила своего отражения в китаеведении и в этнопсихологии России.

Неистребимое тяготение к филологии проявилось у С.А. Торопцева как в форме художественного перевода современной китайской прозы (Ван Мэн, Цань Сюэ, Те Нин и др.) и классической поэзии (Ли Бо, пейзажная лирика XIII—XIV вв.), так и в его литературоведческих исследованиях. Работы С.А. Торопцева открыли отечественной филологии глубокую психолого-реалистическую прозу Ван Мэна, абсурдистскую прозу Цань Сюэ, надрывную лирику величайшего поэта VIII вв. Ли Бо, творчеству которого посвящены последние 10 лет исследовательской деятельности С.А. Торопцева. В результате ее появилась первая за пределами Китая полная (ок. 17 а.л.) биография поэта, была написана серия статей по различным тематическим и психологическим направлениям его поэзии, составлены несколько сборников с предисловиями и комментариями, переведено и опубликовано свыше трех сотен стихотворений Ли Бо. С.А. Торопцев поставил перед собой цель — подготовить первое за пределами Китая фундаментальное исследование творчества Ли Бо, куда войдут как тексты около 600 его стихотворений в оригинале, подстрочном и поэтическом переводах, так и комментарии и аналитическая статья.

С.А. Торопцев является членом редколлегии фундаментальной энциклопедии “Духовная культура Китая”, одним из ответственных редакторов находящегося сейчас в производстве тома “Искусство”.

В своих трудах он обосновал социологические, историко-философские и эстетические выводы относительно ментальной структуры, путей развития литературы и искусства Китая, их места в мировой культуре. Работы С.А. Торопцева получили широкое признание в российской и международной научной среде и имеют высокий индекс цитирования. Целый ряд их был опубликован за рубежом и отрецензирован в КНР, на Тайване, в Германии, Болгарии, Чехословакии, Эстонии.

Дирекция и коллектив ИДВ РАН, редколлегия и редакция журнала “Проблемы Дальнего Востока” поздравляют Сергея Аркадьевича с юбилеем и желают ему новых творческих успехов, здоровья и счастья.

Contents

POLITICS

- S. Luzianin.* China and Its "Close Surrounding": Intraregional and Bilateral Relations
D. Maiboroda. The PRC—EU Summits

ECONOMY

- D. Fayzullaev.* Fight for Mongolia: Does the Goal Justify the Means?
A. Simoniya. Burmese Style Privatization

ENVIRONMENT

- E. Biryulin.* Environmental Problems in Shanghai

STATE AND SOCIETY

- O. Maksimova.* The Institution of Chairman of the People's Republic of China in Political and Legal Development of the Country
Zhao Meng. Political Science and Reform of Political System in the People's Republic of China
A. Gabuev. Chinese Nationalists: Features of Intellectual Portrait of Wang Xiaodong

THEORY AND METHODOLOGY

- Zhang Ruizhuang and A. Korolev.* International Relations Theory with Chinese Characteristics: State of The Art and Tendencies of Development

65TH ANNIVERSARY OF VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941—1945)

- V. Antonov.* Memories of the Great Victory

HISTORY

- A. Yurkevich.* Chinese Army in Burma Campaigns of World War II (1942–1945)
K. Asmolov. The Korean War: Who Bears Responsibility for Its Start
I. Usov. The Movement for Convening the Indochinese Congress in 1936

BOOK REVIEW

- N. Samoilov.* Encyclopedia of China's Spiritual Civilization. Volume 4. Historical Thought, Political and Legal Culture.
A. Davydov. Victor Usov. Deng Xiaoping and His Time

SCHOLAR JUBILEE

- Jubilee of Nina Borevskaya
Sergei Arkadievich Toroptsev — 70 years

Summary

S. Luzianin. China and Its "Close Surrounding": Intraregional and Bilateral Relations

The article analyses the priorities in the foreign policy of the PRC. Crucial elements of China's intraregional and bilateral relations with Japan, South and North Korea, Russia, Mongolia, Central Asia, ASEAN, India and Pakistan have also been examined.

Key words: China, foreign policy, priorities, North-East Asia, Russia's Far East, ASEAN, free trade zones, Central Asia, bilateral and multilateral relations, South Asia.

D. Maiboroda. The PRC—EU Summits

The history of twelve China—EU summits, held from 1998 to 2009, has been analysed. The author represents their agenda and evaluates the role in the development of EU—China relationship.

Key words: PRC—EU summit, political dialogue, trade cooperation.

D. Fayzullaev. Fight for Mongolia: Does the Goal Justify the Means?

Nowadays everyone can observe considerably increasing efforts of the Russian leadership to develop the political and economic cooperation with Mongolia. After disintegration of the USSR in 1991 the position of Russia at the Mongolian economic market had weakened eventually, and now Russian companies have to regain their place in Mongolia in the condition of strong competition with leading foreign companies of other countries.

Key words: Russian-Mongolian cooperation, natural resources, joint-stock companies, tax discrimination, financial crisis.

A. Simoniya. Burmese Style Privatization

The privatization in Myanmar was initiated in 1995 after the establishment of Privatization Commission. The author divides the process of privatization into two stages. During the first one which took more than decade, there was very little success except privatization of cinema-halls and small scale properties. But before the parliamentary elections that are to be held in the end of 2010, the military government started the largest in the country's history sell-off of state assets including administrative buildings, port facilities and large equities in the national airlines.

Key words: Myanmar/Burma, State Law and Order Restoration Council (SLORC), State Peace and Development Council (SPDC), privatization.

E. Biryulin. Environmental Problems in Shanghai.

Shanghai is the largest city in China. The high level of its economic development entails fairly complex environmental problems, the importance of which is enhanced because of organizing the International Exhibition "Expo-2010". Estimates of the environmental situation in Shanghai are ambiguous. The main difficulties are related to the state of air quality, water resources and the progressive accumulation

of solid waste. Atmospheric carbon dioxide pollution in Shanghai breaks the record not only for China. Serious problems exist in the fields of water resources and urban water supply. Nevertheless, Shanghai is well positioned to become an engine of China's environmental policies.

Key words: Shanghai, Expo 2010, the air basin, water pollution, solid waste, noise environment, environmental policy, environmental legislation, international co-operation.

O. Maksimova. The Institution of Chairman of the People's Republic of China in Political and Legal Development of the Country

The article examines the establishment and development of the institution of Chairman of the People's Republic of China from the October 1, 1949 until today. Rise and development of this post in China was influenced by historical and national traditions, as well as by the consideration of necessity and expediency for creation of this institution in given political conditions.

Key words: Chairman of the PRC, political institution, historical and national traditions.

Zhao Meng. Political Science and Reform of Political System in the People's Republic of China

The article considered the historical background for the formation of ideological and political basis of the Chinese Communist Party activities that started in early 90's of the 20th century. The author demonstrates the interrelation between the CCP ideological and theoretical work and the development of political science in modern China, describes the problems that are in the focus of attention of Chinese political scientists.

Key words: ideology, the political theory, the Chinese political science, political development, political problems.

A. Gabuev. Chinese Nationalists: Features of Intellectual Portrait of Wang Xiaodong

The article examines intellectual biography of Wang Xiaodong — one of the leading advocates of nationalism in contemporary China and key author of 2009 bestseller "Unhappy China". Using Internet as a primary communication channel Wang Xiaodong tries to reach a broader audience compared to scientific journals' readers. The paper reconstructs Wang's doctrine of turning China into a 21st century superpower by positioning Chinese nationalism as a leading ideology for the PRC.

Key words: Wang Xiaodong, "Unhappy China", Internet, Wang's doctrine, online-blog.

Zhang Ruizhuang and A. Korolev. International Relations Theory with Chinese Characteristics: State of The Art and Tendencies of Development

The article analyzes the state of research of international relations in China. The main emphasis has been placed on the development of international relations theory with Chinese characteristics. Different approaches of the leading Chinese IR scholars to the issue are considered. The main theoretical elaborations are analyzed and possible tendencies in development of IRT in China are defined.

Key words: theory, epistemology, Chinese School of IRT.

V. Antonov. Memories of the Great Victory

A veteran Russian sinologist, who participated in the Great Patriotic War, remembers how this severe and tragic event in the history of our country influenced his personal and future professional life.

Key words: the Great Patriotic War, bombardment, Foreign Language Military Institute, Manchuria, "Shihuabao" newspaper, CPC Translation Bureau.

K. Asmolov. The Korean War: Who Bears Responsibility for Its Start?

The author tries to find his own answer to the question. He stresses the priority of internal factors with particular underlining the role of Pak Hong-Yong, who is seen as the main mastermind of orchestrating the war.

Key-words: Korean War, "cold war", USSR, PRC, USA, the priority of internal factors, propaganda

A. Yurkevich. Chinese Army in Burma Campaigns of World War II (1942—1945)

The article dwells on the operations of Chinese troops against Japanese Army in Allies' Burma campaigns aimed at reopening land routes to China for military supplies. Allies' strategies and clash of their interests bound up with these operations are also described. The author believes that success scored in Burma operations could not have been repeated in China, because Chinese troops in Burma were a part of unified, up-to-date military organization, whereas in China such condition did not existed.

Key-words: China, World War II, Army of Chinese Republic, Burma campaigns, Stillwell.

I. Usov. The Movement for Convening the Indochinese Congress in 1936

This article is the first attempt in Russian historiography to study the movement for convening the Indochinese Congress, that took place in 1936–1937, and according to historians of Socialist Republic of Vietnam, was comparable to revolutionary upsurge of the early 1930s. The article provides an overview of the Congress movement emergence, the social forces involved, the reaction of the metropolitan and colonial government. Special attention is paid to causes and consequences of its defeat.

Key words: the movement for convening the Indochinese Congress, Constitutional Party, People's Front in France.